

НА БОЕВОМ ПОСТУ

1.1989

С Новым
Годом!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

НА Боевом ПОСТУ

Издается с 1958 г.

1 • 1989

Пульс перестройки в войсках — главная забота дня.

[Наш корреспондент беседует с начальником внутренних войск МВД СССР генерал-полковником Ю. В. Шаталиным].

с. 3

Идеологические работники войск обсуждают свои насущные проблемы. А их накопилось немало.

с. 17

Указ о внутренних войсках рожден самой жизнью. Недавние события в Закавказье это отчетливо подтвердили.

с. 27

Будем откровенны — «дедовщину» изжить пока не удалось. Значит, надо работать...

с. 40

В НОМЕРЕ:

■ КУРСОМ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

ШАТАЛИН Ю. Личная программа перестройки 3

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ: РАЗГОВОР О НАБОЛЕВШЕМ, ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ, ОТ ВСЕЙ ДУШИ, ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ 8

■ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА: СОДЕРЖАНИЕ, ДЕЙСТВЕННОСТЬ

Политической учебе — сплав теории и практики 14
ГОРЛОВ А., ВОЛКОВ О. На поверке времени . . . 17

■ РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТИЧЕСКОЙ УЧЕБЫ

СТЕЖКА Б. Укрепляя законность 22

■ ЗАКАВКАЗЬЕ: ВРЕМЯ ТРЕВОГ

ЖАРОВ В. Не дрогнули 27
КУДРЯШОВ В. Боевым награждается орденом . . . 30

■ ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

УШАР А. Группа риска 32

...

■ УСТАВ: ПРОБЛЕМЫ ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

ЕВСТРАТОВ Д. Слепая любовь 36
ШЕВЦОВ С. Исповедь слабого «деда» 40

Халатность, безразличие к подчиненным. Они стали причиной трагического случая, повлекшего за собой человеческие жертвы.

с. 58

«Количество серьезных аварий и катастроф, положение с соблюдением безопасности движения военными водителями войск остается напряженным» — таково мнение опытного специалиста.

с. 51

Тысячи имен долгие годы держались под запретом. Среди них — Август Цинит.

с. 67

■ ЛЮДИ. ПОДВИГИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ

МАСЛЕННИКОВ Г. Дни и ночи Григория Шаварина 44
КОЗЛОВ И. По неконечным результатам . . . 49

■ ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ

СКРЫННИКОВ Е. Успеха отблеск незаемный . . . 53
КЛИМОВ Ю. Инициатива требует простора . . . 55

■ УРОКИ СУДЕБНОГО ДЕЛА

КАРЁВ А. Пустыня равнодушия 58
ГОНДУСОВ В. Уснул за рулем 61

■ КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

АФАНАСЬЕВ В. Рецидив застойной психологии . . . 64

■ ИЗ ИСТОРИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

КОПЕЙКИН А. Бригадный комиссар Август Цинит 67
НИКОЛАЕНКО П., ГУТМАН М. Смотр Красной казармы 70

■ НАШИ ЧЕМПИОНЫ

ПОДОЛИН В. Калгари, Сеул и другие вершины 72

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

ВАЙНЕР Г., СЛОВИН Л. На темной стороне Луны (повесть, продолжение) 74

■ НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

САФОНОВ В. Ф. Э. Дзержинский и внутренние войска 92

■ В часы досуга 93

■ И в шутку, и всерьез 94

■ Рыболовам и охотникам 96

Редакционная коллегия:

Главный редактор А. Г. ГОРЛОВ, В. В. АСТАШИН, Б. Р. БОРУКАЕВ, Ю. В. ДУРНЕВ, Н. М. ЗАХАРЧЕНКО, А. П. КОТЛЯРОВ, И. Т. КОЗЛОВ, В. Н. ЛОСЕВ, Г. А. МАЛЮШКИН, Г. М. МАСЛЕННИКОВ, Е. А. НЕЧАЕВ, Л. А. ПАНКРАТОВ, Л. Н. ПЕЧЕВОЙ, А. В. ПОНОМАРЕВ (ответственный секретарь), Ю. Л. РАЖЕВ [зам. главного редактора], А. С. СОКК, В. Н. УСКОВ, В. А. ШОШИН, В. В. ЩУРОВ.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Журнал распространяется только по подписке через политорганы внутренних войск.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250. Телефоны: секретариат — 361-82-57. Отделов: боевой службы — 361-85-23, пропаганды — 361-82-87, обучения и воинского воспитания — 361-86-27, партийно-политической работы — 361-81-54, литературы, культуры и быта — 361-85-28, писем и информации — 361-89-39, издательства и подписки — 361-80-97.

Сдано в набор 5.11.88 г.
Формат бумаги 70x108/16.
Уч.-изд. л. 11,5.

Подписано к печати 19.12.88 г.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
Г-21138
Заказ 2231

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда». Хорошевское шоссе, 38.

**НА ВОПРОСЫ
НАШЕГО
КОРРЕСПОНДЕНТА
ПОЛКОВНИКА
В. ЛОСЕВА
ОТВЕЧАЕТ НАЧАЛЬНИК
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
МВД СССР
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ШАТАЛИН.**

ЛИЧНАЯ ПРОГРАММА ПЕРЕСТРОЙКИ

— Товарищ генерал-полковник, ваше назначение на высокую должность начальника внутренних войск совпало по времени с началом перестройки в стране. Каковы были ваши первые впечатления о войсках?

— Моя предыдущая служба в Вооруженных Силах СССР была далека от проблем внутренних войск, я, сказать откровенно, лишь в общих чертах знал об их структуре и задачах, состоянии подготовки и кадрах. Так что новое назначение обязывало меня во всем глубоко и основательно разобраться, оценить с позиции тех задач, которые поставлены перед войсками на новом этапе развития нашего общества и государства.

Уже первые знакомства с генералами и офицерами войск, первые выезды в части и подразделения дали много впе-

чатлений, пищи для анализа, размышлений и решений. Если говорить в целом, то войска произвели впечатление боееспособного и сложенного организма, способного решать все возложенные на него задачи. Но настораживал и беспокоил ряд серьезных изъянов в их деятельности, накопившиеся и годами не решавшиеся проблемы, выливающиеся то тут, то там в серьезные провалы в служебно-боевой деятельности. О некоторых негативных событиях, случившихся в подразделениях войск в последние годы, нет нужды напоминать — о них немало и остро писала центральная печать. Все они — закономерное следствие тех застойных явлений, которые не обошли и внутренние войска. Это прежде всего недостатки в подборе, подготовке кадров, боевой и политической подготовке, службе войск, в воспитании личного состава, обеспечении подразделе-

ний и частей всем необходимым для нормального, без перенапряжения и авралов, выполнения задач. Эти проблемы и пришлось решать в первую очередь.

— Вступая в должность, имели ли вы свою программу совершенствования войск или она выработалась позже? Что уже удалось сделать и что намечается на ближайшее время?

— Задачи совершенствования войск определяются их назначением и ролью в системе Министерства внутренних дел СССР. Но, естественно, каждый руководитель стремится провести собственные идеи, выполнить свою задачу в ходе перестройки. Прежде всего необходимо было менять организационно-штатную структуру войск, принципы управления частями и подразделениями.

Мне казалось также неправильным, односторонним создавшееся представление о приоритете в войсках частей, занятых охраной исправительно-трудовых учреждений. Получалось, что деятельность этой службы ставилась в основу, определяла лицо всех войск. Между тем в их составе немало частей и подразделений, выполняющих другие, не менее значимые и ответственные задачи.

Взять хотя бы охрану общественного порядка в городах и населенных пунктах. События в Закавказье наглядно подтвердили важность всестороннего укрепления специальных моторизованных частей милиции, обеспечения их всеми средствами — материальными, техническими и особенно правовыми для успешного решения поставленных задач. Злободневными стали вопросы совершенствования тактики их применения, повышения выучки, морально-психологической подготовки личного состава. В этом направлении уже предпринят ряд практических шагов. Например, централизованна подготовка младших специалистов для этих частей. Это позволило заметно поднять уровень их выучки, профессиональной подготовки.

И опыт привлечения войск для службы в районе Чернобыля тоже поставил серьезные проблемы организации всей деятельности и структуры предназначенных для этих целей подразделений. Сама обстановка в обществе, резко меняющаяся в связи с демократизацией, совершенствованием уголовного и исправительно-трудового законодательства, сокращением численности осужденных в стране, говорит о том, что необходимо смещать акценты в службе войск. Пока же нужно признать, что перелома в сознании офицеров, генералов не произошло. Это надо поправлять, и поправлять всеми силами.

Остановлюсь на одном факте: внутренние войска существуют почти с момента образования Советской власти, а до сих пор не было закона, обеспечивающего правовую основу их деятельности. И эта задача, я считаю, одна из важнейших, была поставлена и решена. По нашей инициативе внесены в Верховный Совет СССР предложения на

этот счет и принят закон. Сейчас завершается работа над Положением о внутренних войсках. В нем детально определяются наши права, обязанности, способности действий в различных обстоятельствах. Теперь предстоит большая работа по изучению этих документов и применению их в повседневной службе.

Главная же программа — совершенствование структуры, боеготовности, боевой и профессиональной подготовки войск, укрепление воинской дисциплины, улучшение руководства частями и подразделениями, способности выполнить любую поставленную перед ними задачу — остается в центре внимания руководства войск и в период перестройки. А здесь работы непочтатый край.

Возьмем ту же боевую подготовку. Разговоры о необходимости ее резкого улучшения ведутся давно. На мой взгляд, от разговоров пора переходить к делу. Нужно оперативно решать основные вопросы повышения качества боевой выучки. Так, как, скажем, решаются сейчас вопросы создания и реконструкции полевой учебной базы. Она повсеместно приводится в соответствие с программой обучения.

Но проблем здесь много. И многие из них порождены недостаточным пониманием некоторыми офицерами-руководителями самой сути вопроса. Например, правильный в целом лозунг «Служба — наша главная задача!» кое-кем истолковывается так, что все остальное, в том числе боевая подготовка войск, — второстепенное дело. В результате получается порочный круг: службу на старом уровне боевой и политической подготовки ощутимо не улучшить, а улучшить эту подготовку «мешает» служба.

Преодоление таких стереотипов мышления — одно из направлений совершенствования всего дела. Ведь о чем говорят случаи некачественного выполнения тех или иных конкретных задач, с которыми еще приходится сталкиваться в подразделениях? Прежде всего о недостаточной подготовленности военнослужащих, от солдата до командира части, о слабой обученности штабов, их неумении предвидеть ход развития событий и владеть обстановкой в экстремальных ситуациях. А причина одна — слабая выучка кадров, изъяны в подготовке. Поэтому совершенствование боевой подготовки, особенно тактики внутренних войск — магистральное направление нашей деятельности. И Министр внутренних дел ставит эту задачу войскам как важнейшую в новом году.

— Судя по письмам читателей, вопросы улучшения качества боевой подготовки волнуют многих наших офицеров. И они также ставят ее в зависимость от служебной нагрузки. Есть мнение, что в некоторых частях, особенно по охране ИТУ, она непомерно высока. Рабочий день офицера порой превышает 10—12 часов, даже когда они не заняты непосредственно выполнением задач боевой службы. Как, на ваш взгляд, можно ослабить эту перегрузку?

— Я считаю, что объективных причин для сверхнормативной нагрузки наших офицеров нет. Она существует там, где неграмотно, неумело организуется служба войск, жизнь подразделений, где командиры опасаются брать на себя всю полноту ответственности за подразделение, часть. К сожалению, не преодолено еще недоверие офицеров к сержантам, не везде готовы поручить им ответственные задания по службе. Тогда и появляются всякие дополнительные указания, распоряжения, попытки «закрыть» те или иные участки службы непосредственно офицерами.

Как организовать дело, чтобы и служба выполнялась безупречно, и офицеры имели нормальный рабочий день и достаточный отдых? Дать какие-то однозначные рекомендации для всех частей и подразделений я не берусь: у каждого командира части, даже подразделения, свои методы, приемы организации дела. Другой вопрос: мы должны делать так, чтобы свою роль руководителя и организатора каждый командир исполнял не механически, а творчески. У командира есть много путей для достижения наилучших результатов, и повышение нагрузок на офицеров далеко не самый лучший из них. Решить, где и когда нужен конкретный офицер — его прерогатива, право, предоставленное ему уставом. Злоупотреблять этим правом, конечно, недопустимо.

Следует признать, что было время, когда в вышестоящих органах управления, в том числе и ГУВВ, не придавали значения этому вопросу, и порой от нас самих исходили распоряжения, которые побуждали командиров на местах дополнительно «нагружать» офицеров. С перестройкой, недоверием к нижестоящим командирам нужно решительно кончать. Доверие, ответственность окрыляет людей, растит кадры. Вот мы решили, что более половины частей и подразделений проверяет непосредственный командир. И результаты радуют: на Украине, например, «свои» проверяющие были строже, принципиальнее, требовательнее, чем вышестоящие комиссии.

Перестройка в войсках предполагает повышение ответственности каждого командира на своем уровне руководства, и мы поддерживаем всякую самостоятельность в пределах устава, закона. Мне думается, что снижение нагрузок на офицеров в нормальных условиях службы — показатель творческого отношения командира, штаба к делу, и оно получает у нас одобрение.

Но у этого вопроса есть и другая сторона. Служба в войсках, офицерская служба — это особый род занятий, особая профессия, несопоставимая с любой гражданской деятельностью. Эта служба сама по себе предполагает повышенные нагрузки — моральные, физические. Готовность к ним, способность переносить их — показатель высокого качества офицерских кадров войск. Поэ-

тому если кто-то надеется, что перестройка приведет к тому, что офицер станет работать так, как инженер на производстве — от смены до смены, то я не стал бы обнадеживать такого человека.

— Кстати, читателям небезынтересно знать, какова, если так можно определить, служебная нагрузка лично у вас, каков режим вашей работы? Есть ли у вас свободное время и на что оно тратится?

— Я, конечно, знаком с расхожим мнением, что чем выше по служебной лестнице, тем легче работать. По этой логике в войсках меньше всего должен быть загружен именно начальник войск. Но мой опыт говорит об обратном. Официально мой рабочий день регламентирован, но обязанность и долг определяют иной распорядок. Кроме работы по должности, приходится немало времени тратить на депутатские дела, на участие в работе коллегии МВД, разбор писем и встречи с теми военнослужащими и членами их семей, кто желает беседовать лично со мной. Плюс ко всему 10—12 дней в месяц провожу непосредственно в войсках. Так что в регламент пока не укладываюсь, хотя это меня не угнетает.

Я уверен, что человек, увлеченный своим делом, часов не наблюдает. Оговорюсь сразу, что не навязываю этот взгляд подчиненным, считаю своей обязанностью и требую от всех, чтобы подчиненным был обеспечен нормальный рабочий ритм, без «сидения» тогда, когда лично я занят какими-то неотложными делами.

Мне не импонирует такой стиль командира, при котором его подчиненные не покидают своих рабочих мест, пока он в кабинете. Убежден, что руководить, и успешно руководить, можно так, чтобы все вопросы решались в установленном распорядком время. Ведь определяющий фактор, характеризующий офицера, — не количество часов, проведенных на службе, а конечный результат, качество работы. Знаю немало таких командиров, начальников штабов, у которых работа налажена без суеты, дерганий, траты внепланового времени подчиненных. Собственно, у таких офицеров и показатели в служебно-боевой деятельности всегда выше.

Поэтому я ценю свободное время и свое, и подчиненных. Противник того, что в подразделениях подчас выходной день для солдат и сержантов загружается обязательными массовыми мероприятиями: спортивными соревнованиями, культпоходами. Выходной есть выходной, и участие в таких мероприятиях должно быть добровольным.

Свое свободное время стараюсь тратить с пользой и удовольствием. Люблю театр, литературу, особенно историческую, не забываю о физической культуре. Но, наверное, как у всякого человека в наше бурное время, личные планы выполнить труднее всего.

— Вы коснулись литературы. Удастся ли вам ознакомиться с произведениями, в которых рисуется жизнь, история внутренних войск, и как вы к ним относитесь?

— За всем уследить, конечно, трудно, сейчас столько острого в журналах, что в те обязательные полчаса перед сном и час-два в выходной день все не охватишь. Но самое заметное стараюсь не пропустить. То, что писатели наконец заглянули в наши казармы и караулы, конечно, хорошо. Нечего возразить, если писатель с болью вскрывает и наши язвы, стараюсь понять, что зависит от меня лично, чтобы исключить негативные проявления в среде военнослужащих войск. Но не всегда можно согласиться с той тенденциозностью, которая проявляется порой в некоторых произведениях, особенно публицистических, в последнее время. Думаю, что это явление временное. Наша служба полна героики и романтики, и, уверен, появятся и произведения, во всей сложности и красоте раскрывающие образ человека самоотверженного и гуманного в своей основе труда, каким заняты офицеры, прапорщики, солдаты внутренних войск, вообще работники Министерства внутренних дел.

— Многие офицеры войск задают такой вопрос: не устарел ли принцип определения численности охраны по лимиту наполнения колоний? Сейчас случается так: численность осужденных в колонии сократилась, к примеру, вдвое, а количество постов осталось прежним: объекты-то работают. Между тем численность личного состава наших подразделений сокращается пропорционально охраняемому контингенту. Не подрывает ли это надежность охраны?

— Эта проблема действительно одна из острых. Мы ее ставим перед руководством МВД СССР и надеемся, что она будет решена в ближайшее время обстоятельно и взвешенно.

Но нельзя забывать, что у нас самих имеется немало внутренних резервов, способных значительно ослабить напряженность, создавшуюся в этот переходный период в отдельных частях и подразделениях. Практика показывает, что немало еще есть объектов, которые по согласованию со взаимодействующей стороной можно закрыть без ущерба для ее экономической деятельности. Достаточно еще и объектов, где можно сократить численность караулов за счет более рационального использования личного состава, совершенствования системы охраны объекта. У командира, штаба есть возможность применять тот способ несения боевой службы, который обеспечит надежность охраны объектов при минимальном расходе сил. Многие могут дать и совершенствование ИТСО, которые кое-где не оправдывают себя. То есть нужно искать и находить все возможности для экономного, рациональ-

ного использования личного состава в охране, и это сейчас одна из крупнейших задач, стоящих перед командирами, штабами.

— Перестройка в войсках касается прежде всего офицерских кадров. Между тем у некоторых она вызывает неуверенность в завтрашнем дне, особенно это заметно в среде молодых офицеров. Обосновано ли их беспокойство, каковы перспективы у тех, кто вступает в офицерский корпус внутренних войск?

— Верно то, что перестройка начинается с изменения сознания офицеров, их отношения к делу. Я считаю, что каждому офицеру войск нужна своя, личная программа перестройки, совершенствования самого себя и работы на порученном участке.

В последнее время кадры войск претерпевают значительные изменения. Произошло и продолжается заметное омоложение офицерского корпуса. Теперь уже повсеместно на ключевые должности командиров, начальников штабов и политотделов назначаются люди до сорокалетнего возраста. Это огромное доверие и высокая ответственность, с которой нелегко справиться порой из-за недостатка простого житейского опыта, мудрости, необходимых для руководства большими воинскими коллективами. И без ошибок тут не обойтись, уже хотя бы потому, что изменились и сами подчиненные. Люди стали принципиальнее, требовательнее относиться к моральным, деловым качествам руководителя, не принимают высокомерия, грубости, нежелания считаться с мнением коллектива. А это требует новых подходов к руководству, новых, современных качеств руководителя.

Но в целом процесс перемещения и обновления кадров в войсках идет нормально, у молодежи хорошие перспективы в службе. Сокращение офицерских кадров идет в основном за счет увольнения лиц, выслуживших установленные законом сроки, а также за счет освобождения от тех, кто не отвечает высоким требованиям — моральным, профессиональным, которыми должен обладать всякий офицер внутренних войск. Те, кто служит честно и добросовестно, имеют все возможности для роста, им беспокониться не о чем. Сокращение коснулось в основном конвойных частей, и это объяснимо: ведь только за последний год численность осужденных в стране сократилась более чем на 500 тысяч. Этот процесс будет продолжаться, а офицеры будут направлены в части, выполняющие иные задачи.

Это не значит, что мы не видим проблем, особенно бытовых, с которыми сталкиваются офицеры внутренних войск. В последнее время обострились проблемы с жильем, снабжением продуктами питания, трудоустройством семей офицеров, особенно в отдаленных, лесных подразделениях.

На решение их мы нацеливаем и командиров всех рангов на местах, пред-

5

принимаем шаги и здесь, в центре. Но, видимо, наших усилий пока мало. Нельзя все надежды связывать с отдаленным будущим, когда перестройка в экономике даст плоды. Всем нам нужно проявлять больше настойчивости, инициативы, использовать все рычаги для разрешения конкретных нужд конкретных людей. Поэтому мы приветствуем всякую инициативу командиров, направленную на улучшение бытовых условий жизни наших военнослужащих. Скажем, развитие подсобного хозяйства в подразделениях помогает во многом ослабить дефицит мясных и иных продуктов питания для семей офицеров и прапорщиков. С пониманием к нашим нуждам в решении жилищных вопросов относится руководство ГУИД. Но пока не везде на местах налажено взаимодействие по этим вопросам, что нас беспокоит, и мы будем активно содействовать командирам в удовлетворении законных потребностей военнослужащих внутренних войск.

— В связи с сокращением количества объектов ГУИД, охраняемых войсками, нельзя ли вообще отказаться от использования в охране ИТУ солдат и сержантов срочной службы?

— Этот вопрос пока не ставится. Он требует глубокой и всесторонней проработки, экономических расчетов и политических решений. Но сама идея небезынтересна. Практика показывает, что в некоторых частях уже сейчас не привлекаются военнослужащие срочной службы к розыску бежавших, штабы вполне обходятся силами офицеров и прапорщиков, военнослужащих сверхсрочной службы. Да и сама тенденция к снижению количества осужденных объективно означает, что личного состава для охраны ИТУ будет требоваться все меньше. Но в целом это проблема отдаленного будущего. Сегодня же задача состоит в том, чтобы военнослужащие, призванные во внутренние войска, прошли здесь настоящую школу боевой выучки, интернационализма, гражданской зрелости, с максимальным напряжением сил выполнили свой воинский долг.

Наши войска сегодня решают ответственные и необходимые для государства задачи, активно участвуют в перестройке всей жизни общества. Особенно это проявилось в связи с событиями в Закавказье. Воины показали в них лучшие качества, стойкостью и выдержкой, высоко сознательным отношением к обязанностям заслужили одобрение народа. В нелегких условиях, связанных с длительным отрывом от мест постоянной дислокации и напряженностью обстановки, безукоризненно выполняют свой долг офицеры, прапорщики, солдаты и сержанты.

Но события в Закавказье выявили и наши слабости, недоработки во многих вопросах служебно-боевой деятельности, подготовки личного состава. Если говорить честно, то мы только учимся

действовать в новых условиях развития демократизации и гласности, с задачами такого рода и масштаба войскам встречаться не приходилось. Уже первый опыт указал на необходимость существенных изменений в структуре, боевом обеспечении, тактике действий частей и подразделений, моральной и специальной подготовке личного состава. Задача командиров, штабов в том и состоит, чтобы быстрее осмыслить этот опыт, выработать правильные меры для повышения боевой готовности, укрепления организованности и порядка в частях и подразделениях.

— Вы сказали, что приходится встречаться с военнослужащими и членами их семей. Часто ли обращаются к вам, и всегда ли вы помогаете тем, кто просит вашей поддержки?

— Обращений письменных и очных довольно много. Это я расцениваю и как доверие, но и как неудовлетворительную работу некоторых командиров, политработников на местах. Большая часть просьб ко мне вполне могла быть удовлетворена в части, соединении, не требует моего личного вмешательства. Но люди обращаются потому, что командир части не хотел выникнуть в суть вопроса, не проявил заинтересованного участия в судьбе человека.

Эту застарелую болезнь в войсках иначе, как чиновничьей психологией, я объяснить не могу. Иной раз достаточно доверительно и участливо поговорить с человеком, и он удовлетворен, перестает жаловаться. Тогда думаешь: разве не в силах это сделать его непосредственный начальник, политработник рангом повыше? Вот где сразу ощущается отрыв от людей, вот куда нужно направлять внимание партийных организаций. Командир всегда лицом к строю, но некоторые, наверное, не вглядываются в выражение лиц подчиненных. В таком случае приходится, как говорят, «нажимать», напоминать о долге, обязанностях командира, начальника. Я веду прием по личным вопросам ежемесячно, и срывов пока не было. Кроме того, в каждой командировке в войска обязательно встречаюсь с военнослужащими и членами их семей.

Чаще всего обращаются ко мне по квартирному, кадровому вопросам. Сказать, что все просьбы удовлетворяю, не могу. Порой становись перед выбором: удовлетворить одного, значит, ущемить другого. Такие решения всегда сложны, поэтому стараюсь сделать так, чтобы не страдала справедливость.

Но вот чем доволен: все обоснованные просьбы солдат и сержантов срочной службы были мной приняты и удовлетворены.

— И последний вопрос: что бы вы пожелали себе в новом году?

— Конечно, успеха в деле. Этого же хочу пожелать и всем военнослужащим внутренних войск.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:

- О НАБОЛЕВШЕМ
- ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ
- ОТ ВСЕЙ ДУШИ
- ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

ДВА ПИСЬМА МИХАИЛУ ДУДИНУ

ТЕПЕРЬ ВАМ НЕ ВЕРЮ

Весь мир объемлет сразу
Смертельная тоска.
Выходят по приказу
Конвойные войска.

Так начинается ваше стихотворение, «Марш победителей», опубликованное в «Ленинградской правде». Не знаю, как весь мир, но меня, капитана внутренних войск, а по-вашему, конвойных, от выхода этих строк в свет объяла действительно смертельная тоска. Если уж признанный поэт, ветеран двух войн, секретарь правления Ленинградского отделения Союза писателей СССР, Герой Социалистического Труда, председатель Ленинградского областного комитета защиты мира такого мнения о внутренних войсках, то что говорить о других?

И вместе с тем меня охватило недоумение. Ведь не так давно, беседа со мной, вы с теплотой и уважением отзывались о войнах внутренних войск, о их психологически напряженной и физически трудной службе. Да и на встречах с нашими солдатами и офицерами вы говорили им пламенные слова:

...И между нами нет различья.
Мы преисполнены одной
Судьбы достойного величья
И славы армии родной.

И вдруг:

Мир разделен на части.
В нем властвует тоска,
Пока во власти власти
Конвойные войска.

... Когда же вы были искренни? И чем вызвали такую оценку юноши, призванные согласно Конституции СССР

выполнять воинский долг во внутренних войсках? Тем, что нередко противостоят правонарушителям? Давайте попробуем отказаться от этих войск хотя бы на минуту. Сможете вы тогда спокойно жить и работать? Не сможете.

Чтобы этого не произошло, солдаты неустанно стоят на постах и нередко ценой своей крови и даже жизни обеспечивают покой советских людей.

Воины наших войск вывозили людей из радиоактивной зоны во время черновильской трагедии и, подвергая себя опасности, охраняли от мародеров их жилища. Они же встали на защиту армянского и азербайджанского народов от распоясавшихся хулиганов, провоцировавших массовые беспорядки в Сумгаите и толкавших людей на кровопролитие. Перечень самоотверженных и добрых дел солдат внутренних войск можно продолжать очень долго.

Да, Сталин и Берия подорвали репутацию внутренних войск. Но скажите, чью репутацию они не подорвали, каких государственных институтов? Суда? Прокуратуры? ЧКВД, органов государственной безопасности? Других наркоматов? Или идеологических учреждений? И правильно ли судить сегодня обо всех и обо всем по тем временам? Тем более о сегодняшних солдатах и офицерах, которые к тому периоду никакого отношения не имеют. Они выполняют порученные партией и правительством задачи. И без них, без этих задач, увы, пока что обойтись нельзя. Разве мы уже ликвидировали ИТУ? Или покончили с преступностью? Или надо забыть Сумгаит?

В последнее время о внутренних войсках пишут и в газетах, и в журна-

лах, их снимают телевидение, документальные и художественные киностудии. Факт отрадный. Он свидетельствует о том, что войска оперативно перестраиваются и с помощью гласности стремятся изжить свои недостатки. «Дедовщину», например. Ими, кстати говоря, страдаем не только мы. Судя по вашим стихам, вы служили в полку, который воспели в стихотворении «Мой полк уходит на ученье». Я помню его:

...Мой полк уходит на ученье,
Грохочет быстрая броня —
Моя надежда и мученье
И продолжение меня.

Я тоже служил солдатом в этом полку, конечно, значительно позже вас. И во мне он оставил совсем иные чувства, потому что мне приходилось здесь сталкиваться с грубостью отдельных офицеров и «стариков», несправедливостью и унижением.

Я стал офицером-политработником. В работе своей я опираюсь на людей, чей жизненный опыт, чье творчество, мысли и дела могут быть полезными для формирования молодых патриотов, защитников своего народа. В числе этих людей были и вы... До недавних пор. До вашего «Марша». Вашего, а не нашего. Теперь я не верю вам, уж простите. И вообще, что должны думать о своих войсках наши военно-

служащие после публичного выступления такого авторитетного человека, каким являетесь вы?

В той же подборке стихов, напечатанной в «Ленинградской правде», вы пишете:

Мать погромщиком убита
Без отщепенца в веках.
Девочка из Сумгаита
На чужих сидит руках.

Вы не обратили внимание, на чьих руках она сидит? Да на руках солдата с буквами ВВ на погонах. Того самого, кто противостоял погромщикам в Сумгаите. Сколько бы еще продолжались беспорядки, если бы не подоспели туда наши части! А знаете ли вы, что немало наших солдат до сих пор на излечении в госпиталях? Они серьезно пострадали, но выстояли. Выполнили приказ власти. И справедливо сказал один азербайджанец: «Когда пришли внутренние войска, народ воспрянул, обрадовался, знали: порядок будет восстановлен». Я думаю, все честные люди страны могут испытывать только облегчение и спокойствие, когда «выходят по приказу» солдаты внутренних войск. Это значит, выходят защитники правопорядка.

Слукавили вы, Михаил Александрович, в своем «Марше»...

Капитан Ю. ГЕРАСИМОВ.

«ОТКАЗНЫЕ ДЕТИ»

—Товарищ капитан, за что нас так?.. — обратился ко мне солдат.

Я знал, о чем он говорит, — о стихотворении М. Дудина «Марш победителей». Что ответить воину — сам я еще не остыл от спора по поводу, что же именно хотел сказать поэт этим стихотворением.

— Понимайте его в некоторой степени как аллегорию, — отвечал я. — Как взгляд поэта на время сталинских репрессий.

— Ну что вы, — возражает солдат. — Это сказано о сегодняшнем дне. Вот послушайте: «Выходят (на этом слове он делает ударение) по приказу конвойные войска...» Ведь это же глагол настоящего времени.

— Поймите правильно, — стремлюсь я переубедить собеседника. — Это образное видение поэтом мира. Вы же — приземляете стихотворение. Думаю, что говорится все же о прошлом.

— А может быть, это своеобразный отклик поэта на Указ Президиума Вер-

ховного Совета СССР о внутренних войсках, отклик, отрицающий этот Указ? Вот послушайте: «Пока во власти власти и сила, и приказ...» Думаю, здесь имеется в виду указ, указ властей. «Пока во власти власти конвойные войска» — а здесь, несомненно, подразумеваются все внутренние войска, на которые якобы опирается власть.

— Возможно, именно так и нужно понимать эти строчки, — начинаю сдаваться я, поскольку не нахожу других аргументов. Действительно, трудно истолковать «Марш победителей» иначе, как дискредитацию внутренних войск.

В последнее время появилось немало публикаций о том, какую отрицательную роль в известные периоды истории нашего государства сыграли войска НКВД. Это было. Это мы должны знать и помнить. Как должны знать и помнить и то, что в дни боев они проявили преданность народу, беспредельное мужество и храбрость, что среди их воспитанников около двухсот Героев Советского Союза.

Знаем мы и то, какие сегодня задачи выполняют внутренние войска. Известно, что наши военнослужащие привлекаются для охраны общественного порядка. И делают они это по велению воинского долга. И по приказу, конечно. Да, по приказу. Только понятие «приказ» для воинов освящено высоким нравственным смыслом предназначения войск — обеспечивать покой и безопасность советских людей. И идут они на это, зачастую рискуя жизнью.

Охраняют воины и осужденных, ограждая наше общество от тех, кто совершил преступления, кто по решению суда вынужден отбывать определенный срок наказания, честным трудом искупать свою вину. И эта задача решается нелегко и непросто.

«Убьют! Они — воскреснут, но выполняют приказ».

А знаете ли вы, Михаил Александрович, что 90 наших военнослужащих навечно зачислены в списки частей, где когда-то они служили. 60 из них совершили подвиги в мирное время.

Хотелось бы остановиться и на моральных аспектах нашей службы. В передаче ленинградского телевидения о жизни одной из воинских частей вроде бы даже с удивлением было отмечено, что военнослужащего от преступников отделяет всего лишь тонкая решетка. И они, конечно, подвергаются психологическому воздействию со стороны осужденных. На что автор справедливо замечает: «Что ж, служба есть служба, и кто-то ее должен нести...» Командиры и политработники как раз и стремятся морально подготовить солдата к такой службе, закалить его идейно.

Именно здесь, как мне кажется, тот самый перекресток поэзии и жизни. Своим опытом, верой в справедливость, образным словом и вы, уважаемый поэт, могли бы поддержать веру восемнадцатилетнего парня в то, что делает он нужное и важное для государства дело. Вы же пишете: «Весь мир для них — преступник, они выше всех...» Полноте вам! К чему эти строки? Что они дадут тем, кто выполняет свой воинский долг, свою конституционную обязанность? Посеют сомнения в святости службы, военной присяги. Не иначе.

Внутренний мир солдата, состояние его души зависят от многих токов. Посылает их и поэзия. Каким же чувством должен быть поэт в тех вопросах, которые он отражает в своем творчестве. Мы живем в период духовного и нравственного подъема. Перестройка дала творческим людям главное — гласность. Писатели, поэты, журналисты, да и не только они, свободно высказывают свои мысли по прежде

закрытым темам. И это хорошо. Это радует. Как хорошо и то, что смелее стали редакторы, которые раньше больше вычеркивали, чем правили. Но как раз именно поэтому художнику слова, чьи произведения выходят тысячными тиражами, так необходим свой, внутренний редактор. Редактор этот — нравственные принципы, которыми руководствуется художник. Ведь кому, как не ему, знать, что посеянное в душе молодого человека сорное зерно может прорасти. Что «взойдет» — апатия к делам службы, обществу или пренебрежительное отношение к его законам — трудно сказать. Но и то, и другое плохо.

Сейчас, к примеру, среди призывников нередко встречаются такие, чьи мысли, чувства окутаны плотным туманом гражданского инфантилизма. Вот как о службе размышляет рядовой Михаил Иванов, призыва весны 1988 года: «Службу я так и представлял: ранние подъемы, команды «Смирно», всюду строем. Я для этого не создан. Попытаюсь два года ни о чем не думать, чтобы они побыстрее прошли. Просто ни о чем...».

Этот не готов к службе физически и нравственно. А теперь под влиянием вашего стихотворения, наверное, появятся и такие, кто не захочет служить во внутренних войсках по убеждению. И вступят в конфликт с законом. Не без вашей помощи.

Как-то вы, Михаил Александрович, говорили о «нравственном стержне молодого человека». Чтобы он, этот стержень, был, человека надо воспитывать. И на наших достижениях, и на наших ошибках. Воспитывать и поэтическим словом. Но не куржиться над службой, не насаждать негативное отношение к ней. Получается уже воспитание со знаком минус.

Заглянуть бы вам во внутренний мир солдат, помочь им в нравственном становлении, морально поддержать в сложностях воинской жизни! Но вы не хотите этого сделать. Ведь при встрече с нами вас «объемлет сразу смертельная тоска».

Вас, Михаил Александрович, хорошо помнят в нашем воинском коллективе. С благодарностью вспоминали и ваши выступления. Вы не раз повторяли примерно такую фразу: сыны мои, служба у вас трудная, но нужная народу. Видимо, именно так в то время вы и думали. И принимая за активную военно-патриотическую работу награжденный знак наших войск «За отличие в службе» II степени, вы сказали немало слов благодарности, тепло отозвались о наших военнослужащих.

«Сыны»... Что ж, выходит, вы отказываетесь от своих сыновей?..

Капитан В. ШЕВЧЕНКО.
Ордена Красной Звезды
УВВ по Северо-Западу и Прибалтике.

ПОСЛЕ ВЗРЫВА

Я живу в районе станции Свердловск-Сортировочный, где осенью прошлого года произошел взрыв колоссальной разрушительной силы. О его последствиях в свое время много писали. Так вот и моя квартира тогда пострадала. Но вспоминаю о тех событиях не для того, чтобы кому-то поплакаться, а с единственной целью — сказать спасибо всем тем, кто протянул руку помощи, не оставил нас один на один с бедой.

Уже на следующий день были нарезаны стекла, старший прапорщик С. Машкин и прапорщик К. Кургузов два вечера подряд стеклили выбитые окна в нашей квартире (шутка ли — 19 стекол!). А в выходной к нам пришла целая делегация, вернее, бригада. Пришли не в гости, а чтобы принять участие в ремонте жилья. Моей семье той работы хватило бы месяца на полтора, если не больше. А общими усилиями мы упилились за один день.

Дорогая редакция! Позвольте через журнал выразить признательность офицерам Нижегородову Владимиру Ивановичу, Бойкову Игорю Юрьевичу, старшему прапорщику Машкину Сергею Семеновичу, прапорщикам Понизовкину Андрею Юрьевичу, Кургузову Константину Алексеевичу, Лыкасову Игорю Юрьевичу и Машкиной Галине Александровне за их отзывчивость.

САВОНОВА Людмила Васильевна.

УВВ по Уралу.

ОКАЗАЛСЯ ПОСТОРОННИМ...

Пишет вам Меркульев Леонид Леонидович, бывший командир роты. Я прослужил во внутренних войсках более двадцати лет. В августе этого года уволили в запас по возрасту. Командование части организовало торжественные проводы. На прощание говорилось в мой адрес много хороших, теплых слов и пожеланий. Одно из них — не забывать воинский коллентив, оказывать посильную помощь офицерам в воспитании личного состава. Естественно, я обещал не порывать связи с однопольчанами.

Два месяца прошли в хлопотах по устройству на работу. И как только появилась возможность, я решил известить родную часть. Специально подгадал время, удобное для встречи с солдатами, надел военную форму, прикинул, о чем буду говорить.

...Как ни больно писать об этом, но я оказался в части посторонним человеком. Мне даже не разрешили пройти в подразделение, дескать, нельзя без пропуска. Но где же, как не в части, его можно получить?! Не пустили меня и в библиотеку, чтобы взять квитанции на выписанные ранее газеты и журналы.

Просьба доложить о моем приходе командиру части была просто проигнорирована.

Правда, после долгих уговоров помощник дежурного по части снизошел до вызова на КПП библиотекаря, которая принесла-таки квитанции на периодичку...

Таким образом, вместо встречи с сослуживцами я вынужден был уйти как оплеванный. Поверьте, за свою многолетнюю службу я ни разу не был так унижен, как в тот день.

Конечно, я осознаю, что исключен из списка части. Но это не значит, что для тех, с кем стоял в одном строю, в одночасье стал посторонним, чужим.

Не могу не назвать тех, кто ко мне, ветерану части, проявил «сверхбдительность». Это заместитель начальника штаба майор Н. Селиванов, ответственный от командования, от которого зависело решение вопроса, и помощник дежурного по части старший прапорщик Ю. Чуманов.

Обида — не лучший советчик при решении больших вопросов, и все же после случившегося я в часть больше не пойду. Даже если и будут приглашать.

Я в конце концов переживу несправедливость. Но разве дело лишь во мне одном? Только из Центрального УВВ увольняются ежегодно многие десятки ветеранов.

С уважением

Капитан запаса Л. МЕРКУЛЬЕВ

«ИДИ,
КОМАНДУЙ.

А КАК?»

Командую взводом, потому и рискну поделиться своими мыслями о проблемах становления молодых офицеров.

Что же получается: четыре курсантских года ты почти что в роли солдата, потом вручают лейтенантские погоны, и иди, командуй людьми! А как? Потому: иных на первых порах и ждут одни разочарования. Кто послабее, характером, начинает выпивать, другие придерживаются совета: «Не возникать!» Но ведь это самое страшное!

Причина отрыва офицеров от личного состава, на мой взгляд, в следующем: нашим училищам надо менять программу. И главное, на что обратить внимание, — научить курсантов находить контакт с подчиненными... Под силу ли это людям, не имеющим житейского и служебного опыта? Конечно, спасибо преподавателям моего родного училища имени С. М. Кирова за то, что они научили меня стрелять, бегать и т. д., но они все эти годы упускали из виду то, что мне предстоит прежде всего работать с людьми.

Лично я вижу выход в том, чтобы увеличить период стажировки в войсках в должности командира взвода до трех-четырех месяцев.

Такая стажировка даст целую программу, над выполнением которой можно будет поработать в училище. Да и практика командования людьми будет побогаче.

Лейтенант А. АЗИН,
командир взвода.
УВВ по Уралу.

ОДНИ НЕВЗГОДЫ И ПОТЕРИ...

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Я жена военнослужащего. Читаю часто ваш журнал, но пишу вам впервые. Конечно, вы можете не опубликовать мое письмо или оставить его без внимания. Но проблема, которую затрагиваю, волнует многих, нет больше сил молчать, здесь нас не понимают или просто не хотят войти в наше положение.

В 1987 году мой муж окончил Высшее политическое училище МВД СССР им. 60-летия ВЛКСМ в Ленинграде, после чего нас отправили в войска на Южный Урал. Приехали, получили квартиру, родился ребенок, а совсем недавно нас перевели в Ленинград, в то же самое училище, что окончил мой муж...

Но увя! Здесь нас ждали одни неприятности, невзгоды, потери. Я прие-

хала вместе с мужем и сыном. Конечно, Ленинград, как и Москва, имеют большие проблемы с жильем. Дело в том, что как мы приехали, нас поселили в гостинице при училище с семимесячным ребенком, готовить ему, как вы сами понимаете, негде, грудного молока ему не хватает. Но из этого положения мы нашли выход. Начальник училища генерал-майор Пряников дал нам срок снять где-нибудь квартиру или комнату.

Пошли на поиски, но ведь люди бо- ятся сдавать квартиры, да и с маленьким ребенком никто не хочет брать. Пришлось вызывать моих родителей. Они забрали сына. Отец мой кадровый офицер, мать тяжело болеет.

Уже несколько раз вставал вопрос о разрыве нашей семьи, но мы не хотим терять друг друга, потому что любим друг друга.

А сегодня директор гостиницы говорит: «Куда хотите, туда и уходите, чтобы завтра вас здесь не было — вы можете уехать к матери, а муж останется здесь. Приказ начальника училища, т. к. надо селить офицеров». Куда же нам идти, куда? Ведь это не реше-

НА СЕМЕЙНЫХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

...И САМОЕ СВЯТОЕ СОХРАНИЛИ

Внимательно слежу за периодической печатью, и вот что бросилось в глаза в последнее время. Часто заходит речь о падении престижности офицерской профессии. Почему? Всегда считалось, что Родину защищать почетно, ответственно и непросто.

Я — жена офицера, прослужившего во внутренних войсках свыше сорока лет. Поженились мы в сорок шестом. Даже в том, что союз свой скрепили 23 февраля, тоже вижу особый смысл. И начали колесить по стране, больше десяти раз переезжали. Причем маршруты ой какие неблизкие! Места, которые приходилось обживать, часто были с характерной приставкой «За» — Забайкалье, Заполярье, Закавказье. Как говорится — то в жар, то в холод.

Хватало всякого: приходилось и в клетушке на КПП части жить с двумя детьми, и молоко колоть топором, потому что мерзлым привозили. Сейчас туристы по 600 рублей платят за круиз на белоснежном лайнере по Енисею. А мне вот не до прелестей природы было, когда «путешествовали» по этой сибирской реке с двумя малышами, с первым своим «офицерским» скарбом.

Но ничего, выдюжили. Всегда старалась часть домашних забот взять на себя, чтобы муж по возможности всего себя службе отдавал. Знали мы, что так надо, вот и служили вместе.

Почему решила я написать в наш войсковой журнал? Думала я сорок лет назад, что трудности офицерских семей — дело временное, послевоенное. Тогда ведь всем нелегко приходилось, многое на женских плечах лежало. Но вот шли год за годом, а мытарства эти продолжались.

С болью и обидой вижу все те же проблемы: жилье, прописка, снабжение продуктами, устройство детей в садик... Мы с мужем через все это проходили десятки раз, но крепились, понимали, что так надо, кому-то нужно быть там, где трудно. Но утверждение, что трудности **необходимы** для закалки людей, мягко говоря, сомнительно. Человеку ведь можно силы свои приложить не только для их преодоления, но для полезной обществу деятельности.

Когда читаешь в газете (вдвойне обидно, что газета эта всесоюзная, и неприглядность жизни офицерских семей становится всенародным достоянием) письмо молоденькой жены лейтенанта, так и хочется ее успокоить — все образуется, дочка, крепись, и твой лейтенант станет если не генералом, то уж полковником точно. Гордись званием офицерской жены, будь подержкой своему единственному.

ние вопроса, ведь можно же помочь хоть чем-нибудь, а не так наобум. Командование должно заботиться о поселенных. Почему я должна жить раздельно с мужем, я ведь жена офицера. Разве это семья? Командованию наплевать на таких, как мы. Кто мы такие? Мелкие сошки.

Здесь в гостинице живет семья заместителя начальника училища, у них двое взрослых детей, а чем мой муж хуже полковника, лишь тем, что у него не те звезды, или мы не из избранных, низший сорт!?

Прошу вас, помогите нам, мы теряем самое святое — семью, она с каждым днем рушится. Неужели я должна отказываться от второго ребенка, которого я жду?

Умоляю вас, помогите. Не только я одна прошу, это просят все жены, которые находятся в таком положении. Я единственного боюсь — может иметь место гонение на моего мужа по службе. Помогите, нет больше сил бороться!

С уважением к вам
ПОНОМАРЕНКО Любовь Анатольевна.
г. Ленинград.

А с другой стороны, обида берет за войска, за наши Вооруженные Силы. Могучий, казалось бы, организм, а вот поди ж ты, десятки лет не может справиться с офицерским социальным бытом. До каких же пор будет висеть над семьями офицеров этот злой рок вечных странников без своего угла, без своего очага? Ведь это очень слабое утешение молодым лейтенантским женам — «и твой будет полковником». Кстати, и полковники, хоть и имеют определенные льготы (выстраданные за годы скитаний) перед молодыми офицерами, так же зачастую ютятся в гостиницах, общежитиях в ожидании квартиры.

И, наконец, о главном. Считаю, если распадаются семьи после первых же жизненных передряг — грош им цена, таким семьям. Значит, не сердцами соединились молодые люди, не навек. Потерять самое святое — семью, где растут дети, могут лишь люди безвольные, эгоистичные, привыкшие к тепличным условиям жизни (да и не жизни, может быть, а только существования).

Н. КАРПОВА,
учительница-пенсионерка.

г. Москва.

**ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО**

ГРУБОСТЬ НАКАЗАНА

О неуважительном, подчас необъективном отношении капитана И. Томашука и подчиненным написал в редакцию прапорщик С. Трофимов. Автор утверждал, что командиру роты ничего не стоит накричать на военнослужащего, в том числе и прапорщина, унижить его. Устраивая разность своим «ближайшим помощникам», офицер совсем не обращает внимание на то, что рядом находятся солдаты. Это создает нервозную обстановку в коллективе, вредит делу воспитания личного состава. В жалобе шла речь и о том, что в роте не всегда продуманно решаются вопросы организации боевой службы.

В ответе редакции на запрос по письму начальник внутренних войск по Северо-Западу и Прибалтике генерал-лейтенант В. Саввин сообщил, что факты, изложенные прапорщиком С. Трофимовым, проверены с выездом на место и подтвердились. Результаты расследования рассмотрены с командованием части, доведены до командования соединения.

Командиру роты капитану И. Томашуку строго указано на эти и другие недостатки, обращено его внимание на слабую индивидуальную воспитательную работу с прапорщинами и необходимость более чуткого реагирования на их запросы и нужды.

ПРИНЯТЫ СТРОГЕ МЕРЫ

О вопиющих безобразиях, творимых в подсобном хозяйстве подразделения, написал в журнал О. Гусейнов. Редакция обратилась к начальнику УВВ по Уралу с просьбой проверить объективность приведенных в жалобе фактов и принять по ним надлежащие меры. Как проинформировал редакцию подполковник Н. Сучков, по письму тов. Гусейнова проведено два служебных расследования. Критика признана правильной. К нарушителям приняты строгие меры. Так, за незаконную продажу поросят из подсобного хозяйства, искажение отчетности майор Ю. Рыбаков предупрежден о неполном служебном соответствии. За злоупотребление служебным положением командир хозяйственного взвода прапорщик А. Зинюк привлечен к суду чести прапорщинов и военнослужащих сверхсрочной службы. Наказан в дисциплинарном порядке командир батальона майор Ю. Еремеев — за слабый контроль за работой подчиненных и поверхностное руководство подсобным хозяйством. За халатное отношение к организации учета, хранения и использования продовольствия начальнику столовой прапорщику С. Сидоровой объявлен выговор. С нее взысканы деньги.

Наш адрес: 111250, г. МОСКВА, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА Боевом ПОСТУ»

ПОЛИТИЧЕСКОЙ УЧЕБЕ — СПЛАВ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Прошло более года, как Центральный Комитет партии принял постановление «О перестройке системы политической и экономической учебы трудящихся» и утвердил основные направления этой перестройки. Программа дальнейшего усиления теоретической подготовки кадров, их идейно-нравственной закалки, формирования высокой политической культуры принималась в обстановке широкого обсуждения. Активную работу по обмену мнениями в этом направлении проводили и идеологические работники внутренних войск.

Минувший учебный год в системе марксистско-ленинской и политической учебы в войсках стал периодом практического воплощения задуманных перемен в идеологической работе, поиска новых форм и методов ее организации и проведения. Сейчас можно сказать, что в ряде мест наметились определенные сдвиги, накоплен некоторый опыт работы по новому пропагандистов со слушателями. Этому, несомненно, способствовали рекомендации политорганам войск, новые требования к организации и методике политической учебы, сформулированные в директиве начальника внутренних войск и Политуправления «О политической подготовке во внутренних войсках МВД СССР». Осуществлялись конкретные меры, направленные на расширение демократизации, гласности, активизации интереса слушателей в процессе занятий.

Главные усилия идеологического актива войск были сосредоточены на том, чтобы военнослужащие глубоко усваивали марксистско-ленинскую теорию, последние партийные документы. Ставилась цель — вооружить личный состав правильным пониманием остроты переживаемого момента, новым видением социалистической перспективы, перестроить психологию людей в духе новаторских

подходов XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, пленумов Центрального Комитета нашей партии.

Скажем, лучше, чем прежде, использовались возможности политической учебы для воспитания военнослужащих в духе строгого соблюдения военной присяги, уставов, политической бдительности, поддержания высокой боевой готовности, укрепления воинской дисциплины в части, где начальником политотдела офицер В. Власко. Сумел найти интересные и эффективные формы работы с личным составом по вопросам интернационального и патриотического воспитания, правильного понимания общественных явлений и процессов политработник офицер Н. Емельянов. Дискуссионно, в свободном обмене мнениями войны учились давать отпор проявлениям буржуазной идеологии и морали, незрелым суждениям, пацифистским и националистическим настроениям, сомнительным высказываниям.

Анализ итогов марксистско-ленинской и политической учебы показывает, что она стала целеустремленной, теснее увязывается с жизнью. Усилился интерес слушателей к изучаемым темам, повысилось качество подготовки руководителей, возросла активность на занятиях, которые стали более содержательными, из них постепенно уходят назидательность и монотонность. Абсолютное большинство военнослужащих усвоили программный материал, проявляют высокую политическую сознательность, правильно оценивают события в стране и за рубежом, делают необходимые выводы для практической работы.

Многие руководители групп стали творчески относиться к индивидуальной подготовке для проведения занятий. Нередко, даже в отдельно дислоцирован-

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА:

СОДЕРЖАНИЕ, ДЕЙСТВЕННОСТЬ

ных подразделениях, можно встретить офицера, имеющего опорные конспекты, составляющего индивидуальный перспективный план самостоятельной работы, умело применяющего в процессе политподготовки технические средства пропаганды. Интересные, неординарные подходы к идеологической закалке личного состава внедряют офицеры К. Жвирко, Н. Кирилук, Д. Орех. Неформальный, незаорганизованный, лишенный школярства и мелочной опеки, увязанный с жизнью подход к политической учебе сказывается на улучшении морально-нравственной атмосферы в воинских коллективах, помогает успешно решать служебно-боевые задачи, благотворно влияет на укрепление воинской дисциплины.

Но, к сожалению, так дело обстоит не везде. Перестройка организации и содержания политической учебы идет медленно. В войсках оказались живучи негативные явления и нездоровые традиции, которые укоренились в нашем обществе в период застоя. Годами сложившаяся у людей привычка «не высовываться», говорить «как все» тормозят внедрение в повседневную жизнь нового мышления.

Об этом шел деловой, принципиальный, а кое для кого и нелюдимый разговор на совещании идеологических работников внутренних войск в октябре прошлого года. Отмечалось, что во многих группах марксистско-ленинской подготовки не изжиты еще формализм, абстрактные рассуждения, часто занятиям не придается творческий характер, не получается откровенного обмена мнениями. Все это, естественно, снижает интерес слушателей, не способствует их активности.

Кое-где снижена роль политической учебы прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы, многие из них проявляют безразличие к уровню своей идейно-теоретической подготовки. Страдают догмами старого мышления политическая подготовка солдат и сержантов. Мало изменений в политической и экономической учебе служащих.

Почему же качественные перемены в марксистско-ленинской и политической учебе в ряде воинских коллективов неоправданно затягиваются?

Так происходит потому, что стиль работы некоторых должностных лиц не претерпел существенных изменений. Медленно преодолеваются сложившиеся стереотипы мышления, наблюдается тяготеение к администрированию, а нередко просто к говорильне. В результате процесс воспитания идет неудовлетворительно.

Офицеры-политработники В. Турков, В. Мартыненко, В. Ладинский, например, после выхода соответствующих партийных документов и директивных указаний политорганов провели некоторые организационные мероприятия. Но, к сожалению, быстро охладели свой пыл. Это привело к тому, что многие руководители групп политических занятий перестали тщательно готовиться к каждому занятию. Таким удобно идти по старой, наезженной колее, когда переписанный

из ряда журналов конспект есть, слушатели на занятиях присутствуют и доброжелательно заносят в свои тетради монотонные монологи руководителя. Знакомая картина прошлых лет.

На чем же должны быть сосредоточены главные усилия, чтобы политическая учеба превратилась в живую, творческую, не прерывающуюся даже после того, когда слушатели вышли из класса, процесс общения, обмена мнениями, спора, поиска истины?

Учебные планы занятий на 1989 год со всеми категориями личного состава предоставляют руководителям и слушателям возможность маневра для творчества, инициативы, самостоятельности. Они предусматривают углубленное изучение первоисточников, прежде всего удовлетворение запросов слушателей в системном и целостном усвоении теории марксизма-ленинизма, его преломлении на сегодняшние проблемы, исходя из ленинского указания о том, что марксизм — не мертвая догма, не какое-либо законченное учение, а живое руководство к действию. Огромная преобразующая сила этого учения заключена в его способности к постоянному обновлению. На каждом новом историческом этапе общие принципы марксизма-ленинизма по-новому актуализируются, раскрываются с новых сторон, обретают конкретное, соответствующее времени звучание.

Сегодняшнее время меняет логику политической учебы. Стоит задача возродить диалектический, по-ленински творческий подход к пониманию целей и средств социалистических преобразований, изучать кропотливо и вдумчиво реальные противоречия, находить трезвые и эффективные пути их решения, понять роль и место Вооруженных Сил СССР и их составной части — внутренних войск в процессе перестройки.

Идти к пониманию этого нужно не от заранее сформулированных принципов к фактам жизни, а от реальности процессов, протекающих в советском обществе и в мире, к обобщениям и выводам.

Организационная структура марксистско-ленинской и политической учебы во внутренних войсках в текущем году существенно не изменилась. Но это не значит, что невозможен поиск новых подходов, интересных по форме и содержанию, учитывающих теоретическую подготовку и практический опыт руководителей и слушателей. Рекомендованное когда-то и кем-то не является навсегда оптимальным. Поиски лучших решений с учетом особенностей воинских коллективов, их национального состава, характера выполняемых задач нужно вести постоянно. И они должны не только выноситься как предложения, но и испытываться на практике.

Именно таким путем вошла в жизнь новая форма проведения политических занятий — политчас. Ее эффективность и действенность была подтверждена в период выполнения задач в Закавказье, когда нужно было оперативно доводить личному составу сложившуюся обстановку, разъяснять суть происходящих собы-

тий, давать им объективную оценку. Подобранный подход к методике проведения занятий только укрепляет демократические принципы организации политического образования.

Сейчас много говорится о внедрении в практику активных форм обучения. Нельзя сказать, что они не нашли отклика среди пропагандистов, но четкого понимания их методики, наиболее рационального применения у некоторых руководителей групп пока нет. Об этом свидетельствуют, в частности, споры, которые порой разгораются на учебно-методических сборах: в каком случае целесообразна деловая игра, как правильно руководить дискуссией, что такое проблемный метод обучения...

Конечно, однозначно на все эти вопросы ответить трудно, а давать исчерпывающие рекомендации просто невозможно. Но методология здесь одна — нужно так рассматривать учебный вопрос, чтобы он побуждал к размышлению, к самостоятельному поиску ответа и приводил к осознанному, логически обоснованному, а не механически зазубренному ответу, к глубокому пониманию существа проблемы. При этом руководитель не должен претендовать на абсолютность и непогрешимость своей трактовки истины. Непременным условием проблемного обучения является прежде всего интерес к нему со стороны слушателей.

Выработке устойчивого интереса к политическим занятиям способствуют и деловые игры. Эта форма обучения предполагает соблюдение определенных, предварительно оговоренных правил, имитацию в учебных целях различных видов деятельности, а также поиск подходов к решению конкретных задач. Нередко они связаны с предварительным распределением ролей. Вряд ли при такой форме обучения стоит подсчитывать баллы за ответы и решения, выставлять оценки. Важнейшая цель здесь — обобщение и реализация поступивших предложений. Только это придает деловым играм необходимую действенность.

Конечно, взятые на вооружение активные формы обучения предвзывают повышенный спрос к личности руководителя занятий, требуют от него тщательнейшей подготовки, широкой эрудиции, знакомства со специальной литературой по педагогике и психологии. А конспект прежде всего должен быть удобным для проведения занятия, позволяющим владеть вниманием аудитории, правильно раскрывающим учебные вопросы. А будет ли он выполнен в тетради или на карточках, написан от руки или отпечатан на машинке, с переписанными цитатами или подклеенными вырезками из газет и журналов — это индивидуальное творчество руководителя занятия, основанное на его подготовке и практическом опыте.

В настоящее время возрастает роль правовой культуры военнослужащих, знание ими основ советского законодательства. Для личного состава внутренних войск этот вопрос особенно актуа-

лен еще и потому, что своим служебным предназначением они призваны стоять на страже социалистической законности и действовать строго в соответствии с ее требованиями.

В войсках идет изучение законодательных актов в объеме правового минимума офицера. Особое внимание следует уделить Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». Нужно довести до личного состава, что в период создания правового государства, расширения демократии и гласности проявлена забота о правовой защите здоровья, чести и личного достоинства воинов.

Во многом эффективность политической учебы зависит от материальной базы. Проблем здесь много. Нужно создавать оснащенные необходимым оборудованием учебно-методические кабинеты, где была бы возможность обучать пропагандистов, особенно нештатных, умению пользоваться техническими средствами обучения. Есть потребность в хороших учебниках по политподготовке для самостоятельной работы прапорщиков, сержантов и солдат. Кое-что в этом направлении сделано. Разработаны и утверждены новые нормы политпросветимущества, где предусмотрены определенные виды аппаратуры, которые можно использовать на занятиях. Политуправлением внутренних войск выпущен ряд брошюр и альбомов, содержащих рекомендации и материалы в помощь руководителям и слушателям групп политических занятий.

Командиры, политорганы, партийные, комсомольские организации должны периодически рассматривать состояние марксистско-ленинской и политической учебы, меры по ее улучшению, интересоваться уровнем идейно-теоретической подготовки руководителей групп. Коммунистам-руководителям необходимо активнее участвовать в подготовке и проведении учебно-методических сборов, семинаров, методических и практических конференций со штатными пропагандистами и руководителями групп политзанятий.

Идейное воспитание людей — процесс широкий и непрерывный. Влиять на него, направлять в нужное русло — долг и обязанность каждого партийного активиста. Это, в частности, еще раз подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О работе партийных органов Ульяновской области по выполнению постановления ЦК КПСС «О перестройке системы политической и экономической учебы трудящихся».

Первые уроки опыта, который накоплен в войсках в ходе перестройки политической учебы, необходимо закрепить в каждой роте, каждом взводе. Свой вклад в это должны внести все — и должностные лица, и рядовые коммунисты, комсомольцы, беспартийные. Успех будет там, где живут не только днем сегодняшним, но и думают о том, что будет завтра, где обеспечат слав теория и практики.

оценки и убедительного комментария. В первую очередь это относится к публикациям, ставящим под сомнение необходимость святого конституционного долга по защите нашего Отечества, тем более что — и в выступлениях приводились примеры — ряд военнослужащих интересуется такими материалами.

Поиски новых, ярких, выразительных форм пропаганды идей партконференции, других важнейших решений партии — разговор об этом был самокритичный — затягиваются. Об этом горячо говорили на сборах офицеры С. Ахметов, Б. Сиренко и ряд других. И не случайна эта обеспокоенность, ведь время первых оценок прошло. Необходимо продолжить углубленное изучение всех резолюций конференции с практическими выводами и, наконец, добиться их выполнения на конкретные дела. Однако, отмечалось, как и прежде, призывов и лозунгов немало, но дело идет далеко не везде.

О личности пропагандиста в новой идеологической ситуации размышлений было много. Сводились они к сложности преодоления «синдрома ожидания». Тяжело искореняется привычка к понуканию, с большим трудом высвобождается инициатива. Подготовить отчет, сделать отметку, заслониться справкой, бумагой и жить спокойно — этот порочный стиль деятельности отдельных пропагандистов пока не истреблен. А ведь только эрудированный, всесторонне образованный офицер, живой, энергичный, ищущий, близкий к людям, сможет завоевать их доверие и повести за собой.

Не секрет, случается, что выходит на трибуну авторитетный, подготовленный пропагандист, а его не хотят слушать. В чем причина?

— Конечно же, зачастую не в личности оратора, — справедливо заметил офицер А. Селезнев, — просто люди перестают верить словам, если за ними не следуют дела. А ведь многие прорывы на службе, в дисциплине, в учебе исходят от коммунистов. Бывает, что непопулярность пропагандистов кроется в отношениях между ними и аудиторией. Ведь люди, заинтересованные в решениях тех или иных проблем, порой четко не представляют, с какими сложностями это связано, какого времени и сил требует. Вот и складывается неверное мнение, что все тормозится где-то «наверху».

Многие ораторы останавливались на необходимости повышения действенности правового воспитания. Без правовой культуры, как отмечалось в резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции, трудно утвердить верховенство закона. Тем не менее выступившие в прениях констатировали, что правовая подготовка офицеров, других категорий военнослужащих не часто попадает в поле зре-

ния идеологического актива. Ослаблено взаимодействие с органами военной юстиции, преобладают примитивные, малоэффективные формы работы с военнослужащими.

Марксистско-ленинская подготовка, политическая учеба — одно из ответственных направлений в деятельности пропагандистов. К сожалению, руководящие принципы по ее организации, изложенные в последних постановлениях ЦК КПСС по вопросам совершенствования политической и экономической учебы трудящихся, в ряде частей еще не взяты за основу в работе. Крайне мало уделяется внимания нештатным пропагандистам. Вместо заботы преобладает голый формализм. Особенно это касается недавних выпускников военных училищ. Как отмечал офицер В. Северенков, многие командиры и политработники войск не следят за их становлением и пропагандистским ростом. Немало казенщины и школярства в марксистско-ленинской подготовке офицеров, а идеологические работники не проявляют должной настойчивости в развитии передовых методов обучения.

Серьезного совершенствования — такой вывод сделали все присутствовавшие на сборах — требует агитационно-массовая работа. Не хватает еще проводимым мероприятиям наступательности, научности, не всегда учитываются особенности современной идеологической ситуации.

Критические и самокритичные выступления прозвучали еще по целому ряду проблем. Предлагались и конкретные меры. Но все же чувствовалось, что ни время (в прениях давалось до десяти минут), ни условия (на трибуне) не позволяют пропагандистам более глубоко выразить свои мысли, шире развить то, что уже опробовано в деле и проанализировано. И поэтому было понятно стремление участников сборов поскорее включиться в практические занятия.

ДЕЛОВЫЕ ИГРЫ

Как-то политотдел внутренних войск по Средней Азии и Казахстану решил провести с политработниками деловую игру. Узнав об этом, старший начальник выразил сомнение: «А надо ли? Готовы ли к этому люди?» В последний момент были внесены коррективы: места разного рода новаций снова заняли апробированные формы.

Эпизод этот пришел на память, когда в кулуарах участники сборов обсуждали «необычные» формы занятий. Вопрос «Надо ли?» здесь не поднимался. Беспочвенно больше психологический фактор: не вольется ли в новую форму старое содержание? Опасение не беспочвенное: говорить

о перестройке куда легче, чем отказываться от привычного. Тем не менее, несмотря на отдельные шероховатости и нестыковки, деловые игры как интересная и динамичная форма сборовой подготовки были безоговорочно приняты и оценены пропагандистами.

Одна из «игр» была посвящена проведению инструктивно-методического занятия. Предполагалось, что участники, выполняя заданные роли, выработают оптимальные предложения по его организации и методике.

В чистом виде, думается, деловой игры не получилось, хотя это ни в коей мере нельзя отнести к недостаткам. Скорее наоборот. Разнообразие задач, выполняемых различными подразделениями и частями, а также условий, в которых они находятся, определило столь же разноплановый подход к моделированию конкретных ситуаций. Поэтому представляется, что разделение участников занятий на игровые коллективы предотвратило бы несколько затянувшиеся споры по расчету времени, определению метода и формулировке учебных вопросов в ущерб разработке содержания и его структурно-логических схем. Но все-таки состоявшаяся дискуссия сыграла свою роль, оживив занятие в целом. Главное было в том, что участники «игры» попытались уйти от классических схем. Из года в год занятия с руководителями групп начинались инструктивным докладом в масштабе части и заканчивались семинарами в батальонах. С одной стороны — форма испытанная, устоявшаяся. С другой же — тормоз для творчества, инициативы, поиска. Конечно, не стоит, видимо, отбрасывать то, что накоплено многолетним опытом. В то же время почему бы не заменить инструктивный доклад дискуссией по той или иной проблеме? Или вместо того же доклада прослушать познавательную лекцию, а в заключение организовать ее обсуждение за «круглым столом»?

Размышляя над тем, какие методические рекомендации необходимо дать руководителям групп, один из участников «игры» высказал мнение о том, что теоретической основой изучения материала по политзанятиям сегодня в первую очередь следует считать решения XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной конференции КПСС, другие партийные документы, принятые в последнее время. Бесспорно, за годы после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС партия провела огромную теоретическую работу, итогом которой стала целостная развернутая концепция перестройки всех сторон жизни советского общества. Помочь воинам уяснить ее и осмыслить — долг пропагандистов. Однако сейчас, как никогда, важно — и это отмечалось во многих выступлениях — обращаться к трудам классиков марксизма-лени-

низма, осваивать их глубоко научный подход к рассмотрению тех или иных проблем.

Представляется интересным предложение участников деловой игры не навязывать руководителям групп конкретные методические принципы проведения занятий, отдав эту прерогативу целиком в творческую лабораторию нештатного пропагандиста. Ведь кому, как не ему, лучше знать своих слушателей, а значит, определять, будут ли первые два часа лекцией, беседой, откровенным диалогом, сколько времени необходимо выделить на самостоятельную работу слушателей, в какой форме ее провести и, наконец, как завершить изучение темы: индивидуальным собеседованием, контрольными летучками, семинаром...

Серьезного внимания, судя по выступлениям, заслуживает первый опыт использования опорных сигналов и опорных конспектов. И там, где соблюдались основные требования к ним: логическая стройность, краткость, доходчивость, — эффективность их применения была высокой. Особенно это относится к группам военнослужащих, слабо владеющих русским языком. Опорные конспекты, составленные в виде диаграмм, схем, таблиц, способствовали более быстрому и прочному усвоению ими важнейших теоретических положений, примеров, фактов, цифр.

Кстати, работе нештатных пропагандистов с военнослужащими, в той или иной мере ощущающими языковую барьер, был посвящен отдельный разговор. Напряженность учебных планов и сложность программ не позволяют обойти эту проблему. Сегодня на политзанятиях рассматривается целый спектр экономических, политических и социальных проблем. Как донести их суть до солдата, который освоил только простую разговорную речь и совсем незнаком со специальной терминологией? Выход, оказывается, довольно прост: необходимо активизировать работу с периодическими изданиями на национальных языках.

Действительно, ведь важнейшие документы партии и правительства широко освещаются и комментируются местной прессой. Надо только по группам или индивидуально организовать их изучение, следить, чтобы газеты и журналы регулярно выдавались в караулы, на занятия и самоподготовку. Где это возможно, целесообразно готовить отдельные переводы наиболее важного материала.

Если говорить об основных итогах занятия, несомненно, это были серьезные попытки выразить практически свои предложения по обновлению содержания, методики, организации всех форм политической учебы, улучшению подготовки и воспитания нештатных пропагандистов.

Проблемы совершенствования методики преподавания обсудили за «круглым столом» начальники кафедр общественных наук войсковых училищ.

В военных вузах немало делается, чтобы воспитать офицеров, преданных службе во внутренних войсках. И тем обиднее, что брак в работе училищ еще есть: это и злоупотребления служебным положением, и нарушения дисциплины, и апатия к служебным обязанностям некоторых недавних выпускников.

При обмене мнениями не было недостатка в самокритике, тем не менее отмечалось, что без помощи и поддержки вузы ряд поставленных вопросов решить не в силах.

Процессы расширения гласности и демократизации советского общества активно стимулируют интерес курсантов к общественным дисциплинам, повышают престижность их преподавания. Это, правда, еще не чувствуется по программам и учебным планам.

Выпускник училища получает среднее военное и общее высшее образование. Время же на изучение общественных дисциплин из всего учебного процесса составляет лишь 17—18 процентов. Для сравнения, в некоторых зарубежных военно-учебных заведениях этот объем равен 40—50 процентам. Неоправданно, думается, сокращен ряд курсов, к примеру, «Основы научного атеизма» и «Основы нравственного и эстетического воспитания». А ведь современному молодому офицеру так нужны навыки атеистической пропаганды, воспитания у подчиненных культуры поведения и умения общаться.

Существует и проблема правильной ценностной ориентации курсантов. Обучаясь в больших городах, некоторые с первого курса настраивают себя на службу «на асфальте». И вот после получения диплома и направления в отдаленное подразделение, где суровые социально-бытовые и климатические условия, у таких выпускников опускаются руки, распадаются семьи, не идет служба.

Основная движущая сила всех преобразований в училищах — профессорско-преподавательский состав. В ходе обсуждения подчеркивалось, насколько сложен и длителен процесс подготовки высококвалифицированных преподавателей. В связи с этим особенно тревожно отсутствие кое-где бережного отношения к молодым педагогам, постоянный дефицит времени на научную и методическую подготовку.

Разговор в целом носил конструктивный характер не только потому, что удалось обрисовать наиболее значимые проблемы. Намечены были и конкретные пути их решения.

Деловая игра была проведена и с

редакторами войсковых и многотиражных газет. Выступая в своих собственных ролях, они демонстрировали навыки организации и подготовки к выпуску тематического номера, посвященного проблемам демократизации и гласности в армейской жизни.

Руководство Политического управления, все присутствующие на сборах приняли участие в разговоре за «круглым столом», организованном редакцией журнала «На боевом посту». И хотя было предложено всего несколько вопросов для обсуждения: что не соответствует представлению о журнале, каким хотелось бы его увидеть, что для этого можно сделать, — недостатка в обстоятельных, критичных и в то же время доброжелательных мнениях не было.

ЗАДАНИЕ НА ПОСЛЕЗАВТРА

Бывает, размышляем о завтрашнем дне, прикидываем, планируем и не замечаем, что он-то уже наступил. А у нас только план подготовки к нему составлен. И делаем вывод: видимо, заглядывать впредь стоит подальше.

Именно таким выводом и руководствовались на прошедших сборах. Стремление осознать, что будет главным в перспективе, во многом помогло идеологическим работникам раскрепостить свои творческие возможности, попытаться прогнозировать, в каком направлении будет развиваться идеологическая ситуация, чего потребует от них необходимость соответствовать ей. Ведь никто не отчитывается так серьезно на поверке времени, как пропагандистские кадры.

Состоявшийся на сборах разговор заставил о многом задуматься, многое переосмыслить, еще раз показал, какие высокие требования предъявляются к идеологическим работникам в ходе перестройки. Инициатива, деловитость, высокая ответственность будут необходимы по самому большому счету для решения поднятых в эти дни проблем.

Пройдет немало времени, прежде чем вновь соберутся вместе идеологические работники внутренних войск, чтобы обсудить свои планы. И тот будущий разговор во многом определит итоги их деятельности сегодня. Будут ли преодолены трудности, сняты с повестки дня существующие проблемы, покажет только повседневная, будничная и поэтому, наверно, нелегкая работа.

Полковник А. ГОРЛОВ,
майор О. ВОЛКОВ.

В ВОЕННОМ СОВЕТЕ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА ЗАСЕДАНИИ Военного совета внутренних войск рассмотрен ход выполнения в войсках постановлений ЦК КПСС об укреплении воинской дисциплины.

В докладе члена Военного совета — начальника Политуправления внутренних войск генерал-майора А. И. Гриенко проанализирована работа командиров, политорганов, штабов, партийных и комсомольских организаций в этом направлении. Отмечено, что в ряде мест усилилось внимание к проблемам укрепления воинской дисциплины, организованности и правопорядка, повысилась требовательность к должностным лицам за их состояние, и это способствовало стабилизации положения дел в отдельных воинских коллективах.

Вместе с тем было указано, что задача коренного укрепления воинской дисциплины во внутренних войсках решается медленно.

Среди проблем, вызывающих наибольшую озабоченность, начальник Политуправления назвал неудовлетворительную работу по профилактике гибели и травматизма людей.

С большой тревогой говорилось о том, что многие офицеры, сержанты, партийный и комсомольский актив оказались не в состоянии искоренить унижение отдельными недисциплинированными военнослужащими личного достоинства сослуживцев. Особо подчеркивалось, что антиуставные взаимоотношения нередко влекут за собой тяжкие последствия, связанные с уклонением от военной службы, а порой и расправой над обидчиками. Слабо изживаются и такие явления, как нарушения правил несения караульной и внутренней служб, пьянство, различные отступления от советских законов.

Были также вскрыты и причины негативных явлений — неэффективная работа должностных лиц по поддержанию твердого уставного порядка, несоответствие стиля и методов руководства требованиям перестройки, отсутствие личной примерности отдельных офицеров, коммунистов в строгом и неукоснительном выполнении требований партии как на службе, так и в быту. Отмечалось, что на качественном укреплении воинской дисциплины сказываются недостатки социально-бытового обеспечения военнослужащих, бездушие, черствость, а зачастую неприкрытая грубость начальников в отношениях с подчиненными.

Хуже других решаются задачи укрепления дисциплины в воинских коллективах, возглавляемых товарищами Н. Чупренко, В. Гафаровым, Г. Качтемировым, И. Валькивом, А. Филостовичем, Н. Юхно, В. Лаврентьевым, В. Бухтевым.

Выступившие генералы и офицеры И. Валькив, Н. Юхно, Г. Малюшкин, П. Карлов, А. Денисов, А. Сокк и другие разделили высказанную в докладе озабоченность имеющимися недостатками, доложили Военному совету о состоянии дел на местах.

В выступлении начальника Главного управления — начальника внутренних войск генерал-полковника Ю. В. Шаталина и принятом постановлении определены практические меры по выполнению постановлений ЦК КПСС о коренном укреплении воинской дисциплины. Особое внимание обращено на то, чтобы эту работу рассматривать в качестве важнейшей задачи осуществляемой в войсках перестройки, повышения бдительности и боевой готовности.

Военный совет внутренних войск потребовал от всех командиров, политорганов, штабов, органов войскового управления решительно менять подходы к руководству подчиненными воинскими частями и подразделениями, сосредоточить усилия прежде всего на устранении причин и условий, порождающих происшествия и правонарушения. Обеспечить, чтобы каждый офицер вышестоящего органа при работе в подразделении не только глубоко изучал состояние дел, а и оказывал практическую помощь в организации служебно-боевой деятельности, партийно-политической работе и материально-техническом обеспечении, был активным участником учебно-воспитательного процесса.

В ходе перестройки партийно-политической работы надо решительно повернуться лицом к людям, сформировать у каждого военнослужащего глубокое понимание своего патриотического долга, сознательного и безупречного выполнения требований военной присяги и воинских уставов, места в борьбе за здоровый, трезвый образ жизни. Индивидуальную работу следует вести с учетом всех положительных и отрицательных особенностей молодого пополнения, национальных черт характера.

Военный совет внутренних войск обратил внимание партийных организаций на необходимость повышения активности в решении поставленных ЦК КПСС задач, обеспечения примерности каждого коммуниста в выполнении служебных обязанностей, искоренения формализма в работе, беспринципности и очковитирательства. Практические задачи, вытекающие из постановлений ЦК КПСС, требований МВД СССР, предложено обсудить в первичных партийных и комсомольских организациях, на проходящих партийных конференциях.

УКРЕПЛЯЯ ЗАКОННОСТЬ

Целью изучения с прапорщиками и военнослужащими сверхсрочной службы темы «КПСС о дальнейшем совершенствовании советского законодательства, укреплении социалистической законности и правопорядка» является, во-первых, формирование у них знаний о социально-политическом значении принимаемых Коммунистической партией и Советским государством мер по укреплению социалистической законности и правопорядка в условиях перестройки, о конкретных направлениях в этой работе; во-вторых, воспитание у военнослужащих уважения к советским законам, понимания необходимости строго руководствоваться их требованиями в практической деятельности.

На лекции целесообразно рассмотреть следующие вопросы: 1. Меры КПСС и Советского государства по дальнейшему совершенствованию советского законодательства, укреплению социалистической законности и правопорядка. 2. Роль прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы в укреплении социалистической законности и правопорядка.

Занятие рекомендуется провести лекционно-семинарским методом. Вместе с тем в занятии желательно внести новизну с целью повышения интереса слушателей к изучаемому материалу. Можно использовать элементы методики интенсивного обучения по системе В. Шаталова, а также различные деловые игры. Некоторые рекомендации изложены в статьях Б. Бадмаева «Что значит проводить занятия проблемно?» (Политическое образование, 1988, № 2), «Разбудить мысли и чувства» (Красная звезда, 10 августа 1988 г.), «Деловые игры в политической и экономической учебе» (Политическое образование, 1987, № 12). Кроме того, практика применения метода практических заданий в конкретной теме уже излагалась в журнале «На боевом посту» (1988, № 3).

Предлагаемая нами методика не является окончательной, каждый пропагандист вправе внести в нее свои приемы.

При изучении темы эффективным может быть игровой прием, условно называемый «Огонь по ведиущему». Как он используется? В конце предшествующей темы руководитель объявляет новую тему и дает задания слушателям подготовить вопросы по ней, возражения, которые могут поставить под сомнение те или иные положения, выводы, тезисы пропагандиста, «вынудят» отстаивать их, искать более убедительные

доказательства. Этим руководитель сознательно вызывает у слушателей острые вопросы по изучаемой теме. В лекции он обязан дать на них аргументированные ответы. Использование приема «Огонь по ведиущему» позволит превратить лекцию в двусторонний разговор, что значительно усилит внимание, интерес и познавательную активность слушателей. Пропагандист, кроме того, получит возможность в откровенной атмосфере «снять» возникшие у них вопросы, повысить качество усвоения изучаемого материала.

При рассмотрении первого вопроса руководитель напоминает слушателям, что в решениях XXVII съезда партии, Программе КПСС, в материалах XIX Всесоюзной партийной конференции и пленумов ЦК КПСС, в специально принятых постановлениях партия выработала стройную, развернутую программу укрепления социалистической законности и правопорядка. Эта программа опирается на осуществляемое в стране совершенствование советской политической системы, развитие и укрепление социалистического государства, демократизацию управления. Проводимая в соответствии с этой программой работа многопланова, охватывает многочисленные сферы государственной и общественной жизни и характеризуется большой интенсивностью. Она включает меры по укреплению законности в хозяйственно-экономической деятельности, усилению борьбы с преступностью, нетрудовыми доходами, пьянством, по повышению эффективности работы правоохранительных органов, обеспечению правовой грамотности населения и усилению роли общественности в борьбе с правонарушениями.

Реальные перемены в нашей стране за последние три года свидетельствуют о том,

РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТИЧЕСКОЙ УЧЕБЫ

что барометр внутренней политики партии твердо указывает на дальнейшее развитие демократии, гласности, социальной активности каждого человека, на то, что страна держит курс на создание социалистического правового государства. Но это лишь первые шаги. Правовое государство должно быть конечной целью преобразования политической системы социалистического государства. Уровня истинно правового государства мы достигнем лишь тогда, когда все наши начинания, все поступки и решения будут осуществляться на строгой правовой основе. Соблюдение законности — образ жизни в правовом государстве. Суть правового государства характеризуется взаимной ответственностью государства и всех тех (организаций, объединений, граждан), кто выступает с ним во взаимоотношениях, регулируемых правом.

В ближайшие годы в стране предстоит провести широкую правовую реформу, которая призвана обеспечить верховенство закона во всех сферах жизни общества, усилить механизмы поддержания социалистического правопорядка на основе развития демократии и народовластия.

На XIX Всесоюзной партконференции признано необходимым повысить роль суда в системе социалистической демократии, значительно укрепить гарантии осуществления начал советского судопроизводства. В резолюции отмечается, что в условиях экономической реформы возникает потребность расширения полномочий государственного арбитража, повышения роли органов юстиции, укрепления юридической службы Советов народных депутатов, министерств и ведомств, хозяйственных организаций. Конференция призвала решительно повысить ответственность прокуратуры, улучшить работу милиции, настойчиво бороться с нарушителями социалистической законности, преступностью. Признано целесообразным повысить роль следователей, укрепить правовые гарантии законности их деятельности, усилить прокурорский надзор за предварительным следствием.

Перестройка отчетливо выявила консерватизм существующей у нас правовой системы, в значительной части сориентированной пока не на демократические и экономические, а на командно-административные методы руководства. Поэтому многие действующие правовые акты превратились в тормоз общественного развития. Отсюда — необходимость реформы советского законодательства, которая должна охватить большой массив правовых норм.

Огромное значение приобретает в этой связи улучшение законодательной деятельности высших органов власти Союза ССР, союзных и автономных республик, направленной на укрепление конституционного режима в стране и решительное повышение роли советских законов, регулирующих важнейшие области общественных отношений. Важно демократизировать законодательный процесс, который должен идти на основе гласности, компетентной научной оценки и обсуждения законопроектов с участием широкой общественности, всего народа.

Кардинальный пересмотр и систематизация законодательства — неотъемлемая

часть правовой реформы. Будут внесены существенные изменения в законодательные акты о планировании, социалистической собственности, налоговых и хозяйственных отношениях, в нормы, регулирующие трудовые, жилищные, пенсионные и другие вопросы жизни трудящихся, радикально пересмотрены уголовные, административные, процессуальные и исправительно-трудовое законодательство. При этом первоочередное внимание будет уделено правовой защите личности, упрочению гарантии осуществления политических, экономических, социальных прав и свобод советских людей наряду с повышением ответственности каждого гражданина перед законом, своим трудовым коллективом и обществом в целом. В целях обеспечения строгого соответствия законов и постановлений правительства, Конституции СССР признано полезным учреждение комитета конституционного надзора.

Пропагандисту рекомендуется напомнить слушателям значение решений XIX Всесоюзной партийной конференции и июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС о необходимости принятия уже в ближайшее время новых законодательных актов: о местном самоуправлении и местном хозяйстве, о молодежи, о правах профсоюзов и добровольных обществах, органах общественной самодеятельности и иных самодеятельных объединениях, о печати и других. Законы, принятые на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР, — крупный шаг по пути демократизации советского общества.

В группах прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы подразделений, выполняющих задачи по охране ИТУ, целесообразно рассмотреть изменения в исправительно-трудовом законодательстве.

В последние годы в нашей стране происходят серьезные изменения в практике применения уголовного наказания, особенно в виде лишения свободы, доля которого среди иных наказаний неуклонно снижается. Об этом свидетельствует и принятие Президиумом Верховного Совета СССР 12 октября 1987 года Указа «О внесении изменений и дополнений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик». Особенности данных изменений и дополнений состоят в том, что они направлены на обеспечение трудового воспитания осужденных, создание условий по вовлечению их в общественно полезный труд, рациональное использование рабочего времени, также устанавливают более дифференцированные условия отбывания наказания различным категориям осужденных в зависимости от степени общественной опасности совершенных преступлений, прошлой преступной деятельности, поведения в исправительно-трудовых учреждениях.

В группах прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы специальных моторизованных частей милиции рекомендуется напомнить слушателям основные положения Указов Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1987 г. «О внесении изменений и дополнений в законодательство СССР об ответственности за административные правонарушения», от 7 ян-

варя 1988 г. «О внесении некоторых дополнений в Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью».

В условиях перестройки мы сталкиваемся с фактами, когда отдельные граждане расценивают расширение демократии как вседозволенность, как право пренебрегать законом, оказывать сопротивление властям. Активизировались в последнее время и антисоветски, антисоциалистически настроенные элементы. Прикрываясь лозунгами перестройки, они, как, например, лидеры так называемого «демократического союза», намеренно выходят за рамки социалистического плюрализма мнений, провоцируют нарушения правопорядка. В таких случаях речь должна идти о прямом нарушении соцзаконности, а демократизация без законности грозит обернуться анархией.

В связи с этим более подробно необходимо разъяснить слушателям содержание Указов Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» и «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1988, № 31; На боевом посту, 1988, № 10, 11).

Укрепление правопорядка — настоятельное требование дня, которое советские люди понимают широко, включая сюда порядок на производстве и в сфере обслуживания, в общественной жизни и в быту, в трудовом и воинском коллективе, в городе и селе. Любое беззаконие вызывает справедливое возмущение трудящихся. Поэтому ЦК КПСС в постановлении от 2 апреля 1988 г. «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению правонарушений» потребовал принятия дополнительных эффективных и четко скоординированных мер со стороны партийных, советских, хозяйственных, правоохранительных органов и общественных организаций по борьбе с преступностью (руководитель рекомендует слушателям самостоятельно изучить требования названного постановления).

Особое внимание партия придает укреплению социальных прав трудящихся, являющихся ярким выражением преимуществ социалистического общественного строя. Успех укрепления социальных прав определяется последовательной реализацией хозяйственной реформы, ускорением социально-экономического развития страны. В этой связи следует подчеркнуть особую необходимость укрепления дисциплины, сознательного, творческого подхода работников к своим обязанностям. От отношения к труду каждого коллектива и каждого советского человека зависят в конечном счете уровень и качество социальных благ, которые общество может предоставить своим членам.

Предстоит глубокая перестройка не только юридической системы, но и юридического мышления, в частности, совершен-

ствование правовых механизмов обеспечения и охраны прав и законных интересов советских людей, повышение правовой культуры граждан и должностных лиц.

Правовые знания, правовое просвещение должны целенаправленно решать задачу формирования нового правосознания, мышления и право поведения людей, готовить гражданина к активному участию в решении стоящих перед обществом задач.

Для логического перехода ко второму вопросу пропагандист подчеркивает мысль, что задача правового всеобуча состоит в том, чтобы каждый гражданин знал закон, свои права и обязанности. Чтобы каждый понимал: закон должен выполняться неукоснительно всеми гражданами без исключения. И столь же неукоснительно должно следовать наказание за нарушение закона, так как подлинная демократия есть торжество, верховенство закона, выражающего волю всего народа.

Как показывает повседневная жизнь нашего общества, советские люди в своем большинстве соблюдают требования законов, глубоко убеждены в их правоохранительной направленности, практической необходимости, гуманности и справедливости. Все это с полным основанием следует отнести и к военнослужащим. В то же время приходится отмечать, что многие из них имеют лишь самое общее представление о праве, законодательстве, знакомы лишь с их основными принципами, хорошо усваивают те правовые нормы, которые вошли в привычку повседневного поведения. А уровень знаний конкретных правовых норм еще недостаточно высок. Среди прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы можно встретить таких, кто слабо знает требования воинских уставов, трудовое, жилищное, административное, уголовное и исправительно-трудовое законодательство. Между тем именно правовая некомпетентность нередко является причиной нарушений законности со стороны военнослужащих. Она же способствует деформированности правового сознания личности и выступает непосредственной причиной преступлений и других правонарушений.

Строгое соблюдение социалистической законности — основополагающее требование к военнослужащим внутренних войск МВД СССР. Выполняя различные служебно-боевые задачи, они действуют по поручению государства и народа, от имени закона, в интересах советских людей. Вся служебная деятельность военнослужащих войск осуществляется на глазах у граждан, в постоянном общении с людьми. Поэтому каждый прапорщик и военнослужащий сверхсрочной службы обязан быть примером высокой политической и правовой культуры, честности, принципиальности, неподкупности. Все его действия должны быть безупречными с точки зрения советского закона.

Руководитель разъясняет слушателям требования конкретных нормативных актов, непосредственно связанных с выполняемыми подразделением (частью) служебными задачами, на примерах из жизни показать значение строгого соблюдения социалистической законности, социально-политические последствия ее нарушений.

Особая роль в выполнении требований советских законов принадлежит военнослужащим подразделений (частей), выполняющих задачи по охране исправительно-трудовых учреждений и общественного порядка. Одно из самых эффективных средств воздействия на правонарушителей — личный пример военнослужащих в исполнении предписаний законодательных актов и требований коммунистической морали. Выделяя значение личного примера, В. И. Ленин подчеркивал: «Если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя» (Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 63).

Возлагая на военнослужащих определенные обязанности и предоставляя им соответствующие права, законодательство четко формулирует, какое поведение является необходимым либо дозволенным, а какое вредным для общества и интересов военной службы и потому запрещенным и наказуемым на основе норм права.

Общевоинские уставы прямо предписывают военнослужащим быть примером строгого соблюдения советских законов, безупречного выполнения требований военной присяги, норм морали. Надо напомнить слушателям требования статей 1—4, 43 Устава внутренней службы, 1—4 Дисциплинарного устава.

Следовательно, твердое знание правовых норм, уважение к ним, строгое их исполнение и применение, нетерпимость к правонарушениям и взыскательность к нарушителям закона, личная примерность в выполнении правовых актов представляют собой не просто общепринятую норму поведения, а правовую, предусмотренную законодательным актом обязанность. Она установлена высшим органом государственной власти — Президиумом Верховного Совета СССР, утвердившим воинские уставы, содержащие указанные правовые нормы.

В конце лекции руководитель дает задания слушателям на самостоятельную работу и семинарское занятие, на котором рекомендуется рассмотреть вопросы:

1. Мероприятия, проводимые партией и государством по укреплению законности, дальнейшему совершенствованию советского законодательства в области разграничения функций партийных и советских органов; реформы экономики и управления; охраны прав и законных интересов советских людей; деятельности правоохранительных органов, борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, исправительно-трудового законодательства. Здесь же необходимо рассмотреть вопросы, поставленные руководителем в лекции, а также о роли и месте внутренних войск в решении задач укрепления законности и правопорядка.

2. Роль прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы в обеспечении неуклонного выполнения требований советских законов.

На семинаре рекомендуется заслушать реферат «Ленинские принципы социалистической законности и их претворение в деятельности партии на современном этапе».

Подполковник Б. СТЕЖКА.

Профессия политработника требует большого напряжения сил как физических, так и моральных. Главное в ней — словом и делом показывать пример безупречного служения Родине. Именно так понимает свое предназначение подполковник **Е. Шубников.**

Высокое профессиональное мастерство, большое трудолюбие, готовность всегда прийти на помощь людям — качества, отличающие передового офицера.

Авторитет, которым пользуется Евгений Александрович в части, сложился в результате всей его службы в войсках. Ротный политработник, помощник начальника политотдела по комсомольской работе соединения, заместитель командира батальона по политической части — вот ступени становления, роста этого человека, беспредельно влюбленного в свое дело. Куда бы его ни направляли служить, он оправдывал доверие. И в том, что часть, где политотдел возглавляет подполковник Шубников, передовая в войсках, есть и его заслуга.

За добросовестное отношение к выполнению воинского долга Евгений Александрович Шубников награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

Старший лейтенант В. ШУРХНО.

■ Рядовой А. Мартиросян, старший сержант Г. Омаров и рядовой А. Сияков (верхний снимок) на маршруте патрулирования.

■ За умелые действия по охране общественного порядка знаком «За отличие в службе» I степени награжден старший сержант Х. Абаев, ценным подарком — ефрейтор В. Опенченко.

■ Преступника, вооруженного гранатой, обезвредили рядовые М. Кабенов, С. Котов, младший сержант В. Жуков и лейтенант В. Корнилов. Их поощрил Министр внутренних дел СССР.

Не дрогнули

СОЛДАТЫ БАТАЛЬОНА В ДНИ ИСПЫТАНИЙ.

ОНИ БЫЛИ ГОТОВЫ К НИМ.

В моей рабочей тетради немало записей, сделанных наспех. Перечисление фамилий, отданные и полученные распоряжения... Они напоминают о тех месяцах, когда батальон оказался в центре событий, охвативших Армению.

Одна из первых пометок сделана 20 февраля: «15.00 — совещание у командира...» Позднее дополнил ее так: «Последнее в «мирных условиях». Почему? Об этом свидетельствуют такие строки: «25 февраля. В связи с обострением обстановки выехали в аэропорт Звартноц».

Да, уже тогда, в конце февраля, поступили данные о том, что аэропорту будет уделено особое внимание со стороны националистически настроенных элементов. Стало известно, что готовился захват самолета якобы для вылета в Москву на «переговоры» представительной делегации комитета «Карабах».

В аэропорту личный состав батальона пробыл трое суток. Размещались в недостроенном здании комбината бытового обслуживания. Погода холодная, сырая, а условий никаких. Службу несли караулами. Многие было впервой, поэтому не обошлось без ошибок. Например, когда пассажиры производили посадку и высадку из самолетов, видели наших вооруженных военнослужащих, что вызывало нездоровые разговоры.

События в аэропорту Звартноц происходят позднее, в начале июля. Бесчинствующие молодчики блокируют здание, и только вмешательство войск позволит нормализовать обстановку.

Тогда, в конце февраля, в аэропорту было спокойно. Но батальон еще долго находился в готовности к действиям.

Следующие записи датированы мартом. «23 марта. Получена задача на выезд в Араратский район. Необходимо взять с собой кровати, матрацы, одеяла, подушки...»

Почти два месяца батальон находился в этом и других районах республики. События в Нагорном Карабахе, трагедия в Сумгаите резко отрицательно сказались на обстановке в ряде населенных пунктов. Во многих из них проживало немало азербайджанцев. Они-то и были встревожены угрозами со стороны армян. Те в свою очередь также боялись нападения. В селах начали выставлять самообрану, жгли по ночам костры, перекрыли дороги. Хотя и это не всегда помогало. Кавалькады автомобилей то в одном, то в другом месте прорывались сквозь заслоны, и тогда начинались расправы над людьми. Бесчин-

ствующие толпы жгли дома, разбивали автомобили, вытаптывали сады и огороды. Даже когда в район прибыли солдаты, инциденты продолжались. Для нормализации обстановки требовались срочные и действенные меры.

Это удалось не сразу. Почти десять дней пришлось уговаривать людей снять самообрану, вернуться к труду и семьям. Не сразу сельские доверились солдатам. Но когда увидели, что военнослужащие способны навести порядок, успокоились.

В тесном контакте с нами работали представители райкома и райисполкома, Министерства внутренних дел республики. Но стиль их работы зачастую нас удивлял. Иные вместо того, чтобы идти говорить с людьми, предпочитали совещаться в кабинетах. Подчас офицеры нашего и других подразделений больше проявляли себя как дипломаты, партийные работники и пропагандисты, чем отдельные товарищи из местных партийных и советских органов. Неоднократно приходилось самому выходить к встревоженной, наэлектризованной толпе, успокаивать людей. Смело шли к ним и откровенно говорили офицеры В. Борисенко, Н. Шпакович, Ю. Гридасов, В. Ткаченко, Н. Железняк. Чувствовалось, что народу не хватает именно такого откровенного разговора, правдивой информации. Вероятно, будь больше гласности, открытости в этот период, столь серьезным положение не оказалось бы.

В неблагоприятных условиях находился батальон. Личный состав осуществлял патрулирование населенных пунктов группами по три-пять человек. Во главе каждой — сержант. Офицеры контролировали службу или несли ее в составе нарядов в местах наиболее сложной обстановки.

Настоящими лидерами оказались в этих непростых условиях многие офицеры и младшие командиры. Причем открылись неожиданной стороной те, кто особо не выделялся в обычной обстановке. Так, лейтенант В. Кондаков — в общем-то весьма застенчивый человек. И это как-то заслоняло в нем все остальное. Но каким он оказался умелым организатором службы! Отлично проявил себя, действовал выдержанно, мужественно, грамотно руководил подчиненными, заслужил немало добрых слов в свой адрес.

Из младших командиров выделяю двоих. О сержанте А. Каюмове мнение в коллективе было не лучшее: обычно слишком уж спокойным, даже равнодушным казался он. А в сложной обстановке его как будто подменили: энергичный, деятельный. Трез-

ЗАКАВКАЗЬЕ: ВРЕМЯ ТРЕВОГ

во оценивал обстановку, принимал правильные решения. По заслугам был отмечен его вклад в общее дело.

Как-то прочитал слова о том, что война как бы просеивает людей сквозь своеобразное сито: видны становятся мелкие душонки, незаметные люди вырастают до героев. Такое происходит, по-моему, в любой обстановке, требующей от людей напряжения духовных и физических сил. События в Закавказье — красноречивое тому подтверждение. Удивительные примеры стойкости, мужества, самоотверженных действий теперь в арсенале нашей воспитательной работы. Никто не дрогнул в те месяцы нелегких испытаний, не жаловался на усталость, не струсил, оказавшись лицом к лицу с озверевшими, готовыми на все националистами. Спокойствие и решительность военнослужащих действовали на них отвращающе.

Даже когда не было инцидентов, служба основательно выматывала людей. Двенадцать часов дежурства — подчеркну: ночного, — потом кратковременный отдых, а вечером снова в патруль. Такую нагрузку непросто выдержать даже натренированному человеку.

В те дни за бдительные и умелые действия многие военнослужащие были по праву отмечены. Среди них — сержант А. Ломовцев, рядовые Д. Демидов, М. Чеботарев и другие. Было изъято немало «трофеев», предназначенных для нагнетания обстановки, а возможно, и убийств, — ножей, кинжалов, другого огнестрельного и холодного оружия.

Запомнился такой случай. Командир роты старший лейтенант Н. Шпакович был окружен разбушевавшейся толпой, предварительно подогретой спиртным. Но не растерялся офицер и пришедшие ему на помощь сержант Б. Пильнов, ефрейтор В. Макиеров, рядовые Д. Алесич и А. Лазукас. Они сумели навести порядок. Одного из молодчиков пришлось утихомирить силой, ведь в руках у того был топор и он готов был его обратить против военнослужащих.

Находясь на службе, часто без сна и отдыха, ни один военнослужащий не ослабил внимания, не утратил собранности, самообладания.

Что же помогло личному составу успешно выдержать ответственный экзамен? Думаю, что высокая физическая и психологическая закалка.

В батальоне нет людей безразличных к физической подготовке и спорту. Солдаты отлично понимают их значение в выполнении служебно-боевых задач. Поэтому-то так популярны в воинском коллективе различные спортивные секции, никто не избегает состязаний в силе, ловкости, выносливости. Выпадает свободная минута — многие спешат к спортивным снарядам, в спортгородок, занимаются самостоятельно.

Причем речь идет не об увлечении спортом вообще, а о регулярных занятиях такими его видами, которые, как говорится, напрягают «работают» на боевую готовность личного состава, учитывают специфи-

ку ратного труда. К примеру, считаю, что военнослужащим батальона надо больше внимания уделять спортивным играм. Это позволяет восполнить недостаток двигательной активности, улучшить координацию движений, развить быстроту реакции. Бесспорно, любой военнослужащий без надлежащей физической закалки быстро утомляется, теряет способность мгновенно реагировать на команды и сигналы, принимать верные решения. Чтобы не допустить этого, регулярно проводим занятия в условиях напряженных условий. Солдаты преодолевают полосу психологической подготовки, занимаются отработкой приемов рукопашного боя, бегают кроссы. Все это закаляет людей, повышает их уверенность в своих силах.

О спорте мы не забывали даже в напряженной обстановке. С жителями одного из поселков, куда забросило нас задание, сыграли три встречи в футбол. И разрядка, и помощь в установлении контакта с местными жителями.

Весь тот период усиленно занимались воспитанием личного состава в духе дружбы и братства народов СССР. Постоянно об этом беседовали с солдатами политработники, ощущалась деятельность комсомольских активистов. Шел откровенный разговор о том, по чьей вине обострились вопросы идеологической работы, интернационального воспитания, где лежат истоки серьезных нарушений принципов социалистической морали. Например, о том, что Нагорный Карабах использован как повод подстегнуть националистические настроения, чтобы скрыть накопившиеся, действительно кричащие проблемы. Суть разъяснительной работы с личным составом состояла в том, чтобы довести до военнослужащих важность их участия в разрешении назревших проблем, да и в процессе тесного контакта не задеть чувства той или иной национальности. Ведь и от нас зависело: будет ли сохранено уважительное отношение армянского и азербайджанского народов друг к другу или будет доведено до крайних пределов обострение отношений между ними.

Непросто давалась нам эта работа. Расскажу лишь об одном случае. Старшина роты прапорщик З. Мамедов по национальности азербайджанец. Добросовестный, исполнительный военнослужащий, он был не в себе, когда, вернувшись домой, в пригород, увидел, что дома лежит жестоко избитый разбушевавшимися молодчиками его отец, инвалид войны. Мамедов был полон мести, готов был на все. Немало было сделано нами для того, чтобы прапорщик сохранил сдержанность в столь тяжелые для него дни.

Были сложности и другого рода. Солдаты во главе с сержантом патрулировали в отрыве от подразделения. Как уберечь военнослужащих от такого соблазна, как спиртное? Его в той же Араратской долине, где пришлось нести службу, то и дело пытались поднести и друзья, и недруги. Цели, естественно, у тех и других были разные. Но попытки «угостить» солдат ока-

зались напрасными. Они не подвели ни себя, ни своих командиров, с чувством высокой ответственности выполнили поставленную задачу.

Не мелочью, как может показаться на первый взгляд, было и то, что в этой обстановке не с лучшей стороны проявили себя отдельные работники местной милиции. Они могли бросить маршрут патрулирования, выпить с земляками, заняться личными проблемами. Мы даже побаивались за своих солдат — как бы не попали они под дурное влияние подобных блюстителей порядка. К счастью, этого не произошло.

Как раз в эти дни проходило одно из совещаний, которое проводил старший начальник. Он обратил внимание на то, что в данной обстановке нужно исключить случаи неуставных взаимоотношений. Спокойно я слушал генерала. За весь период выполнения ответственного задания у нас не было ни одного негативного случая. Серьезность обстановки понимали все. Не на молодых солдат, а на свои плечи взяли опытные воины всю основную ношу. Вот уж воистину — первыми в бой шли «старки».

Забегая вперед, скажу: убереглись мы от неуставных взаимоотношений в сложной обстановке, но, увы, не смогли этого сделать в обычной, спокойной. Уже когда остались позади события в Ереване и спало напряжение, военнослужащие расслабились. Привело это к результатам неутешительным. Один из младших командиров — сержант В. Шевалдин — попытался доказать свою правоту кулаками солдату соседнего подразделения. Оба военнослужащие серьезно наказаны.

Подобное произошло и со спиртным. Когда оно было доступно, о чем шла речь выше, ни один не взял в рот это зелье. Прошло время, все успокоились, и на тебе — пьянка.

О чем говорят эти случаи? В первую очередь о том, что не умеем еще мы возвращать людей после напряжения к обычным будням. Есть над чем задуматься всем нам — командирам, политработникам.

...По возвращении из районов республики был месяц относительной передышки. А потом... То в одном, то в другом районе Еревана начались демонстрации, националистические сборища. Офицеры находились на казарменном положении. А с начала июля каждый день личный состав выезжал на выполнение отдельных заданий командования.

О событиях в аэропорту Звартноц написано и рассказано немало. Батальон в них не участвовал, хватало работы и в городе. Несли службу на площади Ленина, Театральной площади, в других местах. Неоднократно подвергались нападению со стороны бесчинствующих элементов. В нас летели камни, с включенными сиренами в опасной близости от военнослужащих разворачивались машины, в адрес солдат неслись угрозы и проклятия. И чаще всего: «Убийцы, вон из Еревана!» Видел по лицам

солдат, насколько тяжело было все это воспринимать. Но, несмотря на град камней и угрозы, воины держались стойко.

В связи с событиями в Закавказье хотелось бы сказать вот о чем. Оказалось, что наша экипировка далека от совершенства. Щиты разлетались от ударов, мы ежедневно недосчитывались нескольких штук. Потом на показных занятиях демонстрировали комиссии то, насколько слабо защищают личный состав наши щиты. Возможно, будут приняты меры для устранения этого немаловажного для службы недостатка.

Недовольны мы и защитными шлемами. На голове он держится плохо. Задняя часть открыта — были случаи попадания камнями в затылок. Опускать стекло решались не все. Стоило попасть в него камнем — припечатывало все лицо. Да и видно через стекло плохо.

В общем, многое надо менять в экипировке.

Жизненно необходимо для нас и решение других проблем, которое бы позволило подразделению более эффективно действовать в сложной обстановке. Так, в батальоне не предусмотрен специалист тыла. А ведь бытоустройство, организация питания отнимают немало времени и сил. Не совсем надежны средства связи. Нет в батальоне и своего легкового транспорта, вот и приходилось, скажем, проверку службы осуществлять на грузовой машине или бронетранспортере. Рационально ли это? Нужна нам и временная печать — ведь приходится многое решать в отрыве от части.

Но вернемся к событиям в Ереване. Психологически трудно было выносить злобу людей. Вот только один пример: при возвращении в расположение наша колонна машин продвигалась по своеобразному живому людскому коридору. И опять в нас летели камни, раздавались угрозы. Был даже по пути вывешен огромный транспарант такого содержания: «Солдаты, вы стали убийцами своих братьев». Как люди узнали, что колонна возвращается в часть? Все просто: перед нами ехала вереница личных машин, и оттуда через усилители шло оповещение толпы. Позднее мы узнали, что были попытки подтолкнуть сессию горсовета Еревана к принятию решения о выводе войск. Но разумное начало взяло верх над эмоциями.

Все эти дни шло активное разъяснение личному составу важности выполнения поставленной задачи. Проводились беседы, шла работа с газетами. Офицеры, младшие командиры старались рассеивать слухи, разъяснять обстановку. К этой работе были подключены и опытные политработники, выполнявшие задачи с батальоном. Все это положительно действовало на людей, держало их в той необходимой готовности к действиям, которая позволяла успешно справиться с возложенными обязанностями.

Подполковник В. ЖАРОВ.

*Ордена Красной Звезды УВВ
по Северному Кавказу и Закавказью.*

БОЕВЫМ НАГРАЖДАЕТСЯ ОРДЕНОМ

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВОГО СОВЕТА СССР ЗА МУЖЕСТВО И САМООТВЕРЖЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ВОИНСКОГО ДОЛГА ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, РЯДОВОЙ ГРУШЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

Рядовой А. Грушев.

**Фото прапорщика
В. Николаичука.**

Рассказывает старший сержант Александр Денисов, заместитель командира взвода, секретарь комсомольского бюро роты:

— События те надолго останутся в моей памяти. В сложной обстановке они высветили лучшие качества ребят — выдержку, стойкость, мужество и отвагу, готовность в трудную минуту помочь товарищам.

Наше подразделение было привлечено для оказания помощи органам внутренних дел одного из городов Закавказья в пресечении групповых беспорядков. Несмотря на сложность обстановки, мы с честью выполнили поставленную задачу. Трудно кого-либо и выделить из сослуживцев. Многие из них получили серьезные травмы, но оставались в строю. Особо отличился рядовой Александр Грушев. Он заметил, что капитану Ковальчуку грозит опасность: здоровенный детина целился в офицера булыжником. Мгновенно оценив ситуацию, солдат рывком бросился на защиту командира и закрыл его собой. Булыжник угодил Александру в лицо, тот без сознания упал на мостовую...

Рассказывает полковник медицинской службы Юрий Александрович Хлыстов, начальник отделения Центрального военного госпиталя внутренних войск:

— Тяжелая и опасная была у Саши рана. Немало пришлось нам потрудиться над ним. Но держался солдат молодцом. В госпиталь он поступил с открытым переломом носа, травмой клеток решетчатой кости и разрывом артерии. Мы вводили больному лекарства, неоднократно делали переливания крови, но состояние его ухудшалось. На консилиуме пришли к убеждению: нужно раненого оперировать. За консультацией обратились к профессору 2-го Московского государственного медицинского института имени Н. И. Пирогова Владимиру Тимофеевичу Пальчуну. Он откликнулся на зов немедленно. Позже сам и прооперировал солдата. И очень удачно.

После лечения и месячного отпуска Александр приходил в отделение, благодарил за помощь. По его настроению и не скажешь, что он сравнительно недавно находился между жизнью и смертью.

Рассказывает капитан Станислав Ковальчук, командир подразделения:

— Правильно говорят, что военная служба справедлива по своей сути. В ней, как нигде, часто бывают моменты, когда не спрячешься за спину сослуживца, не словчишь ради личной выгоды, а нужно показать все, чему тебя научили в армии. Такой момент для нас наступил тем весенним днем.

МЕСТО СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА

Обстановка была непростая. Буйствующая толпа молодчиков не поддавалась ни на какие уговоры, предпринимаемые представителями местной власти. Бранью, свистом, градом камней отвечали хулиганы на любое требование прекратить безобразия. И в этой ситуации не дрогнули ни один воин подразделения. Сплоченность, взаимопомощь отличали наших солдат, сержантов и офицеров. Смело и решительно, несмотря на ранения, действовали старший сержант Владимир Антаков, рядовые Алексей Пономарев, Сергей Клепча, Александр Турутин, Валерий Ананьев и многие другие комсомольцы.

Я по-командирски, по-мужски благодарен спасшему меня Александру Грушеву. Его поступок сродни подвигу фронтовиков, подвигу воинов-интернационалистов, закрывавших в минуту опасности командира от вражеской пули.

...К этому поступку комсомолец Грушев шел всю свою небольшую жизнь. И это не просто красивые слова, употребленные всуе. За каждым поступком человека стоит характер, а он складывается не сиюминутно.

Биография рядового Грушева ничем особенно не выделяется среди биографий десятков его сослуживцев: родился в 1969 году, образование среднее, член ВЛКСМ.

И все же в жизни этого парня есть и свои особенности. Хотя бы такая: Александр воспитывался в рабочей семье. Глава семейства Грушевых, Сергей Павлович, на протяжении многих лет работает на заводе «Южкабель». Мать Саши, Анна Сергеевна, трудится на Харьковском электромеханическом заводе. Братишка, Виталька, учится в СПТУ на слесаря-инструментальщика. В семье Грушевых уважают правду, выше других нравственных качеств ценят в человеке ответственность за слово и дело. Родители с детских лет привили своему первенцу любовь к труду, гордость за звание рабочего. До призыва в армию Александр на «четверки» и «пятерки» окончил восемь классов, мог бы и дальше продолжать учебу. Возможности и способности для этого были. Но он выбрал рабочую стезю. Что это — верность семейной традиции? Думаю, да. Отнюдь не случайно Саша поступил в СПТУ. После трех лет учебы приобрел специальность слесаря механосборочных работ. Сразу получил не третий разряд, как большинство выпускников, а четвертый, который присваивается лишь отличникам.

Александр с презрением относится к лю-

дям, довольствующимся примитивом, ширпотребом быта и запросов. Он убежден, что лучше быть мастером своего дела со средним образованием, чем средней руки специалистом с дипломом об окончании вуза. Он не прожигал свободное от учебы и работы время в безделье, а занимался боксом в школе, тяжелой атлетикой в училище, увлекался музыкой...

— Перед призывом, — вспоминает Александр, — я много думал о предстоящей службе. Из газет, телепередач и особенно из рассказов уволившихся в запас ребят, живущих на одной улице с нами, я узнал, что такое «дедовщина» в армии, как порой глумятся старослужащие солдаты над молодыми. Честно говоря, я и спортом-то стал заниматься, чтобы не дать себя в обиду, случись такое.

Далее солдат не без гордости рассказал о том, как сложилась его служба в первые дни. Назвал фамилии младших командиров, которые учили новичков азам военной жизни.

— В подразделении, которым командует капитан Ковальчук, — продолжал воин, — встретили нас, молодых солдат, хорошо. Рассказали о традициях коллектива, который четвертый год завоевывает звание отличного. Не припомню случая, чтобы кто-то из солдат второго года службы обидел молодого. Наоборот. Опытные воины стремятся помочь новичкам быстрее постичь секреты служебного мастерства. Да что там говорить, разве пришли бы мне на выручку, когда я упал раненый, сержант Комаров, сержант Галкин, рядовой Азанов, если бы наш коллектив изнутри раздирали «дедовщина» и неуставные взаимоотношения?..

Солдат рассказывал о друзьях-товарищах, о задачах, выполняемых подразделением, а я смотрел на него и радовался за офицеров, сумевших сплотить коллектив. Ведь с такими людьми, как рядовой Грушев, можно смело идти в разведку и не пропадешь.

Александр говорил о том, что на его месте любой бы поступил точно так же, а я вспомнил подвиг командира роты капитана А. Соломенникова, воспитанника дивизии имени Ф. Э. Дзержинского, который летним днем пятьдесят девятого ценой собственной жизни спас своего подчиненного, закрыв его от разрыва гранаты.

...Традиции дзержинцев живут, традиции приумножаются.

Майор В. КУДРЯШОВ.

ГРУППА «РИСКА»

ГОВОРЯТ, раньше, если парня призывного возраста признавали негодным к строевой, вся округа ставила на нем крест: чуть ли не в изгоях ходил, стыдно было людям в глаза смотреть. И то правда, что же это за мужчина, если он в армии не служил?

И сейчас говорят. Но другое. Говорят, солдат получил письмо от отца, кадрового офицера, с четкими инструкциями — своеобразный самоучитель: что и как следует делать и говорить, дабы на службу «не загреметь». А еще говорят, что другой солдат полгода молчал, как рыба, лишь страдальчески таращил глаза перед тем, как стыдливо прикрыть их ресницами, мол, ничего не напишешь, болезнь такая. Доктора с ног сбились, доискиваясь до причин феноменального недуга, сваливая все на «возможные проявления адаптационного периода». Командир, жалеючи горемычного, освободил его от всего, от чего только мог, оставив лишь трехразовое питание (на аппетит болезнь не влияла), сон и прогулки по территории, совмещенные с посильным для больного участием в наведении порядка. Не служба — санаторий. И надо же было такому случиться, что солдат дал маху: пустячок — запнулся о высокий порог и обронил в сердцах бранное слово. А позади, как на грех, командир стоял. И оторопелое выражение его лица постепенно сменялось другим, подобающим данной ситуации. «Нарушение адаптации» на поверку оказалось типичной симуляцией. Пришлось вмешаться органам военной прокуратуры.

Частный случай? Безусловно, в некоторых подразделениях о таком и слыхом не слыхивали. Но можно ли закрывать глаза на проблему в целом и делать вид, что ее нет, если явление не приобрело, по счастью, массовый характер? К примеру, в роте капитана С. Крылова этих частных случаев столько, что целую смену караула на посты выставлять можно было бы. Печальная статистика, и, что особенно удручает, люди-то не чужие, свои, штатные, для боевой службы предназначенные, но на службу по разным причинам не назначаемые. Потому что ноши их тяжелые безропотно взваливают на свои плечи товарищи.

Еще вчера вместе присягу принимали, а сегодня одному — в караул, другому — на кухню. И завтра тоже, расклад не меняется.

Конечно, среди них есть такие, которые действительно не в состоянии ходить в караул (непонятно только, как они просочились сквозь сито отбора в военкомате?), нуждающиеся в лечении. Но есть и другие. Характерное обстоятельство: никто из этой «группы риска» не позволит себе во всеуслышанье заявить о том, что службу нести не может или не желает. Грубо это и противозаконно, а законы они почитают свято. И потому избирают другие пути, более длинные, окружные, но надежные.

Например, рядовой Дмитрий Воробьев, комсомолец, бывший сержант, со слов командира — «потенциальный носитель неуставных взаимоотношений». Как известно, сержантские погоны дают не за красивые глаза, а за конкретные дела. И следует признать, дело в руках молодого младшего командира на первых порах спорилось. Человек грамотный, окончивший техникум, физически крепкий, волевой, он особых трудностей ни в чем не испытывал. Вот только сама обстановка всеобщей дисциплинированности и исполнительности угнетала его свободолюбивую натуру. Заскучал Воробьев.

Решил развеять грусть-тоску, сделать жизнь веселее. Характер и содержательная сторона этого безудержного «веселья» подробно раскрыты в служебной карточке бывшего сержанта, где почти по порядку перечисляются отступления от всех пунктов ст. 140 Устава внутренней службы. Той самой статьи, которая начинается словами: «Солдат (матрос) обязан...»

Дальше — больше: серьезное нарушение на боевой службе. Тогда и пришлось расстаться с сержантскими погонами. Перевели в другую роту, но и тут Воробьев активно повел решительную борьбу с многочисленными, на его взгляд, попытками офицеров и сержантов «унизить солдатское достоинство». «Дедовство»? По нему у Воробьева ностальгия: «Пусть «дед» ничегошеньки не делает, зато остальные падают, как пчелки». Это он называет взаимоконтролем (?). Унизить человека, в понимании Дмитрия, значит заставить его де-

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

О Л И М П И Й Ц Ы под флагом «Динамо»

■ Александра Карелина и Вячеслава Яновского, Эрику Салумяз и Лайму Зилпорите, Игоря Полянского и Сергея Белоглазова любители спорта узнают повсюду. Кроме того, что все они вернулись из Сеула с наградами, их объединяет и другое — служат во внутренних войсках.

■ Отбиваться от любителей автографов В. Яновскому не легче, чем боксировать на олимпийском ринге.

■ Чемпионов и призеров XXIV Олимпиады приветствуют в ЦС „Динамо” руководители КГБ и МВД СССР, Госкомспорта СССР.

■ Праздничное настроение у военнослужащих внутренних войск олимпийских чемпионов В. Алциаури, А. Романькова, В. Ренейского, Н. Журавского.

■ Звание заслуженных мастеров спорта СССР присвоено олимпийским чемпионам по футболу московским динамовцам И. Склярову, Д. Харину, А. Бородюку и В. Лосеву (на верхнем снимке слева направо).

■ В олимпийском Мельбурне 1956 года ворота нашей футбольной команды-победительницы защищал ветеран внутренних войск легендарный Лев Яшин. Вместе с ним пришла приветствовать героев олимпийского Сеула и первая советская чемпионка мира, самая быстрая конькобежка послевоенных лет Мария Исакова.

Фото Б. ГУККАЕВА.

1989

1							1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31								

4							1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31		
	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31										

7							1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31		
	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31										

10							1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31			
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31										

За нашу Советскую Родину!

НА БОВЕОМ ПОСТУ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

лать не то, что ему хочется, а то, что нужно другим. «Другие» — это командиры, общественники и прочие, «прикрывающиеся» интересами службы. Вот ведь какое редкое свободолобие на грани с полной анархией и тягой к бесконтрольности.

Но просто бороться с «унижениями» опять же скучно, да и некогда: служба отнимает много времени. Выходит, нужно развязать себе руки. И Воробьев гибко меняет тактику действий. В ответ на резонные замечания командиров сжимает кулаки, поигрывает желваками и скрипит зубами, причем очень эффектно. Несколько раз, как бы ненароком, роняет фразы типа: «Когда стою на посту, так и хочется передернуть затвор». Итог предугадать нетрудно: фамилия Воробьева исчезает из постовой ведомости, а самого его направляют на медицинское освидетельствование. Военно-врачебная комиссия заключает: «Здоров». Еще как здоров, если понимает: «Хоть и чешутся руки, да в дисбат загремишь. Против «звезд» не попрешь». Логично, лучше уж тихой сапой, изредка демонстрируя «обостренное чувство справедливости».

Здоров-то здоров, а на службу уже не ставят: чем черт не шутит! И, расправив могучие плечи, он оживает на глазах. Ждет и не дожидается заветного увольнения в запас, чтобы поселиться в подаренной ему бабушкой отдельной квартире и поступить в институт, пользуясь льготами гражданина страны, выполнившего свой воинский долг перед ней.

Теплое место в «группе риска» занимает и рядовой С. Колесник, брат офицера, мечтающий после службы поступить в военное училище МВД или хотя бы в школу милиции. И рядовой С. Бабич, откровенно презирающий сослуживцев за низкую культуру, дремучесть в философии и слабую общеобразовательную подготовку, проповедующий сословную кастовость: одним на роду написано пилить — строгать (читайте: нести службу), другим — мыслить. Себе он, конечно, отводит нелегкую роль мыслителя и требует соответствующего, деликатного подхода.

И рядовой М. Бегалиев, «болезнь» которого так глубоко затаилась, что ни первичное, ни вторичное стационарное обследование ожидаемых им результатов не дали. Зато дядя Максуда, психиатр, кандидат наук, член медкомиссии по освидетельствованию призывников в военкомате, прослышавший о чудачествах племянника и навестивший его, отбросив в сторону родственные чувства, так и заявил командиру: «Симулянт он. Дурака валяет». Не совсем научный диагноз, но удивительно точный.

Ставить на службу подобных «чудаков» капитан С. Крылов не отваживается. Его можно понять — рискованно. Но именно потому, что они не ходят на посты, увеличивается служебная нагрузка на остальных солдат подразделения, что тоже небезопасно. Замкнутый круг? Как же быть?

— Все зависит от человека, от конкретной личности, — разъясняет ситуацию старший врач-психиатр части майор М. Дионидис. — Кто-то и после тяжелого ранения в живот, придерживая одной рукой выва-

ливающиеся внутренности и сжимая в другой гранату, ползет под танк, а кто-то с чиреем в караул не пойдет.

И это относится, надо полагать, не только к солдатам, которые по разным причинам не ходят на службу, но и к их командирам. Все в конечном счете упирается в личную ответственность, смелость решения офицера-единоначальника.

НЕ МОЖЕТ не вызывать симпатии стиль работы капитанов Крылова и Романовского, командира и замполита роты. Казалось бы, особой радости причуды «группы риска» офицерам не доставляют, это естественно. Но они предельно доброжелательны, максимально терпеливы, бесконечно корректны. На день по два-три раза в спокойной обстановке беседуют с каждым, видя во многих из них не досадный балласт, который поскорее бы сбросить за борт, а резерв. Следовательно, верят в их возможности и свои силы, питают надежды, что завтра — послезавтра поставят их в строй.

Рядовой И. Султанов, например, начал службу с того, что написал прощальное письмо родителям, в котором обвинил их в том, что они не смогли спасти его от армии, и, поранив руку, измазал листы кровью. Нетрудно представить, какие чувства испытала бы мать Икмета, вскрыв конверт, если даже командиру взвода, случайно оказавшемуся рядом, стало не по себе. Султанов, разумеется, тут же пополнил ряды «группы риска». Можно было, конечно, подыскать ему, фотографу-профессионалу, дело по специальности. Но так уж выходило на тот период, что фотографов — полно, а в часовых — острая нужда. И хотя приобретение Султанова к службе затянулось несколько дольше обычного, сегодня он ходит в караул на равных со своими товарищами. Пусть под дополнительным контролем, но ходит же! Чем не результат?

Правда, Султанов — не Воробьев, он очутился в «группе риска» в силу своей «одомашненности» — и такой термин в ходу. Рос в тепличных семейных условиях, в эпицентре неусыпного родительского внимания, из дома ни на шаг. Оказавшись в непривычной среде, растерялся, чуть не наломал дров. Воробьева беседой не проймешь, тут другой подход нужен, специфический. Какой именно?

Так, рядовой Ю. Толстокоров, поставив под сомнение медицинское заключение о своем крепком здоровье, тоже «подал» заявку на зачисление его в «группу риска». Не откладывая дело в долгий ящик, командир пригласил военного юриста. И через несколько минут беседы с ним Юрий понял, что службу начал не с той ноты. **Хватило одной-единственной прокурорской «пилюли», чтобы его «болезнь» как рукой сняло.**

А ВОТ КОМАНДИР роты старший лейтенант С. Шкурuppий — сторонник иного стиля работы с «группой риска». Он глубоко убежден, что есть люди, для которых «с первого подхода» тяжелая армейская ноша. Не приучены, не настроены, не подготовлены — издержки воспи-

тания и обучения. Можно и повременить с назначением их на службу. Но во многом, считает офицер, «трудных» солдат делаем мы сами, еще в период учебного сбора, руководствуясь пресловутым правилом «как бы чего не вышло». К примеру, рядовой П. Моисеенко. В характеристике с учебного черным по белому записано: «Период адаптации не завершен, требует дальнейшего изучения. Вверенным оружием не владеет, меры безопасности не помнит». И, как положено, — вывод о нецелесообразности использования Моисеенко для несения боевой службы, с которым Шкурупий, мягко говоря, не согласился.

Да, действительно у солдата небольшой дефект речи, но дефекта памяти у него нет. Просто у кого-то на учебном не хватило времени, чтобы дослушать Петра, и выдержки, чтобы понять его. Куда проще записать в «трудные» и снять с себя всякую ответственность за дальнейшую службу, а может быть, и судьбу солдата. Ведь как смотрят на представителей «группы риска» сослуживцы? Не смотрят — косятся. Первые же стрельбы показали, что и оружием Моисеенко владеет, и меры безопасности соблюдает не хуже других. Ну а то, что «требует дальнейшего изучения», так кто его не требует? Словом, службу несет и весьма успешно.

Аналогичная история приключилась с рядовым Ю. Оразмурадовым: выдали характеристику — хуже не придумаешь. Шкурупий соглашается: были у солдата трудности поначалу, но трудности с русским языком, но более. Разве этого достаточно, чтобы отлучать человека от службы? Конечно же, нет. Усвоив необходимый служебный минимум русского языка и свои обязанности на посту, Юсупкули заступил в караул.

Порой до абсурда доходит. Рядового М. Гасанова охарактеризовали на учебном положительно: и политику партии понимает правильно, и программу усваивает, и вежлив, уживчив, и службу хочет там, где труднее. Шкурупий шутит: «Хоть на свое место ставь». Но вывод тот же — «нецелесообразно». Почему? Дело в том, что Муссиф — и кто его за язык тянул? — где-то как-то и что-то сказал о наркотиках. И все бдительные наставники тут же опустили перед ним шлагбаум, преградив дорогу в караул. Старший лейтенант С. Шкурупий эту оплошность исправил.

Что это — самоуверенность, равнодушие, попустительство офицера или поразительная вера в людей, смелость командирского решения? Может быть, Шкурупий владеет какой-то универсальной методикой перековки характеров и переориентации сознания? Нет, не владеет. Начинает открывать «секреты» своего стиля — ничего «секретного», нового, особенного: те же беседы, та же доброжелательность в общении с подчиненными, переписка с родителями, а когда нужно — справедливая требовательность, строгость.

А в общем-то суть в другом. Сергей Иванович Шкурупий рассуждает так: допустим, определяю я солдата в «группу риска». Что получу в итоге? Его товарищи станут слушать за себя и «за того парня», то есть

балансируют на грани своих возможностей будут и они с увеличенной нагрузкой, и я, как командир. Если же на службу ходят все, нагрузка распределяется равномерно, и тогда ответственность только на мне. А она и так на мне постоянно, никуда не денешься.

Вот такая позиция, спорная, неординарная. Союзников у Шкурупия — раз-два и обчелся. Одни говорят: «Смелый выискался. Сколько веревочке не виться...» Другие: «Ему что, больше всех надо?» Больше — не больше, коли ты здоров, считает Шкурупий, военную форму надел и присягу принял — будь добр, служи, как полагается. Не хочешь — разговор другой, на то и закон предусмотрен, чтобы им пользоваться, а не пугать: «Ужо я тебе..!»

Показателен в этом отношении диалог замполита батальона майора В. Оливского и старшего врача-психиатра части майора М. Дионидиса.

Оливский: Я бы, не сомневаясь, поставил Бабича на службу, но вы же против.

Дионидис: Почему против? Напишите характеристику, где укажите, что Бабич может стоять на посту, и я тут же допущу его.

Оливский: Нет уж, сначала дайте однозначное заключение, что он здоров и в состоянии ходить на службу, тогда и характеристику напишем.

Дионидис: Значит, вы сомневаетесь, что Бабича можно назначать в караул?

И далее — все сначала, как в сказке про белого бычка. Оба ссылаются на ст. 382 Устава внутренней службы: «Разрешение на освобождение от выполнения служебных обязанностей... по болезни военнослужащим дает командир подразделения или части в соответствии с заключением врача...» А воз и ныне там.

Трудно сказать, намного ли увереннее чувствуют себя те командиры рот, которые, опасаясь неприятностей или попросту идя на поводу у иных «мыслителей», мучаются над неразрешимой проблемой: где взять людей на службу? А тут еще сокращение штатов!

И вот еще что тревожит: оказывается, «антикараульная болезнь» заразна. Беседу майоров В. Оливского и М. Дионидиса прервал стук в дверь. В кабинет вошел сослуживец рядового Бабича, braveй ефрейтор атлетического телосложения, и прямо с порога заявил, что у него появились «сильные головные боли в правой лобной части» и он нуждается в обследовании. Причем боли эти появились после того, как заместитель командира взвода предъявил к нему вполне справедливые требования.

...Говорят, раньше, если парня признавали негодным к строевой, вся округа ставила на нем крест. Не пора ли и нам поставить крест на «группе риска»: своевременно подлечивая настоящих больных, возвращать их в строй, а мнимых — «долечивать» с помощью военного законодательства, не доводя дело до «случаев в спецвагоне».

Майор А. УШАР.

УВВ по Украинской ССР
и Молдавской ССР.

СТРОГОЕ СЛОВО «СЛУЖБА»

Будни караула лишь на первый взгляд могут показаться монотонными. Но те, кто выполнил не одну боевую задачу, знают другое — и на привычных постах обстановка зачастую меняется довольно резко.

■ *Рядовой Сергей Маринич награжден знаком «За отличие в службе» II степени, поощрен отпуском. И все — за бдительность на посту.*

■ *100 отличных караулов возглавил сержант Е. Зенченко. Тревожный сигнал не застал его врасплох и на этот раз.*

■ *Об умелых действиях товарищей расскажут в боевом листке сержант С. Зевакин и рядовой В. Любченко.*

«...СОЛДАТЫ И СЕРЖАНТЫ РОТЫ, В ОБЩЕМ-ТО НЕ ИЗБАЛОВАННЫЕ НЕПОДДЕЛЬНЫМ ВНИМАНИЕМ, ЖИВОЙ УВЛЕКАТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ С НИМИ, ТАК ЖАЖДАЛИ НЕФОРМАЛЬНОЙ, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АТМОСФЕРЫ В ОТНОШЕНИЯХ С ОФИЦЕРАМИ, ТАК НЕДОСТАВАЛО ИМ СИЛЬНОГО, СПРАВЕДЛИВОГО СТАРШЕГО ТОВАРИЩА, ЧТО ДАЖЕ ЯВНО НЕГАТИВНЫЕ СВОЙСТВА ХАРАКТЕРА МАНУЙЛОВА НЕ ОТЧУЖДАЛИ МНОГИХ ИЗ НИХ ОТ НЕГО».

СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ

ПИСЬМО в редакцию журнала «На боевом посту» подписал без малого весь взвод. И что необычно, редко такое встретишь, люди жаловались... в защиту своего командира.

На пяти страницах авторы обосновывали то, что их лейтенант Н. Мануйлов стал жертвой вопиющей несправедливости.

И вот мы встретились и беседуем с офицером.

— За что исключили из комсомола? — переспрашивает Мануйлов. — Нет, меня оставили в нем, собрание не поддержало решение бюро, а объявило мне строгий выговор с занесением... за физическое оскорбление сержанта Левицкого.

Лейтенант кратко обрисовал, как это произошло: заходит он в спальное помещение казармы, а сержант сидит на кровати и указывает подчиненным, кому где порядок наводить.

— Возмутило меня такое барство, — пояснил Мануйлов. — Хотел было внушение сержанту сделать. Командую ему: «Ко мне!» А он в ответ: «Не пойду я, товарищ лейтенант». Очень меня это задело: не терплю, если вот так мне перечат. Когда сержант, поднявшись, направился к выходу, я его остановил и...

Что ж проступок офицера весьма серьезный, в соответствии с его тяжестью и взыскание должно быть достаточно строгим. К тому же, видимо, не секретом было для всех и то, что кулаком «наводил» порядок Мануйлов не впервые. А тут почему-то на исключение лейтенанта из ВЛКСМ коллектив не согласился.

«Да, считаю, — твердит и сам Мануйлов, — со мной расправились. А то, что поводом стал конфликт с Левицким, так того только и ждали в подразделении».

Почему же, по мнению авторов письма и утверждению Мануйлова, так «неравнодушны» начальники к нему? Чем же он, лейтенант с двухлетним стажем службы, успел «насолить» в общем-то послужившим свое офицерам батальона и управления части? Хотелось прежде всего услышать об этом от самого Мануйлова. К тому, собственно, и свелся весь наш с ним разговор. Получалось, что Мануйлова не захотели понять и не приняли офицеры подразделения, поскольку они так, мол, очерствели, обюрократились, так замшели, что его неформальные, раскованные отношения с личным составом показались им чуть ли не крамольными, подрывающими устои порядка. Выходило, что его якобы неординарные поступки расценивались непосредственными начальниками как подкуп под их авторитет.

На вопрос, объявляли ли ему взыскания, ответил: да, дважды наказывали. Командир части за личную недисциплинированность и командир батальона за грубость к подчиненному объявили по строгому выговору. Но оба уже сняты, а еще ранее он был поощрен за добросовестное выполнение обязанностей по обучению и воспитанию молодого пополнения.

Действительно, именно так — одна благодарность и два снятых взыскания — выглядела служебная карточка лейтенанта. Но за расплывчатыми, прямо скажем, формулировками тех же взысканий скрывались далеко не безобидные проступки офицера. К примеру, за какую такую недисциплинированность он получил «строгача» от командира части? Вот как поведал об этом сам Мануйлов. Был он начальником караула, уже готовился к смене. А тут приятель — офицер милиции попросил помочь в поимке грабителей, якобы намеревавшихся ночью напасть на какую-то из местных торговых точек. Разве можно другу отказать? Привел лейтенант караул в казарму, отчитался за оружие. А один автомат не сдал. На вопрос дежурного по роте, как быть

с недостающим стволом, распорядился: запиши, мол, за мной. Взял автомат и вышел за проходную военного городка.

Конечно, признал в беседе Мануйлов, это была блажь — брать с собой оружие, однако детективная романтика одолела. Мнились, мол, засады, погони, перестрелки. Кому не хочется отличиться?

Таким вот оказалось проявление личной недисциплинированности. Куда уж дальше?

Второе же взыскание его из-за «дедовщины». Контролируя порядок в столовой, обнаружил, что в одной из тарелок не хватает белого хлеба. Увидел его у двух солдат, раньше других прибывших в столовую. Мануйлов потребовал вернуть на место чужие порции. Солдат Казиев, из «стариков», взял масло и демонстративно размазал его по всему куску. И ухмыляясь, пояснил офицеру: не могу, мол, положить на место, потому что он с моим маслом. Лейтенант повторил свое требование, Казиев и ухом не повел. Соседу же по-азербайджански что-то высказал в адрес Мануйлова: оба захохотали. После третьего напоминания офицера о своем требовании солдат вспылил и пустил «бутерброд» по столу, прибавив, бери, мол, свой хлеб.

— Тут в глазах у меня потемнело, — говорил Мануйлов, — я подошел к Казиеву и ударил его по лицу...

Так молодой лейтенант заканчивал первый год своей службы. Как видно, не в образцовом стиле, а с грузом значительных неприятностей. Потому-то командир части предупредил его в беседе, что если он коренным образом не поправит свое поведение, отношение к службе, вполне может быть уволен из войск.

Предостережение не пошло впрок. В мае Мануйлова из-за халатного выполнения служебных обязанностей заслушали на заседании аттестационной комиссии части и установили двухмесячный срок для устранения имеющихся недостатков. В решении также подчеркивалось, что перед командиром части будет поставлен вопрос об очередном воинском звании.

Двухмесячный срок этот как раз и закончился случаем с сержантом Левицким. Впрочем, немногим раньше Мануйлов успел предъявить «кулачный аргумент» еще двум военнослужащим — рядовым Б. Аштарову и С. Каржавову.

Защитники же лейтенанта, несомненно, будучи в курсе всех вышеуказанных «воспитательных» акций своего командира, тем не менее убеждали редакцию в письме: «...знаем его как лучшего офицера части. Об этом неоднократно говорил и командир части».

Как же можно игнорировать очевидное? Почему такую странную позицию заняли подчиненные Мануйлова? Откуда этот

непоколебимый юношеский максимализм, с которым они характеризуют своего командира исключительно лишь в превосходных степенях, не признавая за ним ни единого изъяна, с легкостью отбрасывая даже его проступки, граничащие с преступлением?

В своем письме военнослужащие сообщали, что, мол, в документах служебного расследования говорилось: «...лейтенант Мануйлов ударил сержанта Левицкого. Это записали люди, присланные разобраться в происшедшем. Они не очень утруждали себя тщательным выяснением истины. Умудрились даже провести расследование, не заслушав пострадавшего, который, кстати сказать, отрицал избиение. Не посоветовались также и с нами — сержантами и солдатами взвода».

Собрание длилось, бурлило более четырех часов. Некоторые комсомольцы брали слово по нескольку раз, защищая Мануйлова. При голосовании лишь двое поддержали решение бюро ВЛКСМ. Такое поведение молодежного коллектива ставит много вопросов перед коммунистами-офицерами.

Вот так-то. Лейтенант не виновен, на сержанта никто руку не поднимал. Оказывается, «люди, присланные разобраться», то есть офицер политотдела подполковник Н. Кухарчук, недобросовестны. Подобный подход иначе, как попыткой любыми средствами отвести опасность от своего командира, трудно назвать. Причем авторы далее сетуют, что расследование происшедшего проходило якобы под давлением и не совсем так, как они себе это представляли.

Да, изучавший суть и причины случившегося ответственный секретарь парткомиссии офицер Кухарчук не отрицал давления. Но какого? А такого, что ему пришлось дважды собирать объяснительные с очевидцев конфликта Мануйлова с Левицким: кто-то изъяс из папки первоначально написанные. Потом солдаты вообще стали отказываться и от вторых, мол, ничего не видели. Тот же Левицкий написал: дескать, ничего не произошло, произвольно отклонился от близко подошедшего офицера и наткнулся на притолоку. Дежурный по роте не набрался решимости на правду. Так кто же «давил»? Истину до некоторой степени прояснил рядовой Кар-

УСТАВ: ПРОБЛЕМЫ ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

жавов, сообщив, что когда он, по предложению Мануйлова, не согласился взять назад свою объяснительную, то лейтенант стал его запугивать, оскорбил нецензурной бранью.

Нет, далеко не ангелом, не безвинной жертвой обстоятельств выглядит во всей этой истории офицер Мануйлов. Отчетливо просматривается в этих поступках человек грубый, нечестный, беспринципный, невыдержанный, очень вольно понимающий взаимоотношения с окружающими людьми.

«Он учил нас освобождаться от формализма, подходит к решению любого вопроса с творческой инициативой. Он воспитывал думающих солдат и сержантов», — писали подчиненные в письме о своем командире.

А вот мнения о нем офицеров, выступавших на товарищеском суде чести, к которому Мануйлов был привлечен за случай с Левицким.

Майор С. ШАТКОВСКИЙ. Я был на учебном сборе его командиром роты. Видел, что он груб с личным составом. Приходилось неоднократно его предупреждать, но выводов он не делал. Постоянно сквернословил. Занятия как следует проводит не мог или не хотел.

Капитан Г. МОСКАЛЕЦ. Высокомерен, с людьми говорит сквозь зубы. Во взводе насаждает «дедовщину».

Итак, два диаметрально противоположных мнения о лейтенанте Мануйлове. Непосредственно в подразделении, где он служил до недавнего времени (после случая с Левицким его перевели в другой взвод), в разговорах с людьми удалось, может быть и не в полной мере, выявить суть этого человека. Характерное в Мануйлове, пожалуй, то, что он своеобразное порождение все той же пресловутой армейской «дедовщины», один из ее ядовитых ростков.

Мануйлов нередко опаздывал на службу и всегда пытался всячески оправдаться... Не выполнил поставленную ему задачу проверить караул. Так характеризовал подчиненного командир роты. Но кроме увещеваний иных мер к лейтенанту в роте не принималось.

Будучи курсантом, он не числился в сильных в учебе. В дипломе, полученном им по окончании училища, — большинство троек. Конечно же, за слабую успеваемость его не раз прорабатывали, критиковали. Уязвленное самолюбие его страдало, жаждало реванша.

А вот подтверждение, каким был Мануйлов в училищный период. В аттестации на присвоение ему первого офицерского звания написано: «Курсант средних способностей... Активного участия в общественной жизни не принимал. Положения общевоинских уставов знает, однако в личном поведении должной требовательности к себе не предъявляет... На критику и замечания реагирует болезненно...».

Портрет выпускника дан в целом-то реальный. В одном лишь ошибся командир, аттестовавший своего подопечного, написав: «По характеру спокоен, уравновешен...»

Нет, никогда не отличался такими качествами Мануйлов. Лучше узнали его в подразделении и объективно отметили: «Лично недисциплинирован. Вспыльчив, груб...». Какая уж тут уравновешенность, когда, чуть не так поведет себя в общении с ним младший, Мануйлов, не долго думая, пускает в ход брань, а то и кулаки.

Невольно возникает вопрос: как же воспитывали его в стенах военного вуза? Неужели не посчитали неотложно важным утвердить в сознании выпускника не подлежащее сомнению представление о том, что поднять руку на подчиненного, на сослуживца — поступок, никоим образом не совместимый с именем и честью советского офицера?

Когда я заметил ему, что, мол, не встречал выпускников-кировцев, позволивших себе поднять руку на солдата, непроизвольное его желание возразить свидетельствовало о большей осведомленности Мануйлова в приверженностях однокашников. А то, что для них «кулачнов» воспитание — вполне приемлемое дело, подтверждалось, скажем, поведением Мануйлова и его ответом на суде чести: считаю, что у командира взвода мало прав, чтобы навести порядок...

Вот так, если не хватает прав, плевать, установим себе их сами. И чего там «за совесть», куда проще «за страх» принудить подчиненного уважать начальника. Не интеллигентно, не педагогично? Ерунда, тот же Макаренко, мол, бил воспитанников!

Это уже позиция, циничная, аморальная. И надо думать, сформировалась она куда раньше, чем Мануйлов стал офицером. Усугубляется она тем, что его уже поддерживают и некоторые подчиненные. В беседе и с офицерами политотдела, и со мной солдаты и сержанты, которые, собственно, и явились организаторами письма в редакцию, так парировали наши доводы в осуждение поведения Мануйлова: «Бил за дело, что тут такого. Коль кто плохо служит, тому физическое воздействие лишь на пользу».

На пользу ли? Тот же рядовой Аштаров, хотя и действительно «не сахар», например, говорил, что не понял, из-за чего оскорбил его физически лейтенант. Мотивировка Мануйлова, мол, из-за того, что плохо поднимал в строю ногу, более чем смешотворна. Да, можно предположить, что этот солдат, по утверждению сержанта

Эстрина и других наших собеседников, неуправляемый человек, что он сознательно не поднял ноги, двигаясь в строю. Но ведь Мануйлов «проучил» его уже позже, когда солдат по приказанию командира роты писал в ленинской комнате объяснительную по поводу случившегося инцидента.

Кстати, удивила меня эта практика в роте, когда от в чем-то провинившегося требуют объяснительную.

Взамен кропотливой индивидуальной беседы с солдатом его воспитатель запасается бумажками, вместо того, чтобы напрягать интеллект, отыскивая доходчивое слово, способное пронять подчиненного. А после этого командира еще надо уважать?

И здесь, думается, пора пояснить, что же скрыто за коллективной подписью письма в редакцию. Когда я встретился с бывшим взводом Мануйлова и попросил желающих поподробнее высказаться по существу поднимаемых в письме вопросов, никто не проронил и слова. Тогда я попросил остаться тех, кто хотел бы поговорить о ситуации с Мануйловым. Взвод молча поднялся и вышел из ленкомнаты за исключением пяти человек. Это и было большинство инициаторов письма. Видимо, нет необходимости перечислять их фамилии: почти все они к моменту публикации этого материала наверняка будут уволены в запас. Да, они яростно и непреклонно защищали своего лейтенанта. Были искренни, сожалея, что не стало у них этого командира.

Чем же покорило их Мануйлов?

«С ним можно было говорить о чем угодно». «Он с нами в увольнение ходил». «А как занятие вел, самый тугодум все понимал». «На спортплощадке всегда с нами». «Более никто из офицеров с личным составом так близко и просто не общался».

Что ж, видимо, это как раз тот случай, о котором говорят «любовь слепа». Действительно, пожалуй, солдаты и сержанты роты, в общем-то не избалованные неподдельным вниманием, живой увлекательной работой с ними, так жаждали неформальной, человеческой атмосферы в отношениях с офицерами, так недоставало им сильного, справедливого старшего товарища, что даже явно негативные свойства характера Мануйлова не отчуждали многих из них от него.

Да и как было не тянуться к нему, если он не пожалел принести в роту все свои магнитофонные записи. В свободное время их могли послушать все. Правда, вечером его опора, те самые из инициаторов, закрывались в классе службы, где находился магнитофон, и современные ритмы долго тревожили сон роты. Он охотно вел личный состав в окрестности местечка, к его достопримечательностям, отдыхать и купаться. И ничего не имел против, когда его подопечные «щелкались» на память с транспарантиком над головой, на котором начертано: «Сто дней до приказа». А сопровождая личный состав в баню, разре-

шал «старикам», сержантам побродить по городку, зайти в магазины, полакомиться мороженым...

Нет, никак не перетягивают его положительные качества рубахи-парня иные, что «ложкой дегтя» перечеркивают все достоинства Мануйлова. В самом важном неправ он, потому и несостоятелен как командир...

Кто учил его в период становления? Нашелся ли кто из старших сослуживцев, коммунистов, чтобы терпеливо и убедительно растолковать Мануйлову, где он прав, а где и почему ошибается? Ни командир роты, ни его заместитель по политчасти сколько-нибудь заметного влияния на молодого офицера оказать не могли. Не стали для него авторитетом и другие его начальники. Куда чаще с лейтенанта, как говорится, просто «снимали стружку».

«Лейтенант — ничто и никто в части. Его можно как угодно бить».
В этом убеждении Мануйлов был непреклонен. И никто не попытался его разуверить.

Не здесь ли истоки того, что некоторые офицеры равнодушны к подчиненным, предпочитают дистанцию, окрик, брань, угрозы, вместо духовной близости, нормального, уважительного внимания к ним?

Чтобы утвердить в коллективе здоровый микроклимат, одним самых строгих указаний да горячих призывов всегда будет крайне мало. Требуется нечто иное — кропотливое обновление психологии и мышления командиров и политработников в подходах к людям. Нужно всячески побуждать у офицеров желание поговорить с подчиненными о самом разном, а не только об их обязанностях по службе. Потому что он, солдат, человек своего времени. Живет тем же, чем живет и все общество. И жаждет, что старший товарищ — офицер, коммунист поможет ему разобраться в окружающих проблемах.

Как жаль, что такую великолепную возможность повести за собой людей не только силой приказа, а силой своего авторитета редко используют наши офицеры. И всего-то надо для этого, чтобы твоя душа была открыта другим.

Подполковник Д. ЕВСТРАТОВ.
*УВВ по Украинской ССР
и Молдавской ССР.*

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда материал готовился к печати, пришло сообщение о том, что лейтенант Н. Мануйлов по ходатайству офицерского товарищеского суда чести за физическое оскорбление подчиненных уволен с военной службы.

Щеповедь СЛАБОГО „ДЕДА“

«Здравствуй, уважаемая редакция. Пишет тебе солдат-москвич аж из Красноярского края. Тошно мне.

Определили меня во внутренние войска, в учебную часть служебного собаководства, а после — в охрану исправительно-трудового учреждения.

Прошло время, ушли «дежбеля», пришло молодое пополнение. Но отношения остаются старыми. Я как-то попытался защищать одного «молодого», но сам за это здорово получил.

Служить-то осталось совсем немого, но как прожить в сложившейся ситуации? Каким же надо быть человеком, чтобы жилось в этой обстановке хорошо?..»

Вот такое письмо передали нам коллеги из «Московского комсомольца». Об авторе в нем минимум сведений — лишь фамилия и номер части. Я отправился на поиски адресата в надежде на подробный и искренний с ним разговор. И он состоялся.

«За все месяцы занятий в «учебке» со «стариковщиной» мы вообще не встречались. Очень хороший замкомвзвода у нас был. Старший сержант Шейн. Член партии, солидный. Никогда не обижал солдат и не позволял этого делать другим.

Но закончилась учеба, и нас привезли в роту. В первый же день, помню, начались неприятности. Сидя в столовой, я заметил, как через открытую дверь из другого зала за мной наблюдает солдат, который моет посуду. У меня появилось нехорошее предчувствие. Поел я, встал, и — к выходу. Вдруг сзади крик грубый: «Эй, молодой, иди сюда!» Я как будто не слышу. И тут же топот за спиной и — удар по ногам сильный...

Пришлось помыть посуду, полы. Потом он сказал: «Иди, свободен». Настроение, конечно, было подпорчено такой встречей.

...Ночью иногда растолкают: иди полы мой. Старшина — прапорщик зайдет днем в казарму, накричит на сержантов, что порядка нет, и уйдет. А мы, «молодые», по ночам наводим этот самый порядок.

Пару раз я отказывался работать ночью на «стариков», получал за это. Били по корпусу, по ногам. Коронное место — под коленку спереди. В кость.

В столовой был, да и сейчас, извините, бардак. «Старики» всегда ближе к краю стола садятся. Накладывают из бачка себе первыми, сколько захотят. То, что остается — «молодым».

В карауле в лесу меня не трогали. Ведь

моя служебная собака рядом. Я однажды предупредил «стариков»: будете придирааться — спущу пса.

Дальше у меня пошла служба более-менее — я стал «черпаком». Теперь работали «молодые».

Меня коробит, когда обижают других. Особенно слабых. В прошлом году в лесу в карауле «старики» надели на одного «молодого» — Слугина. Он мне чем-то понравился. Скромный, тихий такой. Они на него одну работу взвалили, другую... Я подошел, говорю: «Ребята, здесь он не один. Пусть другие помогут...» «Деды» на меня тут же набросились, стали толкать: «Куда лезешь! Сам недалеко ушел!..» И ребята из моего призыва тоже против выступили: «Тебя самого надо заставить!..»

С того дня, я заметил, отношение ко мне в роте резко изменилось. «Старики», когда не было «молодых», пытались заставить работать меня. Но я уже не поддавался. Разворачивался и уходил. Бывали, конечно, стычки. Мой призыв поддерживать меня совсем перестал. И сейчас я уже «дед», но со своими живу плохо.

За «молодых» я уже не заступаюсь. Если полезу — совсем затюкают. Иногда мои же говорят мне: «Слабак, не можешь «молодого» заставить работать, паши сам!» Я мог бы заставить. Но не понимаю, почему я должен это делать?

Неуставная жизнь начинается у нас с подъема. Дневальный крикнет: «Рота, подъем!», а дежурный потом ходит, будит каждого «старика» лично. Зарядки у нас нет.

Строим идешь или без строя — все равно. На это особого внимания не обращается. В основном служба, служба...

На моих глазах «старики» давно уже не били «молодых». Но при мне иногда говорят об этом: там-то того-то «отоварили», не хотел работать. Все это может из мелкого в крупную перерасти. Был ведь у нас случай недавно — рядовой Ковальчук в тайгу ушел... Пристали к нему «старики», побили — вот он и убежал. Так выразил свой протест.

С неуставными надо начинать бороться еще на «гражданке», в школе. Парни служить приходят уже испорченными. Грубыми. В ПТУ старшекурсники появлялись рядом с нами во время получения стипендии: «По рублю, по рублю...» — собирали дань с каждого. Кто не давал, того били.

У меня сейчас желание — побыстрее бы уволиться. Какую-то пользу Родине я принес. Взысканий нет. Есть поощрения.

А о «дедовщине» надо больше говорить, писать. Главное, чтобы не было у всех ощущения, что «стариковщина» — это нормальное и вечное явление. Ведь можно, чтобы без нее, как в нашей «учебке»? И чтобы сержанты все такие, как был у нас Шеин?»

КОММЕНТАРИЙ ПО ПОВОДУ

В поисках рядового Михаила Орлова пришлось колесить по тайге от подразделения к подразделению, удаленных друг от друга на десятки километров. Однажды, признаюсь, даже сомнение посетило: вымышленное это имя... Может, потому, когда наконец-то автор письма — светловолосый сероглазый «солдат-москвич» сидел напротив и неторопливо рассказывал о своем непростом житье-бытье, я желал лишь одного — дать ему выговориться. А теперь сожалею, что не попытался убедить Михаила все же открыться для сослуживцев, чтобы в подразделении узнали: «дед» Орлов снова бросает вызов «дедовщине»... Тогда можно было бы спросить всех, кто находился рядом с ним: почему в роте прижилась несправедливость и, главное, почему он остался непонятым, остался один? Думаю, мы услышали бы в ответ немало интересного. Но солдат до публикации исповеди («машины нервы берегу») пожелал остаться инкогнито.

И все же история рядового Орлова, представ перед нами во многом лишь внешней своей стороной, послужит еще одним поводом к разговору о наболевшем. Для этой воинской части, для роты случаи «стариковщины» не редкость. Но вот о выступлениях против нее солдат и сержантов, даже одиночек, мы знаем пока очень мало.

Скажу откровенно, что в роте, где служит рядовой Орлов, я таких не нашел. Нет, здесь подавляющее большинство — от командира роты капитана В. Михеенкова до бывшего сержанта А. Мезецкого, разжалованного за физическое оскорбление подчиненного, — осознают, что неуставные — это плохо, с ними пора кончать. Но кто же из них поднимает знамя и первым бросится в атаку? По уставу обязан ратный командир. Но по его уставо-равнодушному виду, по сбивчивым ответам, по

пыткам оправдать собственные недоработки служебной загруженностью, по все тем же упрекам в адрес «гражданки» я понял: Михеенков в атаку не поведет. Тогда, может, замполит роты старший лейтенант В. Остапенко? О нем вот и солдаты отзываются неплохо: добрый, старается, требует... Но в роту он пришел сравнительно недавно, обстановки не знает, да особенно и не стремится узнать. Дела в подразделении, по его словам, обстоят не так уж и плохо. И характеристики, которые он по моей просьбе дал некоторым солдатам, получились сплошь положительными, несмотря на то, что половина из них наказана за неуставные взаимоотношения.

Где рождается «дедовщина» — в ПТУ или в армии? Иван кивает на Петра, Петр — на Ивана. И загоняют проблему внутрь...

Тогда, должно быть, ротные активисты поднимутся и поведут наступление, так сказать, с молодежным огоньком? Увы. Огонька этого, простите за каламбур, днем с огнем не сыщешь. «Погоревшие» на неуставных рядовые Р. Юлдашев и Б. Тен признались, например, что разговор о «дедовщине» на комсомольских собраниях — это почти что снег летом... И коммунисты роты по-прежнему не на высоте, ждут особого указующего перста командира...

А сержанты? Они здесь, к сожалению, чаще пока заодно со «стариками», нежели с офицерами. Большая это беда: между офицерами и солдатами роты оборвана связующая нить, нет должного контроля, влияния... Хотя у капитана Михеенкова и на этот счет готов ответ:

— Офицеры постоянно находятся в подразделении, контролируют...

Но какой прок от присутствия офицера, если он не видит, не замечает, что «старики» в столовой несправедливо делят обед, что картошку на кухне чистят лишь первогодки, что команда «подъем» — только для молодых солдат, что.. Впрочем, не надо далеко ходить.

В казарме неожиданно раздался вселенский грохот и шум, который, казалось, способен взбудоражить и поднять на ноги всю округу. Это «выясняли отношения» дежурный по роте младший сержант Ф. Ураков и рядовой Ф. Хасанов. А рядом в канцелярии работал капитан Михеенков. Лишь после моего вмешательства схватка прекратилась, и командир роты вынужден был «отреагировать» — снял с наряда младшего сержанта Уракова.

Вот тебе, бабушка, и контроль...

Встречался я со многими солдатами и сержантами — теми, «кто бил» и «кого били»... Конечно, если собрать все эти факты, что называется, в кучу — получится картина удручающая. Но с таким же успехом можно было собрать «урожай доб-

рых дел», чтобы жизнь подразделений предстала в радужных красках.

Чтобы избежать обеих крайностей, скажу: главное, долг свой — многотрудный и необходимый обществу — коллектив части выполняет. Пока выполняет.

Но вот что настораживает. Ни «внизу», то есть в роте, ни «наверху» — в управлении части и даже соединении — особого беспокойства по поводу «дедовщины» не выказывают. И становилось очевидно, что те первые попытки наладить систему борьбы с неуставными — проводить так называемые комплексные мероприятия с привлечением на них солдат и сержантов, склонных к дисциплинарным проступкам, дают сбой пока совершенно закономерно. Потому что у офицеров, начиная именно «сверху», нет полной объективной информации о происходящем в подразделениях. Как правило, «свежие» случаи неуставных похожи на те, что потрясали подразделения раньше: уроки не идут впрок. Офицеры, в первую очередь, высшего звена, часто работают не конкретно, больше выезжают «гасить пожары», нежели упреждать их.

А еще мешает командирам и начальникам самоуспокоенность и, что особенно печально, низкий спрос с тех, кто по долгу службы обязан подавать пример верности уставу.

По-прежнему, как говорится, служит и горя не знает замполит одной из рот лейтенант И. Тарнавчик, бывший подчиненных. На мой взгляд, вопрос: может ли такой офицер называться политработником, является риторическим.

А другой сторонник «кулачных аргументов» старший лейтенант В. Щерба был передан, как говорится, из рук в руки в органы внутренних дел. Наказали, называется. Там что же, такие «воспитатели» нужнее? Какую характеристику написали в части Щербе, можно лишь предполагать. Но вряд ли сотрудники милиции приняли бы его в свои ряды, зная, какие методы пускает он в ход, чтобы убедить подчиненных.

Вопросы к командиру, начальнику политического отдела возникают и в связи с колоссальной загруженностью личного состава. Кажется, мало чем могут они облегчить участь солдата, снять с него невероятное физическое и психологическое напряжение. И тем не менее. Почему, например, нет в подразделениях положенных транзисторных средневолновых радиоприемников на батарейках? Ведь здесь на радиопузлах дежурят осужденные — что они дают на радиоточку, то солдат и принимает, песни сплошь ностальгические, послушаешь — выть хочется.

И потом, кто, наконец, преградит в подразделениях путь невежеству и солдафонству? Первую комнату отдыха, с таким трудом создаваемую и только что открытую в одном из подразделений, закрыл... старшина. Как? Очень просто: вошел в нее, увидел солдата с расстегнутым воротничком — накричал на него, всех выгнал. А дверь — на замок. Сие бы служебное рвение да в нужное русло!

А теперь о некоторых причинах — действительно объективных.

Во время моей командировки сибиряки зачитывали до дыр, передавая из рук в руки, номера «Известий». Вместе с автором статьи «Зона» Леонидом Шинкаревым справедливо возмущались: отчего в их регион отовсюду ссылают «спецконтингент»?

А кого иногда присылают в части, дислоцируемые в Сибири? Позвонили «сверху»: направляем вам замполита старшего лейтенанта К. Ахметова. Служить не желает. Что хотите, с ним делайте — воспитывайте или увольняйте. И вот в части с ним мучаются. Уволить? Это при том, что некоторые роты вообще без замполитов?

И из училищ в глубинку направляют чаще не отличников, не передовиков. А солдаты! Вот характеристики на военнослужащих, присланных из прославленной дивизии им. Ф. Э. Дзержинского. Хоть сейчас знаком отличника каждого награждай. А вот отзывы на этих же военнослужащих, присланные на повторный запрос: «Рядовой Н. Г. До службы употреблял наркотические вещества. У него обнаружено несколько граммов гашиша...» «Рядовой В. П. До призыва возбуждалось уголовное дело за хулиганство, но в связи с призывом в Вооруженные Силы прекращено. С сослуживцами груб...» «Рядовой И. К. Склонен к токсикомании. Замечен за вдыханием паров ацетона...»

Не «бил в колокола» рядовой Орлов, но все-таки поднял голос против несправедливости.

А вот те, кто должен был поддержать его, но смолчал, заслуживают укора.

В славной московской дивизии они не нужны. Но зачем же глубинку вводить в заблуждение липовыми характеристиками? Этот вопрос обращен к подполковнику Трусю и старшему лейтенанту Васильеву, подписавшим отзывы.

Вот такой — далеко не полный — «ком» несолдатских проблем увидел я за рассказом рядового Михаила Орлова.

...Нервно трет ладошкой о ладонь, хрустит суставами дрожащих от волнения пальцев бывший командир отделения одной из рот, разжалованный из сержантов, Скаченко:

— Вы будете писать о том, что я бил солдата. Отец меня поймет (!!). Но дедушка-фронтовик... — в голосе солдата просящие нотки — дед не должен узнавать... Внук рассказывает о деду с гордостью: бывалый подводник, орденноносец... И хочется верить, что говорит в солдате не страх, а просыпающаяся совесть.

Потому что совесть не может всегда спать. Если она есть.

Конечно, лучше бы она проснулась раньше.

Майор С. ШЕВЦОВ.

УВВ по Западной Сибири.

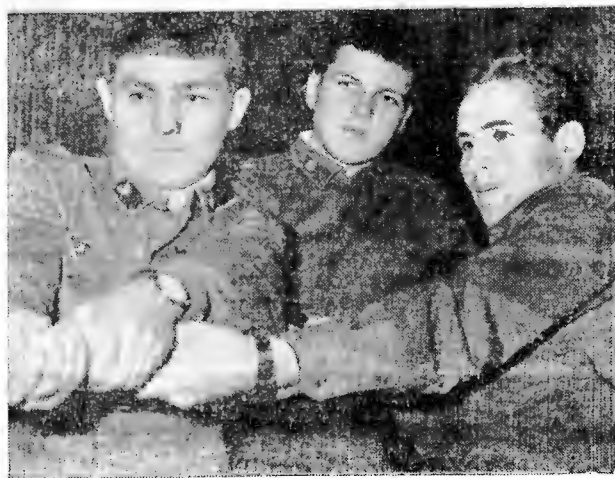
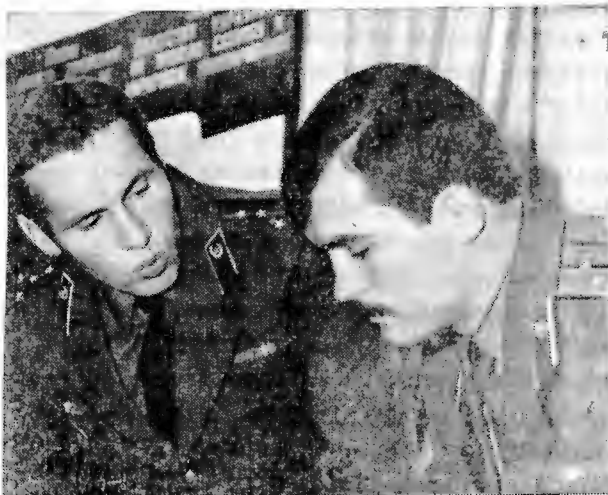

ФОТООЧЕРК О КАПИТАНЕ В. САВЧУКЕ.

■ Подготовка караулов к службе — в числе основных вопросов, волнующих начальника штаба батальона. Он доволен: рядовой Э. Миколюнас вводную решает уверенно.

■ Коммунисты батальона избрали Виктора Андреевича своим секретарем. «Как дела, комиссар?» — заболтливо спрашивает он у старшего лейтенанта Ю. Омельченко.

■ Выдалась редкая свободная минутка. И вновь НШ спешит к людям, теперь в спортзал.

**НШ
идет
к
людям**

ДНИ И НОЧИ ГРИГОРИЯ ШАВАРИНА

В НЕДАВНЕЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПЕРЕДАЧЕ О ВЕТЕРАНАХ ТРЕВОЖНО ПРОЗВУЧАЛА МЫСЛЬ: ЧАСТО ПОВТОРЯЯ ИМЕНА ШИРОКО ИЗВЕСТНЫХ В СТРАНЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ, МЫ НЕСПРАВЕДЛИВО ОСТАВЛЯЕМ В ЗАБВЕНИИ ТЕХ, КТО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОДИЛ ПОДЧИНЕННЫХ В АТАКИ. КТО НАВСЕГДА ОСТАЛСЯ ЛЕЖАТЬ В МЕСТАХ БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ И КОМУ ПОВЕЗЛО УВИДЕТЬ ОГНИ ПОБЕДНОГО САЛЮТА. КТО ПОСВЯТИЛ СВОИ ГОДЫ ВОИНСКОМУ ДОЛГУ, ОТДАВАЯ ОПЫТ И ЗНАНИЯ МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ. НЕТ, НЕ ИМЕЕМ МЫ МОРАЛЬНОГО ПРАВА МОЛЧАТЬ ОБ ЭТОМ УДИВИТЕЛЬНОМ ПЛЕМЕНИ КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ, ДОНЕСШИХ ДО НАС СВЕЖЕСТЬ ОКТЯБРЬСКИХ ВЕТРОВ И ПРИВКУС СОЛЕННОГО ПОТА ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОВ, БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ И НАУЧИВШИХ НАС ВСЕГДА И ВЕЗДЕ ОСТАВАТЬСЯ ВЕРНЫМИ СЫНАМИ ОТЧИЗНЫ. ПРЕКЛОНЯЮСЬ ПЕРЕД НИМИ. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ДОЛЖНИКОМ. БЕСКОНЕЧНЫМ И БЕЗНАДЕЖНЫМ. ПОТОМУ ЧТО, ПРИСТАЛЬНО ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ИХ ДЕЯНИЯ, ОБРЕТАЮ СИЛЫ И УВЕРЕННОСТЬ...

У МНОГИХ ИЗ НАС БЫЛИ ВСТРЕЧИ С ТАКИМИ ЛЮДЬМИ. СРЕДИ ЛЮБИМЫХ МНОЮ КОМАНДИРОВ ФИГУРОЙ НОМЕР ОДИН ВСЕГДА ОСТАВАЛСЯ ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ШАВАРИН.

В 1962 ГОДУ я прибыл для дальнейшего прохождения службы в часть, которой он командовал. И первая же встреча осталась в памяти. Григорий Михайлович был высок, крепок. Будь на нем любой гражданский костюм, все равно легко догадаешься, что перед тобой кадровый военный — отменная выправка. Пристальный пытливый взгляд говорил о желании и умении с ходу определить, кто есть кто. Не каждый командир обладает таким свойством. Политруки Отечественной владели им превосходно. Беседуя со мной, Шаварин неожиданно спросил:

— В каком качестве вам хотелось бы продолжать службу? Только честно.

Вопрос озадачивал. Ища совета и поддержки, я посмотрел на командира. Лицо Григория Михайловича оставалось вроде бы спокойным и даже строгим, а глаза излучали добро, тепло. Это очень сблизжало, заставляло верить ему, исповедоваться перед ним.

Уважение к командиру с той беседы росло день ото дня, из года в год, пока я служил под его началом. И какие бы должности ни занимал, Шаварин оставался для меня, как, впрочем, и для других, всегда чутким начальником и добрым старшим товарищем. И это, видимо, тоже было в нем от политрука — умение ладить с людьми. Готовя эти заметки, я получил множество писем-воспоминаний от бывших однополчан. Так вот, мнение их едино: часть под командованием полковника Шаварина была для всех прекрасной школой командирского возмужания. И все воспоминания о нем прекрасны тоже...

ХРУПОК мартовский снежок в предутренние часы. Осев днем под первыми лучами весеннего солнца и схваченный в сумерки легким морозцем, он хрустит сейчас, и, чем дальше в лес уходит лыжня, тем сильнее. Настраение не у всех доброе. Шутка ли, к 8 Марта готовились, а тут на тебе — посылный вызывает по трезогам... Холостякам еще ничего, а каково тем, у кого жены да дети дома остались?

ЛЮДИ. ПОДВИГИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ

Рассвет приближается медленно. Крупная фигура Шаварина уже угадывается легко. Получив сигнал от дозорных, управление полка останавливается. Командир и его подчиненные склоняются над картой и компасом. Мы устали и на пределе. Все? Или еще дальше? Томительные минуты, и снова в путь. Как ни тяжело, а свою задачу стараемся выполнить хорошо. Впереди командир — значит, надо. Но мы еще не знаем, что это игра, тренировка. И что замысел ее разработал Шаварин со своим штабом. Предусмотрено все до мелочей: и резерв оставлен надежный, и маршрут продуман. В случае необходимости возвращение будет быстрым.

Морозец крепчает, и наша лыжня все углубляется в лесной массив. Отмеривая километр за километром, как и положено, останавливаемся лишь на короткие привалы. Шаварин в эти минуты оживляется, подходит к офицерам, солдатам. Перекинетя несколькими фразами, совет даст. И снова — вперед...

Предутренние часы приносят острую свежесть, воздух становится крут, бодрит. Интуитивно чувствуется конец пути. От первой роты уходит дозор вправо. Где-то хлопает ракетница. Над вершинами елей взлетает ярко-зеленый огонек, раскраивая надвое еще не посветлевшее небо. Сигнал зовет нас, и мы выходим на стрельбище. Не верится, что за ночные часы столько пройдено по бездорожью. Значит, Шаварин вел нас хорошо выверенным путем. Это потом будет серьезный разбор марша, анализ стрельбы по условиям учебных

упражнений, а пока мы готовимся. Развертывается пункт боевого питания: боеприпасы уже подвезены. В тылу виднеются крытые тентом автомобили. Инструктируются и рассылаются наряды. Вскоре первые очереди вспарывают застоявшуюся тишину.

Офицеры, кроме того, выполняют упражнение из личного оружия. Командир полка сам проверяет каждого. За отличный результат — благодарность. Тут же, перед строем. Шаварин знает, как это важно — своевременно поощрить подчиненного. Мы в своих взводах и ротах поступаем так же.

Из автомата он стреляет всегда первым. Без промаха, спокойно и надежно. А вот из пистолета — последним. И снова — ни единого промаха. Потом подзывает тех, у кого стрельба не получилась: мол, учитесь, как надо. И, дав совет, непременно «пропустит» еще разок, уже без оценки.

Звучит сигнал «Отбой», и сразу же появляется некоторая суета. Предвешаем скорый отъезд домой. Да, сворачиваемся, проверяем оружие и все остальное. По команде грузимся. Шаварин дает распоряжение офицерам сесть в полковой автобус.

Все же как приятно, когда трудности позади, а впереди — праздничный отдых! «Это здорово, что «батя» придумал домой нас машинами доставить...» — шепотом признается мне сосед. Эка новость! Да я и сам об этом только что подумал. Тепло разливается по всему телу, клонит ко сну...

Так, подремывая, мы незаметно достигли окраины города. Но что это? Автобус отделяется от колонны и резко сворачивает, а через километр-полтора за какими-то сараюшками останавливается. К всеобщему изумлению, командир приказывает стать на лыжи... Ничего не понимая, выполняем команду. Шаварин первым неторопливо поправляет крепление и, убедившись, что мы тоже готовы, ведет за собой. Кто-то начинает потихоньку роптать: «А это что за марш и кому он нужен...» Однако идем.

Вскоре деревья расступаются, и лыжня, описав спираль, утыкается в большой бревенчатый дом. Снимаем надоевшие вусмерть лыжи, отряхиваемся и вслед за Григорием Михайловичем вваливаемся в жарко натопленную избу. Вот так дела!

В большущей комнате на длинных деревянных, ничем не крытых столах аккуратно расставлены чашки и ложки. Дымится сладкая уральская уха, наполняя ароматом всю избу! А за столами наши милые боевые подруги с ребятишками, которых многие сегодня ночью не раз вспоминали. Да и холостяки радешеньки после трудов ратных пребывать в этакой компании...

Лишь Шаварин невозмутим и спокоен:

— Ну так что, Николаич, — обращается он к повару, роль которого доверена ротному старшине, — не прикажешь ли идти к столу?

И сколько же было смеха, шуток и просто добрых слов в этот день! Григорий Михайлович с удовольствием слушал других и сам шутил. Я внимательно наблюдал за ним и видел, что временами улыбка как-то незаметно сходила с его добродушного лица, он становился задумчив. Может, оце-

1942 год. Г. М. Шаварин после вручения ему ордена Красного Знамени.

нивал нас, молодых офицеров, насколько готовы мы к большим испытаниям и все ли он, наш командир, делает для этого? А может, смотрел на задорных и беззаботных лейтенантов, вспоминая свою молодость? Ведь начиналась она у него совсем не так...

Есть у писателя В. Платонова воспоминания о первых часах Великой Отечественной войны. О том, как советские пограничники мужественно встретили фашистов на западных рубежах Отчизны. Много строк уделил автор героическому бою младшего политрука Григория Шаварина и его бойцов с наседавшими на заставу захватчиками. Рассказывал нам о начале войны и сам Шаварин.

...Стояла тихая июньская ночь 41-го года. Ожидание рассвета складывалось из мучительно долгих минут. Григорий посмотрел на часы. Стрелки продвигались к четырем... Еще немного, и над рекой чуть затуманится воздух, предвещая такой же, как вчера, теплый день.

Неясный шум донесся из-за реки. Еще мгновение — и на заставу, справа и слева от нее, на бесконечном пространстве легло что-то тяжелое, скрывающее не только тело, но и сознание. Вздвогнув и глухо застонав, земля встала на дыбы. Так продолжалось около двадцати минут. Мрак, хаос, грохот, смерть... Когда все внезапно стихло, огушенный, еще не пришедший в себя полностью младший политрук осмотрелся и не узнал местность: дымящиеся постройки, торчащие на месте блиндажей бревна, взрытая, словно могучими клыками, земля.

По ту сторону реки затарахтели мотоциклы. Послышались голоса, команды. Ни танков, ни самоходок не было видно. Из леса появились небольшие группы фашистов. Они уверенно шли к израненной границе.

Младший политрук скомандовал открыть огонь. Стрельба была меткой и даже азартной. Фашисты не только растерялись, но и откровенно струсили, позорно бежали к спасительному лесу. Кто-то падал, пытался встать, просил о помощи.

...В солнечном блеске июньского утра серебрилась густая пыль, не успевавшая осесть между атаками на развороченную землю. Фашисты упрямо лезли и лезли вперед, не считаясь с потерями. Все вокруг было усыяно их трупами.

Атаки продолжались целый день. К вечеру немцы поутихли. Шаварин приказал всем живым привести себя в порядок. Раненные, измученные невероятным напряжением, они молча перевязывали друг друга и ждали. Чего они ждали? Поддержки? Помощи? Новых атак? Шаварин знал одно: они будут стоять до конца. А это было главным.

На восток проплывали тяжелые бомбардировщики с крестами на крыльях. И справа, и слева доносилась канонада. На границе шли тяжелые бои, хотя день уже клонился к вечеру...

В своих воспоминаниях В. Платонов укажет точно: пограничники во главе с младшим политруком Григорием Шавариным более десяти часов мужественно удерживали заставу, нанося большой урон про-

тивнику. И лишь по приказу старшего начальника он выведет оставшихся в живых из окружения. Тогда он еще не знал, что война только начиналась, что в феврале 42-го побывает в Кремле, где Михаил Иванович Калинин вручит ему первую боевую награду Родины — орден Красного Знамени за номером 24690, что впереди месяцы и годы тяжелых испытаний...

Хорошо помню, как мы отмечали 20-летие нашей Победы. По-разному. Одни под звон бокалов, другие у станка, третьи — на постах. Кто-то смотрел праздничные фейерверки, а кто-то продолжал трудовую или боевую вахту.

Полковник Шаварин в такие дни всегда находился среди солдат. Как правило, выезжал в самые дальние подразделения. Особых торжеств не устраивал, но обязательно привозил увенчанное двумя орденами Боевое Знамя полка и выступал перед личным составом: просто говорил с людьми как ветеран, как боец, переживший ужасы войны.

...Он был всеми любим в части.
Личный пример и безупречная служба.
Преданность воинскому долгу,
граничащая с самопожертвованием
во имя Родины, и любовь
к подчиненным, повседневная и ярная.
Он умел воздействовать на людей,
требовать с них и вести за собой
на любое трудное дело...

Из воспоминаний
майора запаса А. Чернышова.

Так было и в тот праздник. Командир отмечал его среди военнослужащих отдельного дислоцированного батальона. И была беседа о мужестве и бессмертии, о святости долга солдатского, о любви к Родине...

Мы часто говорили между собой о том, что он много занимался воспитательной работой. Не было дня, чтобы не побеседовал с кем-нибудь: на занятиях ли, во время хозяйственных работ или просто при удобном случае...

Памятным остался для всех нас юбилей прославленного в боях полка. К празднику он вышел в передовые в социалистическом соревновании и завоевал переходящее Красное знамя. Но подготовка к юбилею началась еще год назад по инициативе командира. Шаварин ненавидел показуху и разного рода шумиху, парадность. И если начал столь серьезное дело, то только во имя одного — подтянуть личный состав, выйти на новые рубежи в боевой и политической подготовке. Он умело использовал все возможности для пропаганды лучшего и передового. Например, была создана группа авторов для подготовки брошюры о боевом пути части. И она справилась с этой задачей.

В большой и, прямо скажем, нелегкой подготовительной работе к юбилею Шаварин проявил себя подлинным организатором, умеющим опираться на партийных и комсомольских активистов. Наш комитет ВЛКСМ был буквально завален делами: помогал реконструировать комнату истории и боевой славы полка, вел обширную переписку с однополчанами, проводил совместные молодежные мероприятия с комсомольскими организациями соседней и охраняемого объекта. Шаварин во все вникал, помогал, если надо было, поправлял. Более тесного контакта командира с комсомольской организацией мне видеть не приходилось.

Благодаря Григорию Михайловичу нам удалось организовать переписку с родственниками навечно зачисленных в списки полка рядовых А. Рублева и В. Лыкова (третий — ефрейтор В. Белименко — был детдомовцем), пригласить их на юбилей.

ОТом, что Шаварин любил молодежь, знали все. И особенно члены комитета ВЛКСМ. Организация досуг личного состава, офицеры подразделений не без оснований рассчитывали на нас. Сам Григорий Михайлович, бывало, придет на заседание комитета, идею какую-нибудь подбросит, нередко и пожурит за что-то, словом, он жил всегда нашими делами.

Однажды сказал:

— Из комитета ВЛКСМ предприятия звонили. Жалуются девчата, что избегаете их. В гости не приглашаете, — он хитровато прищурился, — где же ваша инициатива? Эх, молодежь пошла...

— Так ведь у нас и прав на это нет, — пытались мы парировать, — попробуй пригласи кого-нибудь — на КПП остановят...

— А что же вы этих самых прав не добиваетесь? — с той же хитроватой улыбкой и ушел.

...Никогда ни в чем не фальшивил и не «рисовался». Работать кое-как просто не умел. Всегда дорожил честью офицера и командира.

Уже в запасе коммунист Шаварин вел огромную работу по пропаганде славных боевых традиций внутренних войск...

Из воспоминаний полковника запаса М. Мартынова.

Вскоре мы организовали большой совместный комсомольско-молодежный вечер в клубе части. Готовились, конечно, здорово, все продумали до мелочей. Но в управлении не все одобрительно отнеслись к этой затее. Заместитель начальника штаба заявил: «Подобные встречи к добру не приведут. Запретить бы...»

Однако вечер, состоявшийся в канун Нового года, прошел увлекательно. Немного побыл среди нас и командир полка. Все шло ладно, но на другой день случилось непредвиденное.

Заместитель начальника штаба по обычаю появился в части раньше всех. Внимательно осмотрел территорию и обнаружил недалеко от клуба бутылку из-под вина. Торжественно «представил» он ее командиру: «Я же говорил! Я предупреждал!» Мы ждали грозы.

Шаварин отреагировал спокойно:

— Не вижу никакой вины комитета. Бутылку-то одну нашли?.. Ну, а если все запрещать, не доверять, то появиться могут и другие. Не так ли?..

Потом повернулся к офицерам штаба:

— Службу суточного наряда надо лучше организовывать и контролировать ее...

Комсомольско-молодежные вечера продолжались. В клубе работали разные кружки самодеятельности. И личный состав всегда был благодарен командиру полка за это очень и очень нужное всем нам доверие.

Чтобы доверять, надо знать людей. Шаварин знал. И уж, конечно, знал всех тех, у кого служба не шла, кто приносил беды своим коллективам. При первой же возможности встречался с ними, воздействовал на них. Воспитывать военнослужащих, учил нас Григорий Михайлович, обязан каждый офицер независимо от занимаемой должности, и сам подавал хороший пример. Он не признавал чистых «спецов», требовал от полковых управленцев самого живого участия в работе с людьми. И, надо сказать, белоручек в этом плане у нас не было.

Однажды мы работали в дальнем подразделении. Ночью командир направился на объект. Было очень морозно. На одном из постов часовой оружие держал неправильно, форма одежды была явно нарушена. Правде, стоял солдат настороженно, нас далеко заметил. Командира полка приветствовал. И я тут же подумал: «Вот сейчас Шаварин «даст» начальнику караула...» Но Григорий Михайлович как будто ничего не заметил, спросил у часового о здоровье, нет ли жалоб каких и еще что-то. Лишь только мы отошли, я выразил неудовольствие начальнику караула, мол, нельзя же так плохо готовить часовых к службе... Шаварин покосился на меня:

— Так, выходит, комитет ВЛКСМ не знает всех «трудных» солдат? — При слове «трудных» он сделал паузу, затем добавил: — Это же рядовой Барботько!

Тут только я вспомнил фамилию, которая часто произносилась на собраниях и совещаниях. Стыдно было перед Григорием Михайловичем. Он-то нашел время познакомиться с Владимиром Барботько, а комитет ВЛКСМ опоздал... Не от всех дурных привычек сразу избавился солдат, но слово, данное командиру, он сдержал: на втором году службы стал отличником.

БОЕВОЙ подготовке Шаварин уделял самое серьезное внимание. Не припомню, чтобы в подразделениях, где приходилось и служить, и просто бывать, срывали занятия. Велась жесткая борьба за качество, строго спрашивали с виновных за упущения — все это было, но повторюсь, за боевую подготовку болел каждый офицер, начиная с командира. Потому и боеготовность полка оценивалась высоко.

Учения и практические занятия в поле — вот что считал Григорий Михайлович основной боевой выучки личного состава, главной и незаменимой школой воспитания. Его всегда беспокоило, умеют ли офицеры организовать оборону охраняемого объекта, подготовлены ли солдаты вести длительный поиск в экстремальных условиях, готовы ли поразить цель на любом расстоянии и многое другое, без чего нет полноценного солдата. Именно поэтому не прощал никаких условностей в боевой подготовке.

...Накануне планового учения командир полка вызвал к себе опытного офицера штаба майора А. Ворожбитова:

— Первому батальону предстоит отработать ряд сложных вопросов в ходе учения. Надеюсь, Александр Иванович, на вас полностью: лично возглавите «диверсионную группу». Все должно быть, как в реальной обстановке...

Ворожбитов имел широкий тактический кругозор, опыт, действовал хитро и расчетливо. И постарался на этот раз. Батальон, которым командовал энергичный и грамотный подполковник А. Козин, должен был обнаружить и ликвидировать «диверсионную группу». Задачу командир полка поставил четко — сделать это в течение суток.

Но не тут-то было! Ворожбитов с группой менял направление, уходил в лесной массив на большой скорости, словом, создавал такие трудности и сложности, что через несколько часов солдаты совершенно измотались. Однако Козин был упрям, снова и снова предпринимал попытки как можно быстрее выполнить задачу. Шаварина такая обстановка, очевидно, устраивала. Он не вмешивался в действия офицеров, лишь следил за ними, все время не отходя от радиостанции. На подобных учениях он давал командирам большую, если не сказать — полную самостоятельность действий.

...Двадцать два часа продолжался поиск. И когда, казалось, Козин не выдержит, удалось все-таки напасть на след «нарушителей». В глухом, заброшенном хуторе войсковые наряды блокировали и взяли «диверсантов».

Сегодня, бывая в частях и подразделениях, нередко видишь, как примитивно проходят занятия по тактической подготовке внутренних войск. Командиры чего-то боятся, жалеют подчиненных: как же — скоро на службу... Но ведь и мы в то, уже далекое, время несли боевую службу, причем в гораздо более худших условиях. Думаю, все дело в личном отношении командира к боевой подготовке, в понимании ее воспитательных функций, ответственности руководителя за качественное обучение солдат, сержантов и офицеров. Многим сегодня такой ответственности, попросту говоря, не хватает.

Шаварин не мыслил обучения без соревнования, соперничества. Но не любил и славословий по этому поводу. Все делалось просто: соревновались не только военнослужащие, но и отделения, взводы, роты, батальоны. Вручались переходящие призы. Такие призы учреждались по многим предметам обучения. Поощрять отли-

чившихся деньгами было не принято, ценными подарками — да. Вручал их Шаварин лично, по возможности выезжая для этого в отдаленные подразделения, что, безусловно, поднимало авторитет соревнования. Он очень уважал командиров, которые, как говорится, душу и сердце вкладывали в боевую подготовку.

ГРИГОРИЙ Михайлович отлично понимал, что успех деятельности любого офицера или военнослужащего сверхсрочной службы зависит от его образа жизни, бытовой устроенности, от мира и согласия в семье. Но времена были нелегкие, не хватало жилья, труда стоило немало устроить ребенка в детсад, ясли. Командир полка делал все возможное, чтобы помочь людям. Однажды на служебном совещании не без юмора заметил, что собрать офицеров по тревоге все равно что кричать «караул» в поле, где никого нет поблизости. И верно! Жилье наше было разбросано бог весть за какие километры... И командир полка задумал собрать офицерские семьи поближе к штабу. Его, ответственного за боеготовность полка, понять было можно. Немало пришлось Шаварину преодолеть самых непредвиденных барьеров, чтобы воплотить в реальность свой замысел — построить собственными силами дроботный многоквартирный дом тут же, в поселке, где дислоцировалась часть. Все, кому улыбнулось счастье рассчитывать на ключ от квартиры, трудились во внеурочное время с энтузиазмом. Вселение вылилось в настоящий праздник...

По нынешним меркам у нашего командира была большая семья — четверо детей. Один сын, Геннадий, стал инженером, другой, Александр, по окончании университета — социологом, дочь Раиса преподает в педучилище, а ее сестра Таня — инженер-технолог на одном из предприятий в том самом городе, где проходила служба ее отца. Как успевал Григорий Михайлович, отдавая себя делу, воспитывать детей? Конечно, огромная нагрузка ложилась на плечи его верной боевой подруги Надежды Ивановны. «Пока служил, — вспоминает она в письме, — очень мало времени у него оставалось для нас. Придет домой, а детки ждут его... Очень любил их и радовался, когда у них все было ладно».

3 А ОКНОМ полночь. В такое время всегда думается глубже, пронзительнее. Рассматривая старые фотографии, будто пристально вглядываешься в минувшее. Рядом письма от бывших сослуживцев. Из разных мест, от разных людей. А пишу об одном и том же, вспоминают одни и те же события. Видать, накрепко осело в сердце то хорошее, что остается от встреч с такими людьми, как Шаварин. Уйдя от нас, они оставляют не только добрые воспоминания о себе, но и передают эстафету негасимой преданности воинскому долгу, выполнять который нам суждено так же, как они. Честно.

Полковник Г. МАСЛЕННИКОВ.

ПО НЕКОНЕЧНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ

1

ПОМНЮ ДАВНЮЮ БЕСЕДУ с тогда еще майором Анатолием Николаевичем Хаустовым. Часть, где он возглавлял службу тыла, удивляла темпами развития своего хозяйства, и войсковая газета решила сделать об этом материал. До встречи с героем будущей корреспонденции у меня в блокноте уже были готовы начальные строки. Что-то вроде этих: «Красноречивее всего о деятельности служб тыла говорят цифры. На одного довольствующегося здесь получено...»

Хаустов сидел за столом, недовольно черкал лежащую перед ним областную газету.

— Вот ведь что ваш брат пишет, — сказал он сразу после приветствия. — Надо же такое придумать! О председателе колхоза очерк задуман, о человеке, у которого забот и проблем от пят по макушку, а начинается он как? «Ярче всего деятельность хозяйственника характеризуют цифры, которых достигли здесь...» Цифры характеризуют! Да они, мне кажется, на последнем месте быть должны. Так, нет?

Я спешно убрал со стола блокнот со своей заготовленной фразой, промямлил что-то согласное с высказываниями Хаустова, но кое в чем все же попробовал отстоять позиции рассердившего майора журналиста. Да и свои: не все, мол, показатели объективны, это так, и если уж основываться на каких-то результатах, то — на конечных...

— Конечные — это те, которые в конце года? — перебил меня Анатолий Николаевич. — В таком случае я могу в декабре на все войска прогrometer: сдать мяса столько, сколько никому не снилось. Как добиться этого? Да очень просто: все под нож пустить... Есть в природе, если не знаете, бабочка-однодневка. К утру следующего после рождения дня для нее наступает конечный итог. А нам — жить и все время о дне завтрашнем думать. И цифры перед глазами держать для анализа, а не для рапортов и отчетностей. Сами по себе они ничего и никогда не характеризуют, так что давайте в сегодняшней беседе без них попробуем обойтись, а?

Он начал говорить о наболевшем. О проблемах и предложениях, которые выглядели тогда по меньшей мере неожиданно и смело. К примеру, почему и для чего мы называем хозяйства прикухонными, хотя каждый, даже неспециалист, знает, что за счет отходов от кухни развигать свиноводство, а тем более молочное животноводство, птицеводство просто невозможно? Менять надо не только название, но и статус, поднять авторитет хозяйственников, дать им более широкие полномочия, сде-

Полковник А. Хаустов.

Фото старшего прапорщика
Н. Белоненко.

вать так, чтобы часть была в экономическом плане более заинтересована не только в увеличении производства продукции, но и в его рентабельности.

— Вот мне иногда говорят: и без вас, мол, Анатолий Николаевич, наверху решат, что и как надо делать. А я думаю: не решат. Без наших подсказок, без нашей общей заинтересованности — не решат. А если бы даже и так, то все равно не могу я сидеть и ждать готового, не учили меня этому. Ведь видно же, что назрели проблемы...

О том, кто и как учил Хаустова жизни, пойдет рассказ ниже, а пока я вновь вспоминаю тот давний разговор, его слова:

— Вы можете написать, что у нас не прикухонное, а подсобное хозяйство? Это точнее суть отражает.

Произошел этот разговор до майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, принявшего Продовольственную программу и давшего более широкую возможность развития подсобных хозяйств. Так в газете и было напечатано: подсобное. Правда, согласились тогда с этим словом далеко не все. Один из оппонентов назвал предложение Хаустова самодеятельностью и вообще выразился в том смысле, что лучше бы зам по тылу не эксперементировал — сложно так будет жить...

Сложно, соглашается сейчас полковник А. Хаустов. Шишек набито — не сосчитать. И улыбается: не будь первых разрядов по шести видам спорта — не справился бы со своими обязанностями. Перечисляет и сопоставляет: по боксу — реакцию и маневр выработал; по лыжам — скорость, естественно; по тяжелой атлетике — вон какой махиной, каким хозяйством ворочать приходится...

А я смотрю на его наградные колодки. Совсем недавно к ним добавилась новая: орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» награжден Анатолий Николаевич. Это уже его второй такой орден за успехи в ратном деле. Или кто-то скажет, что служба тыла — служба не ратная?

2

ОДИН ИЗ ПОДЧИНЕННЫХ полковника Хаустова, старший прапорщик В. Мисячук, вернувшись из Чернобыля, рассказал такую историю. Май восемьдесят шестого был необычно жарким, трава не выдерживала солнечных атак, сникала. Однако не от высоких температур шли по дорогам Зоны поливальные машины, сбивая водой с асфальта раскаленную пыль. И вот однажды к водителю — солдату этой части — подошла старушка: «Сынок, полей яблоньки в моем саду, не то пропадут». «Да зачем же лишнюю работу делать, бабушка, — ответил солдат, — плоды ведь все равно нельзя употреблять в пищу, радиоактивные они». «Да разве ж я о плодах? Я о дереве, оно ж живое. Вот умру, а оно будет стоять и рано или поздно даст моим внукам те яблоки, которые кушать можно. Полей, сынок!».

Наверняка слышал Анатолий Николаевич и другие чернобыльские истории, но вот особо запомнил эту. И не случайно, конечно: она, если хотите, философию его отражает. Хозяйственник не тот, который только плоды собирает, а тот, который и за деревом ухаживает, сам растит. Можно в совершенстве знать агрономическую науку, можно, имея в своем распоряжении технику, необходимый штат помощников, все же загубить дело, если видеть одно перед глазами: цифры, цифры, цифры. Из-за них землю химией так травят, что бесплодной она становится. Из-за них реки мелеют и загрязняются. Из-за них поля с созревшими помидорами распахиваются. И в более малых масштабах, в наших же подсобных хозяйствах, тоже нередко «дрова ломают» из-за сиюминутной выгоды, из-за клича «кровь из носа, но надо...»

Вроде бы простая истина: не человек создан для работы, а работа для человека. И успех приходит только тогда, когда она в радость. Даже в сердцах, даже в шутку не скажет Хаустов: надоело, мол, все, поспокойней бы должность найти. Не скажет. Какие могут быть шутки, если его профессия — это его жизнь.

В кабинете его застать сложно. Я неоднократно наблюдал, как подписывает он приносимые ему бумаги на хоздворе, как работает он вилами. Пишу об этом не потому, что отрицаю кабинетный стиль руко-

водства, и не потому, что вроде бы выгодная фактура подворачивается — гляди ж ты, полковник, а не чурается грязной работы, — а потому, что такой он, Хаустов, без прикрас. Не играет он ни перед кем, когда надевает рабочий халат, и никогда не скажет, что, мол, хочу личным примером людей к труду приучать... Просто лежит душа к крестьянскому труду.

Настала пора сказать об учителях Хаустова. Первый, безусловно, дед (Анатолий Николаевич вырос без отца, тот погиб летом сорок первого, в первых боях с фашистами). Кавалер четырех Георгиев, участник четырех войн: с японцами, первой мировой, гражданской, с белофиннами. Потомственный донской казак, хлебороб. Выйдет, бывало, с внуком в поле, кругом раздолье, травы цветут, чебрец периной стелется, ковыль гнется, словно подбежать к нему приглашает, а дед только по узенькой тропинке идет, ни шагу в сторону с нее: «Зачем земле беду делать, зачем живое топтать?» — «А для чего цветы в степи нужны, деда?» — «Без них, внук, и хлеб пресным будет».

Вот такими были они, первые уроки. И вывод из них несколько, может быть, неожиданный, уж во всяком случае непривычный сделал для себя Анатолий Николаевич. Неверно говорят, что козь есть хлеб, то будет и песня. Песня — первична, без нее, без души, человек никогда полновесный колос не вырастит. И если уж какую науку и надо закладывать человеку для того, чтобы «пахал» он на совесть, то это науку любви к земле. Конкретно как это понимать? Что ж, можно и на конкретном остановиться. Содержит полковник Хаустов в хозяйственном городке фазанов, цесарок, курочек декоративных, голубей породистых. Все несутся, приплод дают. По-разному к этому отнестись можно. Чужачество — скажут одни, а другие и более жестко выразятся: бесхозяйственность, от лишнего десятка несущек польза больше была бы...

Давайте порассуждаем о ней, о пользе. Начнем с того, что лишний десяток несущек этому подсобному хозяйству и не нужен. Построена в части птицефабрика наподобие той, о которой рассказывал наш журнал в № 9 за 1987 год, так что нужды в яйце удовлетворяются полностью (мало того, и в соседние части продукция эта скоро пойдет). Что — свинью еще одну держать? Так и свиньи хватает, ежедневно сверх плана ее здесь получают. А если говорить о мясе вообще, то на одного довольствующегося его произведено по 31,2 килограмма.

Слышу ехидненный голос еще одного оппонента: а может, они с жиру бесятся там?

Полковник Хаустов отвечает на это спокойно и убежденно, и отвечает, как часто бывает, вроде бы не по теме. Была в еженедельнике «Неделя» статья о директоре совхоза из Прибалтики. Хозяйство он принял жалкое, разоренное, рук не хватало. И начал хозяйствовать с того, что построил... фонтан, клуб, детские садики, клумбы в селе разбил. Сейчас в миллионеры вышел. Ясна мораль? Не надо ничего расшифровывать?

Не надо говорить, почему так много цветов на клумбах военных городков этой части, почему так аккуратно подстрижены здесь кустарники, почему необычные, с шарообразными кронами, деревья стоят у казарм?

Совсем не полный вывод из вышесказанного: потому-то и добровольных помощников у хозяйственников части хватает. В том смысле, что с радостью готовы солдаты даже вместо увольнения (без всякой натяжки говорю это) на своем подсобном поработать. Руки здесь нужны, но понимает Хаустов, что не выход это — лишь на добровольцах да энтузиазме дело вести.

И еще об учителе.

Прошлым летом ездил Анатолий Николаевич к майору запаса Василию Ивановичу Тагильцеву, первому своему командиру, фронтовику. Показал тот гору писем от сослуживцев, бывших подчиненных: с днем рождения его ныне поздравили. «Помнят вот. Не зря, значит, жил». Помнят, убеждать умел майор Тагильцев. Никогда ни на кого голос не повысил, все его с полуслова понимали. Почему? Да потому, что даже полуслово это всегда было правдивым, честным, искренним. Командир в каждом из своих солдат верил, что они, может быть, даже лучше, чем были на самом деле, а вера — она всегда окрыляет.

Вот и Хаустов: как ни выпытывай — нет у него нерадивых подчиненных, а лучших перечисляет, так все у него лучшие, никого не пропустит...

Нередко бывает так: начинает иной зам по тылу о деятельности своей рассказывать и обязательно вставит: учтите, мол, что почти с нуля начал, предшественник мой не больно хозяйственным был. Хаустов своего предшественника, тогда майора Виктора Григорьевича Коваленко (впоследствии стал Коваленко полковником), учителем считает, хотя служил вместе с ним считанные дни. Первую встречу помнит, на хоздворе она состоялась. «Хозяйство принимать приехали? Извините, поздороваться не могу, видите, руки в грязи...» Уже приказ пришел через два дня выезжать Коваленко к новому месту службы, а он все свинарник новый достраивает, забор ремонтирует... Уже поезд через три часа уходить должен, а он со строителями по поводу теплоцентрали спор затеял: не так они что-то делают. Едва домой успел заскочить — и на вокзал...

— Ну, в этом, наверное, вы немножко присочинили, — недоверчиво говорю Хаустову.

Тот улыбается:

— Может быть, самую малость. Но в принципе — все верно: человек делом жил, а не бумагами, ежедневно до конца выкладывался. Сейчас многовато, по-моему, о служебных нагрузках говорят... А он сам себя нагружал и огромную ответственность за свое дело чувствовал. Предан был делу, понимаете? А когда предан, то чего же взвешивать, много или мало у тебя обязанностей?!

Хаустов не взвешивает. Но, предвидя его знакомую фразу: «Да что вы все обо мне, мы впереди, потому что у нас все люди золотые! Все и каждый!» — поговорим вот о чем.

ЗОЛОТЫЕ — это знаете, кто в первую очередь, по мнению Анатолия Николаевича? А те, кто ему «шишки ставил». Командование — вот кто. Есть ему дело до забот заместителя командира части по тылу, вроде бы узких, чисто профессиональных. Тыловые вопросы, и в частности, вопросы развития подсобного хозяйства часто в повестку дня партийных собраний, заслушиваний вносят и спрашивают: будь здоров, но ведь это-то как раз и хорошо! Там, где спрос, контроль да понимание — всегда легче. Нет в армии скотников, дояров, свинаяр — есть солдаты. Надо с ними занятия проводить, надо воспитывать, надо в общественную работу вовлекать? Надо поразмыслить, какой мощности птицефабрику делать, сколько бычков закупить, в какой роте свинарник расширить? Если б здесь все вопросы в стройматериалы да наличие кормов упирались, их бы и силами службы решили. Но кто будет ухаживать за скотом, кто наладит новую технику, не останется ли откормочная группа без пригляда? Думают, ломают головы все. И, как правило, находят правильные решения.

Но выработка стратегии — это, конечно, полдела, нужно еще грамотно осуществлять планы на практике. Грамотно, в понятии Хаустова, это совсем не значит ждать указаний и слепо им следовать. Право на эксперимент, даже на риск оставляется за каждым. Не будь его, вряд ли бы в роте, которой командует майор С. Гудзь, получили мяса по... 98,4 килограмма на одного довольствующегося. Сами себя обеспечивают здесь и молочными продуктами, и зеленью. Напрашивается вопрос: а нет ли в этом деле перекоса, не слишком ли много сил затрачивается в роте на подсобное хозяйство, не отражается ли это на служебных делах? Отражается. Но как! Рота уже который год отличная, нарушений дисциплины, неуставных взаимоотношений здесь нет, и попасть служить в этот коллектив у солдат считается престижным делом.

До поры до времени достижения этого коллектива рассматривались в части как уникальное явление, во всяком случае, не находилось смельчака, который мог бы бросить Гудзю вызов. Но вот молодой ротный капитан Г. Климишин строит автоматизированную теплицу, модернизирует свинарник, находит решение кормовой проблемы... Как знать, не перегонит ли он уже в ближайшие годы признанного лидера? Во всяком случае, имеет такие честолюбивые помыслы. И не он один.

(Не хотел в этой главе ни слова говорить о Хаустове, но придется. Придется потому, что видна школа хозяйственников нового поколения. Не спешите назвать мелочью, несущественными деталями то, что оборудованы в этих караулах уголки психологической разгрузки, где стоят аквариумы, журнальные столики, цветы, что тянутся вдоль плаца цветники, что даже в свинарнике вы не найдете паутины в самом дальнем углу. Им, хозяйственникам, труд

на подсобном — в радость, им «песня» первооснова).

Кого еще назвать хотелось бы? Начальника продовольственной службы майора В. Попитича. Трудяга, каких поискать, большой практик. Ветарача майора С. Кабанца, старших прапорщиков Б. Боруцкого, С. Кухара. Это во многом благодаря им подсобное хозяйство все увереннее переходит с экстенсивного на интенсивное направление развития. Чтоб было ясней: рост производства мясопродуктов опережает рост поголовья содержащихся животных. Увеличиваются надои в расчете на каждую корову, увеличивается средний сдаточный вес бычков (сейчас он около 450 килограммов), больше зелени дает каждый квадратный метр закрытого грунта, каждый гектар огородов. Доходы, поступающие на определенный счет от подсобного хозяйства, в десять раз больше, чем были пять лет назад.

Ну вот и до цифр дело дошло, а они, как говорит полковник Хаустов, в самом конце и должны стоять. Хорошие цифры, радостные. На них бы и завершить повествование, да нельзя. Возвращается все на круги своя, и недовольно хмурится Анатолий Николаевич, глядя на столбцы конечных результатов за прошедший год, которые он называет «неконечными». Цифры, опять говорит, для того, чтоб задумываться, а не в литавры бить. А дум ой-ой сколько!

4

В ОТ ЧТО ОН ИМЕЕТ В ВИДУ на сей раз. За счет чего развиваются подсобные хозяйства? За счет личного времени военнослужащих, так определено приказами. Приказы надо исполнять, а не обсуждать, все верно, но в ходе исполнения их хочешь не хочешь, а вопросы рож-

даются. Если взять распорядок дня, то сколько личного времени у воина набирается? Хватит его планово и эффективно вести агрозоотехнические работы? Да еще в таких объемах, которые позволили бы производить на одного довольствующегося плановые 20 кг мяса, 5 кг зелени. Злободневен такой вопрос и для политработника, и для офицера штаба, и для командира части... Так зачем же его замалчивать? Зачем радоваться, что планы, доведенные до подсобных хозяйств, выполняются и даже перевыполняются в основном за счет энтузиазма да нарушений того же распорядка дня?

Могут сказать, не сегодня, мол, такой разговор вести надо, но полковник Хаустов убежден: именно сегодня! Ибо нельзя рассматривать решение задач боевой службы в отрыве от задач социально-бытовых, культурных, это же та истина, которая в каждом учебнике записана! Пробовали ее на второй план ставить — страдали и люди, и дело. Так зачем же ошибки повторять?

— Почему бы не использовать нам оперативные начала? — говорит он. — К примеру, отдавать поросят на откорм в частный сектор (семьям офицеров, прапорщиков, служащих)? Так же поступить с рогатым скотом...

Полковник Хаустов берет лист бумаги, бегло пишет цифры — давно, видно, идеи эти вынашивает, — а я вспоминаю слова в его адрес, услышанные когда-то: сложно, мол, жить с таким характером.

Сложно. Но иначе Хаустов не может.

Капитан И. КОЗЛОВ.

*УВВ по Украинской ССР
и Молдавской ССР.*

«НОВИЧКАМ — ВНИМАНИЕ И ЗАБОТУ»

Под таким девизом у нас прошел слет молодых воинов. Накануне в подразделениях на каждого, кто только начинает служить, обсудили и утвердили характеристику. Комсомольские активисты позаботились о наглядной агитации.

Цветы и музыка создавали приподнятое настроение. И все же слет отличали прежде всего деловитость, нацеленность на успешное втягивание но-

вичков в службу. После чествования лучших состоялся непринужденный разговор о ратных буднях, о быте и воинской дисциплине, о трудностях, с которыми сталкиваются недавно влившиеся в воинский коллектив солдаты. Собравшиеся, а среди них были и родители солдат, задали много вопросов, на которые тут же ответили члены специально созданной из офицеров управления части рабочей группы.

Деловой и откровенный обмен мнениями позволил высветить имеющиеся проблемы и наметить пути их разрешения.

А еще был концерт, в котором приняли участие студенты института культуры. С хорошим настроением покидали клуб новички: они — в центре внимания. Разве можно при таком отношении плохо служить!!

Капитан В. ФЕДОРОВ.

ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ

УСПЕХА ОТБЛАЕСК
НЕЗАЕМНЫЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К НАГРАДЕ ЦК ВЛКСМ

Многим запомнился тот день, когда за первое место в смотре-конкурсе физической подготовки и спортивно-массовой работы среди частей внутренних войск вручали кубок ЦК ВЛКСМ — большую хрустальную вазу. Происходило это на центральном стадионе города в присутствии второго секретаря областного комитета ЛКСМУ Валерия Колюша. Большой спортивный праздник начался кроссом на 1 километр. Затем прошла эстафета 4×100 метров. Атлеты соревновались в поднятии тяжестей. Их сменили футболисты четырех команд, а рядом повели спор волейболисты. Сильнейшие борцы продемонстрировали свое мастерство в показательных выступлениях. Как и на любых соревнованиях, победителей ждали грамоты. Праздник понравился и воинам, и прибывшим на торжества шефам.

Награду комсомола мы восприняли как стимул для дальнейшего совершенствования спортивного мастерства. Большой хрустальной вазе, которая отныне навечно остается в наших стенах, определили почетное место в комнате истории и боевой славы части.

Делясь своей радостью, принимая поздравления, довелось вместе с тем услышать и такое: мол, сверкает-то кубок в основном «заемными» гранями. Дескать, собрали у себя уже подготовленных спортсменов, создали им условия для выступлений — и готов результат, получай приз.

Откровенно скажу: стало не по себе. Обидно. Вспомнилось, как трудно шли к этому дню. Ведь далеко не просто было осуществить задуманное. Предшествовала торжествам, конечно же, кропотливая работа, и не только командиров, политработников, партийной организации, но и, разумеется, комсомольской. То, что это не просто слова, свидетельствует, например, опыт работы бюро ВЛКСМ роты, где секретарем сержант Виктор Смирнов.

Еще буквально год-полтора назад результаты воинов этого подразделения в физической подготовке были по сравнению с другими ротами далеко не луч-

шими. По отдельным же нормативам — прямо-таки ниже среднего.

Новое бюро ВЛКСМ горячо взялось за дело. Активисты понимали, что физическое совершенство — весомое подспорье в выполнении служебно-боевых задач. На очередное заседание бюро ВЛКСМ пригласили всех сержантов роты, начальника физической подготовки и спорта части капитана Н. Барабаша. Деловой получился разговор. Немало почерпнули комсомольцы из него для себя и своей работы. Вопрос вынесли на ближайшее комсомольское собрание. Постарались, чтобы каждый мог внести деловое предложение. Не обошлось и без горячей дискуссии, ведь нашлись и такие, кто говорил, зачем все это нужно, к чему высовываться и т. п. Но большинство проголосовало «за»: за спорт, за повышенные результаты.

Лед тронулся, что было уже неплохо для начала. Затем разобрали «по косточкам» тех, кто уваливал от утренней физической зарядки. Предметнее стало работать и отвечающий за этот сектор в бюро ВЛКСМ заместитель секретаря старший сержант Альви Басаев. Он подсказывал менее опытным младшим командирам, как интенсивнее вести тренировки на гимнастических снарядах, сделать так, чтобы не стояли все, когда один выполнял упражнение.

Повернулись лицом к спортивно-массовой работе и другие члены бюро ВЛКСМ, например, рядовые Петр Цветков, Александр Назаренко. Повысили требовательность к себе и подчиненным входящие в комсомольский орган лейтенанты И. Доин, В. Глеба.

На заседании бюро ВЛКСМ за низкую требовательность к подчиненным и слабую личную примерность был заслушан комсомолец сержант Игорь Горбач. Неоднократно активисты беседовали с рядовым Багандиком Саидулаевым, который хронически «хромал» по физической подготовке. Они давали ему индивидуальные задания, определяли сроки выполнения поручений, закрепили за ним наставника — члена бюро ВЛКСМ А. Назаренко.

Разумеется, были в роте ребята, при-

шедшие на службу разрядниками, но таких единицы. В достигнутых ротой результатах есть частица их труда. Но прежде всего это заслуга все же тех, кому они помогали, кому пришлось изрядно попотеть, сбрасывая лишние килограммы и накачивая мышцы, вырабатывая ловкость и выносливость. Об этом могут сегодня подробно рассказать, например, рядовые Болат Жубикунов и Виталий Гросул, Олег Бахышев и Дулат Айтжанов, а с ними многие другие.

Работа командиров отделений, товарищеская взаимопомощь, острое слово ротной сатирической «Колючки» — сейчас и не скажешь, что больше воздействовало на самолюбие, заставляло отстающих проявлять характер.

Бюро ВЛКСМ провело тематический вечер «Воспитай себя физически», организовало просмотр документальных и учебных фильмов. Широко обсудили во взводах статью неоднократного чемпиона мира по тяжелой атлетике Юрия Власова в журнале «Физкультура и спорт».

Многих ребят привлекала и возможность занять красивую атлетическую фигуру, проверить по-настоящему и свои возможности. Легко бежать марш-бросок, взбираться на крутую высоту в ходе тактических занятий, уверенно выполнять упражнение на гимнастических снарядах или по крайней мере так, чтобы за спиной не слышалось обидное «тюфяк», — кто этого не желает?!

Не осталась в стороне и партийная организация, возглавляемая старшим прапорщиком Валерием Говжеевым. Проблемы физического совершенствования коммунисты обсудили на открытом собрании. Решили в сжатые сроки усовершенствовать казарменную материальную базу. Раскачали шефов, чтобы оказали помощь в приобретении тех же дефицитных гирь. Теперь их в спортивном уголке вместо одной — три. Получили на складе современный тренажер и установили в спортзале. Переоборудовали места для занятий спортом в казарменных помещениях.

Надо сказать, что не только в этом подразделении, но и в соседних проходят два раза в неделю физкультурные тренажи, и воины дружно отмечают, что даже малое время, отведенное для игры в мяч, силовых тренировок, снимает напряжение службы, дает заряд бодрости.

Полюбили физическую подготовку и спорт наши воины. Молодежь втянулась в занятия настолько, что они прочно вошли и в ее досуг. Редкий выходной обходится без военизированной эстафеты, волейбола, футбола.

Не забываем и про шефские связи, военно-патриотическое воспитание молодежи. В комнате истории и боевой славы части можно увидеть футбольный мяч с автографами игроков «Днепра» — победителя прошлогоднего чемпионата СССР. Юные динамовцы горо-

да — частые гости в казармах, на игровых площадках. Да и командиров подразделений увидишь теперь не только выступающими с докладами на собраниях, а и среди активных участников состязаний, судей в поле. Понимают они, что и в этом залог качественной отработки планов боевой подготовки. Не одними кроссами, как это было раньше, увлекаются в ротах, а проводят настоящие спортивные праздники. Солдаты и сержанты обеспечены спортивной формой, хорошим инвентарем. На состязаниях звучат бодрящие ритмы музыки, трепещут на ветру флаги, призеров ждут грамоты комсомольской организации.

А результаты? Они говорят сами за себя. Каждый третий военнослужащий в части — значкист ВСК, каждый второй — спортсмен-разрядник. Например, рядовой В. Исельбаев до службы в армии вряд ли думал, что станет таким метким стрелком. Но еще с учебных сборов стали замечать его настойчивость и старание в изучении стрелкового дела. Вскоре способный солдат попал в сборную команду части. Доверили ему защищать честь коллектива, и он выполнил норматив кандидата в мастера спорта на соревнованиях областного совета «Динамо». Разрядником в стрельбе из автомата стал ефрейтор Вадим Резниченко, а ефрейтор Дмитрий Полторацк отличается особой меткостью в выполнении упражнения из ПМ. Заслуживают внимания и успехи легкоатлетов рядовых Х. Меликова, Д. Осланова, сержанта Г. Гайдукова, ефрейтора С. Паначенного и многих других. Наш воинский коллектив называют кузницей спортивных кадров.

Что же касается «заемного» блеска кубковых граней, то, думается, в такой постановке разговор не верен. Да, у нас усовершенствовали физические навыки многие. Гордость части — мастер спорта международного класса по академической гребле, чемпион мира 1986 года, член сборной СССР старший лейтенант В. Омелянович; мастер спорта по пулевой стрельбе, чемпион Европы 1985 года рядовой В. Бауськов; неоднократный чемпион внутренних войск по Украинской ССР и Молдавской ССР прапорщик В. Гавриленко; кандидат в мастера спорта СССР по стрельбе чемпион войск прапорщик А. Забуга. Они часто выступают перед личным составом, рассказывают о своих достижениях, советуют молодым сослуживцам, с чего начать, шагая в большой спорт.

Словом, каждая грань награды ЦК ВЛКСМ высвечивает частичку труда и упорства тех, кто работал над собой, стремился к высоким результатам и добился поставленной цели.

Старший лейтенант Е. СКРЫННИКОВ,
помощник начальника политотдела
части по комсомольской работе.
**УВВ по Украинской ССР
и Молдавской ССР.**

ИНИЦИАТИВА ТРЕБУЕТ ПРОСТОРА

В юбилейный для комсомола год наша часть выступила инициатором социалистического соревнования во внутренних войсках. Комсомольская организация повела борьбу за право быть коллективу удостоенным почетного наименования «Имени 70-летия ВЛКСМ».

Конечно, каждый на моем месте прежде всего задумался бы: что сделать, чтобы первичные комсомольские организации части заработали боевитей, стали активнее помогать командирам подразделений, партийным организациям в решении возложенных на личный состав задач. С этого начал и я. Беседую с людьми, с недавно избранным активом и вижу: подавляющее большинство солдат и сержантов не успели поработать до службы и о социалистическом соревновании представления практически не имеют. Разговариваю с командирами, политработниками, людьми опытными и слышу, что в соревновании еще немало формализма, пустословия, что зачастую оно существенно не влияет на повышение качества боевой и политической подготовки, на поддержание уставного порядка.

Так что же сделать, чтобы счистить ржавчину формализма и при этом, борясь за желанный результат, не скомпрометировать идею социалистического соревнования в глазах комсомольцев, всех молодых воинов!

Этот вопрос неоднократно рассматривался и в политическом отделе, но ясности здесь нет до конца и сегодня.

Взять, к примеру, роту, где молодежным вожаком ефрейтор Игорь Муха. Именно этот коллектив добился стабильно высоких результатов на боевой службе, в ходе отработки учебных программ. Но взгляните в ленинские тетради воинов, где оформлены их социалистические обязательства.

Вот хотя бы личный комплексный план рядового М. Амиргалиева. «Выполняя решения XXVII съезда КПСС, включившись в социалистическое соревнование, — значит в нем, — обязуюсь выполнить социалистические обязательства (далее следуют все предметы обучения). Принять активное участие в движении «Боевой службе — жар комсомольских сердец!». Изучить и законспектировать (идет пере-

числение рекомендованных планом шести ленинских произведений). Принимать участие в общественной жизни подразделения. Постоянно работать над повышением идейного и культурного уровня, быть активным читателем солдатской библиотеки, прочитать (идет перечисление повестей, романов советских и зарубежных авторов). Борьба с проявлениями чуждой буржуазной идеологии, пьянством, потребительским отношением к службе» и т. д.

Зачем я так подробно цитирую? Да затем, что политработнику роты старшему лейтенанту А. Гоку и, к сожалению, не только ему, а и людям, занимающим куда более высокие должности, кажется, что рядовой Амиргалиев без всего этого набора общих фраз, вовсе не относящихся к соревнованию, не сможет проявить себя в нем. В той же тетради солдата можно увидеть рядом с личным комплексным планом и «Клятвенное заверение военнослужащего части — инициатора социалистического соревнования во внутренних войсках МВД СССР», и «Памятку военнослужащему — инициатору социалистического соревнования», выполненные уже типографским способом.

А проклянется ли молодежная инициатива через все эти обязанности и торжественные обещания, если мы сами сверху расписываем до мелочей всю солдатскую жизнь! Откуда взяться простору для инициативы «низов»? Комсомольцам нужно больше давать самостоятельности, побольше доверять.

Обо всем, конечно, не расскажешь, но некоторые примеры в подтверждение своим словам приведу. В той же роте, где молодежным вожаком Игорь Муха, так получилось, что никто из офицеров и прапорщиков не касался вопроса доставки личного состава к месту службы. А вот комсомольцы сразу подметили, что в жаркое время они нередко полтора часа едут в автобусе, а в промозглое и сырое — на грузовике не с самым лучшим тентом да еще и в придачу загруженным попутно стройматериалом, хозяйственным имуществом. Бюро ВЛКСМ обратилось к командиру части и с просьбой об установке кондиционера в караульном помещении: ведь службу приходится нести, когда ртутный столбик термометра переваливает за отметку плюс 40.

Все это свидетельства заботы комсомольских активистов об условиях службы своей и товарищей, но можно рассказать и о другом.

Подводя итоги очередного месяца учебы, командир роты отметил, что следует приналечь на огневую, физическую подготовку. Бюро ВЛКСМ на одно из своих заседаний пригласило сержантов. Решали сообща: как беречь дорогое учебное время? Где искать резервы?

К этому времени в каждом взводе, отделении была уже неплохо налажена взаимопомощь между комсомольцами. Как правило, за каждым передовиком закреплен отстающий или молодой воин. Регулярно заслушивались на бюро ВЛКСМ младшие командиры, группкомсорги тех взводов, где дела шли хуже.

Относительно огневой подготовки комсомольцы предложили, чтобы на огневой рубеж впредь выходили только соревнующиеся между собой отделения. Что касается физической, то здесь отставание особенно проявилось в беговых дисциплинах. Подумав, активисты попросили командира: а нельзя ли использовать для физтренажей, тренировок городской стадион «Спартак», как правило, пустующий по утрам. А когда им пошли навстречу, постарались обставить каждый выход на гаревую дорожку поспражничней: это коснулось и наглядного оформления занятий, и музыкального сопровождения, и награждения победителей.

А как не остановиться на таком существенном предложении, высказанном на делегатском комсомольском собрании части рядовым Ю. Яковлевым — одним из лучших часовых роты, награжденным знаком «За отличие в службе» II степени. Дело в том, что в один из отдаленных караулов, расположенных к тому же в гористой местности, личный состав выезжал с таким расчетом, чтобы смена и возвращение старого караула прошли засветло. Весной, летом, ранней осенью, когда световой день велик, изменение времени смены караула давало возможность половине взвода еще целых пять часов с утра заниматься боевой подготовкой. Присутствовавший на том собрании командир части взял это предложение на заметку, и действительно вскоре были внесены необходимые изменения.

Или другой факт. Младший сержант А. Гурбанов оказался случайным человеком среди младших командиров. Он тяготился исполнением своих обязанностей. Неоднократные его заслушивания на бюро убедили комсомольских активистов в необходимости обратиться к командиру роты с просьбой ходатайствовать о снятии Гурбанова с этой должности. И опять к голосу активистов прислушалось командование.

Год большой, и можно бы многое рассказать о делах бюро ВЛКСМ, о кружке «Наш Ленинский комсомол», руководимом прапорщиком Ю. Постниковым. Ведь в первую очередь благодаря его хорошей работе были приняты в ряды ВЛКСМ рядовой В. Серицан, сержант И. Савкив, рядовой О. Прохоров, ефрейторы А. Упитис и А. Ампукаев. Или как не отметить стремление старшего лейтенанта Э. Ягузова организовать ротный дискуссионный клуб. Пусть не на все хватило собственных сил, но по крайней мере разговор о «белых пятнах» нашей истории 30-х годов, о судьбе выдающихся полководцев М. Тухачевского, И. Якира, бесспорно, удался. И это прозвучало в ответах солдат и сержантов на итоговых занятиях по политподготовке.

И все же, говоря о социалистическом соревновании, я просто обязан сказать о другом. А соответствует ли оно у нас тому ленинскому образцу, который базируется на принципах гласности, сравнимости результатов, возможности повторения передового опыта!

Если с передачей опыта достаточно ясно, то с гласностью и особенно сравнимостью результатов, думаю, не все се-

годня благополучно. В прошлогоднем мартовском номере журнала «На боевом посту» шла речь о том, какой быть наглядной агитации, что и как разместить в ленинской комнате, других помещениях. Ну, а так как люди военные фразы руководящих товарищей «мы советуем», «мы рекомендуем», «нецелесообразно» читают как «мы приказываем», многие стенды, посвященные соперничеству, оказались своего рода изгнанниками. Вот и в роте, о которой шла речь, «Экран выполнения социалистических обязательств» очутился в самом дальнем и не очень-то освещенном торце казармы. Не знаю, может быть, где-то, как указывалось в статье, никто и не заглядывает в такие экраны, но не у инициаторов же социалистического соревнования?! И тем не менее сошлись в одном углу и экран с местами отделений, и уголок передового опыта, и фотографии отличников и лучших отделений, и завоеванные в предыдущие годы кубки и вымпелы...

Наверное, это неправильно. Должны быть ярко видны каждому оценки, достигнутые в соревновании не только в прошедшем месяце, но и за каждую неделю, каждую стрельбу, и количество преодоленных километров, выполненных упражнений на перекладине. Я уже не говорю о ведомости учета боевых задач, выполненных в караулах, войсковых нарядах с оценкой «отлично». На этом хочется остановиться подробнее.

Наш командир части, делегат XIX партийной конференции, неоднократно подчеркивал, что соединить личные интересы человека с общественными значит разбудить все его творческие силы, способности, сделать быстрый и широкий шаг вперед в любом деле. Вот и с тем же награждением за 100, 150, 200 и т. д. выполненных служебно-боевых задач на отлично. Есть у нас бланки, которые подписывает командир части. В каждом четко определяется: какая награда ожидает несущего боевую службу. За 100 отличных караулов — нагрудный знак «За отличие в службе» II степени; за 150 — благодарственное письмо на Родину; за 200 — краткосрочный отпуск... Разумеется, такая «привязка» не догма, но по крайней мере человек заранее знает, что он получит, если будет трудиться стабильно на отлично, и чего лишит себя из-за лениности, недисциплинированности, ротозейства. Но вот в последнее время все чаще к нам стали приходить бланки иного образца из управления войск. Их подписывает уже не командир части, а командир роты и секретарь бюро ВЛКСМ. С одной стороны, вроде бы и неплохо поднять авторитет комсомольской организации. Но с другой, вы сами понимаете, что о прежних поощрениях здесь уже и речи не идет. Не случайно и бланк-то называется «Памятное удостоверение». Но зачем она нужна такая новая, а по сути ничего не стоящая в глазах солдата памятность!

Старший лейтенант Ю. КЛИМОВ,
помощник начальника политотдела
части по комсомольской работе.
УВВ по Средней Азии и Казахстану.

ЧТОБЫ ВЫИГРАТЬ БОЙ

■ На занятиях в поле старший сержант В. Лоскутов с подчиненными.

■ Младший сержант Ф. Баранов и рядовой А. Соколов оборудуют окоп.

■ Капитан А. Крошкин, сержанты С. Ерышев и А. Смаль обеспечивают связь.

Халатность. Многолико и, к сожалению, удивительно живуче это постоянно напоминающее о себе уродливое порождение безответственности застойных лет. Сообщения об авариях и катастрофах, других происшествиях в разных концах страны обычно резюмируются теперь коротко и однозначно: халатность. И больше всего тревожит то, что слишком уж часто в последнее время наплевательское отношение к делу, нерадивость стали оплачиваться по самой высокой цене — человеческими жизнями. Недостатка в горьких тому примерах нет. События, о которых пойдет речь, из этого же трагического ряда.

ОНИ ЕХАЛИ к месту будущей службы. Поезд, пересекая пустыню, бесстрастно отстукивал на стыках рельс свою монотонную дорожную мелодию. За окнами переполненного призывниками вагона медленно текли километры однообразного унылого пейзажа, изредка оживляемого то тут, то там разбросанными кустами саксаула. Солнце взбиралось в зенит. Усиливающаяся жара, казалось, физической тяжестью придавливала состав к железнодорожному полотну, безжалостно оттягивая минуту встречи уставших за долгую дорогу новобранцев с грезившейся им спасительной прохладой на станции назначения. Постоянно хотелось пить. Теплая вода лишь на короткое время утоляла жажду...

Рассказывает ефрейтор В. Бардин, один из тех призывников, ныне секретарь комсомольской организации роты:

— Было нестерпимо душно. Многие ребята стояли в тамбуре, так как в вагоне мест для всех не хватало. Вентиляция не работала, к тому же и окна оказались закрытыми наглухо. Кто-то не выдержал — раздался звон разбитых стекол. Дышать стало немного легче...

Это было только начало испытаний, которые выпали в те дни конца июня — начала июля 1987 года на долю молодых солдат. Особенно трудно пришлось москвичам и ярославцам, впервые попавшим в столь жесткие климатические условия.

От железнодорожной станции еще несколько десятков километров добирались на автомобилях.

Маховик безответственности и неорганизованности, запущенный во время доставки призывников в часть, продолжал набирать обороты. Во второй половине дня 27 июня начался прием пополнения. Сразу следует оговориться, что гостеприимством по отношению к новичкам здесь не блеснули. Обедом их не накормили, так как никому в голову не пришло взять на контроль время прибытия команд и заранее поставить людей на довольствие. Спальные помещения не подготовили. Не предоставили отдых в тени, хотя бы кратковременный. Не обеспечили в достаточном количестве доброкачественной питьевой водой или чаем. А для утоления жажды и якобы в целях профилактики кишечных заболеваний прибывшим был предложен отвар верблюжьей колючки, которого, впрочем, тоже порой не хватало, да и не каждому непривычный напиток пришелся по вкусу.

И на этом фоне сразу же начались не один час длившиеся подстрижка личного состава, помыка людей в душе, получение обмундирования, котелков, фляжек. Все это сопровождалось множеством построений и происходило в основном под палящим солнцем. Столбик термометра тянулся к отметке $+50^{\circ}\text{C}$.

УРОКИ СУДЕБНОГО ДЕЛА

Ну что ж, может сказать кто-нибудь, со-
славшись на известную статью Устава внут-
ренней службы: «Военнослужащий обязан...
стойко переносить все тяготы и лишения
военной службы». Да, конечно, это так.
При условии, если тяготы и лишения не
нагнетаются искусственно. Апеллировать к
стойкости тоже надо разумно. Ведь в том
же уставе есть и другие статьи. В частно-
сти, статья 48, предписывающая команди-
рам (начальникам) сочетать высокую тре-
бовательность и принципиальность с посто-
янной заботой о людях, а также ста-
тья 363, где подчеркивается особое значе-
ние мероприятий по предупреждению в
жаркое время перегревания организма,
солнечных ожогов и тепловых ударов. И в
перечисленных уставных положениях нет
никакого противоречия. Люди-то были к
этим самым тяготам пока что непривычны,
и требовалась чуткая дозировка нагрузок,
чтобы обеспечить постепенную акклимати-
зацию призывников.

...Жара изнуряла. Некоторые солдаты
стали падать в обморок, с носовым крово-
течением обращаться в медпункт, откуда
после первой медицинской помощи снова
возвращались в строй.

Рядовой В. Безверхий старался казать-
ся веселым, подбадривал товарищей:

— Ничего, выдержим...

Как покажут дальнейшие события, он не
выдержит первым.

В последующие дни обращения за ме-
дицинской помощью участились. Тем не
менее это особенно не встревожило ко-
мандиров, медицинских работников. Во вся-
ком случае они даже не попытались при-
нять необходимые меры по предотвраще-
нию перегревания молодых солдат. Упова-
ли, очевидно, на то, что в прошлые годы
стояла не меньшая жара, но все обходи-
лось, посчитали происходящее естествен-
ным течением адаптации.

Занятия по боевой подготовке, начавшие-
ся буквально на второй день после при-
бытия призывников, проводились по рас-
писанию и распорядку дня, составленным
без учета особенностей климата. Многие
вопросы втягивания пополнения в ритм
армейской жизни были отданы на откуп
сержантам, в общем-то слабо подготов-
ленным к этой работе. Да что сержанты—
и офицеры не владели методикой органи-
зации тепловой адаптации, не имели ника-
ких медицинских рекомендаций на этот
счет. Как видим, халатность, равнодушие к
повседневным делам пронизали все поры
жизни в этой части.

30 июня во время физической зарядки
потерял сознание рядовой М. Кельмансон.
Число больных увеличивалось. Но только
в городской больнице, куда в тяжелом со-
стоянии отправили нескольких солдат, им
был поставлен вполне определенный диаг-
ноз: тепловое поражение и как следствие
его — обезвоживание организма. Рядовых
В. Безверхнего, М. Кельмансона, Д. Заха-
рова спасти не удалось...

МНЕ КАЖЕТСЯ, у читателей давно напра-
шивается вопрос: кто виноват? Ответить не-
просто. Ибо происшествие стало тем пере-
крестком, на котором сошлись нерадивость
и равнодушие одних, профессиональная

беспомощность других, самоустранение от
выполнения служебных обязанностей тре-
тьих... Плюс на все это наложилась пара-
лизованность ожиданием указаний сверху
тех, кто должен был руководить и первы-
ми, и вторыми, и третьими и контролиро-
вать их.

Разве можно сбросить со счетов вину
командира части подполковника Е. Кафма-
на и начальника политотдела подполковни-
ка А. Волкова, формально проверивших
готовность учебного пункта к приему и
обучению молодых солдат, не принявших
решительных мер к выявлению больных и
оказанию им своевременной помощи? А
может быть, не было безответственного
отношения к перевозке призывников со
стороны старших команд, особенно майо-
ра Н. Алимова? Или по всем правилам ор-
ганизовали медицинское обследование но-
вичков майоры Р. Сухов, М. Кухарчик, лей-
тенант В. Косухин, другие медработники?

Особая ответственность лежит на быв-
шем начальнике учебных сборов подпол-
ковнике П. Матюхе и его заместителе по
тылу майоре С. Скицунове, ныне уволен-
ных из войск. Против них было возбужде-
но уголовное дело. Некоторые офицеры
части считают, что эти должностные лица
в создавшейся ситуации оказались просто
«крайними». Не берусь высказывать проти-
воположное мнение. Суд объективно опре-
делит степень вины Матюхи и Скицунова.
Но уже сейчас ясно, что в первую очередь
именно их действия, а точнее, бездей-
ствие, меньше всего можно считать ней-
тральными по отношению к наступившим
последствиям. Поскольку прежде всего на
них была возложена ответственность за
организацию приема пополнения, обучение
молодых солдат, обеспечение всем необ-
ходимым.

Начальник учебных сборов с самого на-
чала должен был лично контролировать
складывающуюся обстановку. Однако в
момент прибытия призывников на учебном
пункте его не было. Решал свои личные
дела. Правда, с ведома командира части,
но вряд ли это прибавляет ему ответст-
венности. От Матюхи должна была исхо-
дить инициатива изменить распорядок дня
и расписание занятий с молодыми солда-
тами. Но тогда этого сделано не было.

Скицунову, как заместителю по тылу,
устав предписывал организацию водоснаб-
жения личного состава. Seriously этим на-
иважнейшим в условиях жаркого климата
делом он не занимался. Возведенный в
ранг панацеи от всех бед отвар верблюжь-
ей колючки заслонил собой все другие
возможности поддержания оптимального
питьевого режима.

Можно было бы продолжить этот пере-
чень больших и малых дел, от которых
устранились руководители. Только он ни-
чего не может добавить — их халатность
и так достигла превосходной степени.

Мне довелось присутствовать на первых
заседаниях военного трибунала. Как-то не
очень серьезно воспринимаются попытки
Матюхи и Скицунова аргументировать свою
непричастность к гибели солдат. Матюха:
«Никто из офицеров не докладывал мне
о состоянии здоровья личного состава, об
обеспечении людей водой». Только ли на-

до было надеяться на доклад? А где же личный контроль? Он, кажется, с офицера не снимается?

Скицунов: «Я не давал команду офицерам подразделений держать людей на солнце». Пожалуй. Но и не препятствовал. А это значит в дело глубоко не вникал. Словом, те же инерция, самоуспокоенность, расчеты на авось. Оторванность от личного состава, искусственно подогреваемая чувством дистанции, — питательная среда для халатности, обычно очень легко перешагивающей грань, за которой она становится преступной.

Кто-то скажет: «задним умом» мы все богаты. Но ведь не молоденькие лейтенанты были назначены руководить таким большим и специфическим воинским коллективом. Люди с академическим образованием, вроде бы умудренные житейским опытом.

Не было ответственности. А без нее и знания исчезают, и опыт приобретает совсем другой — как бы уйти от дела. Действительно, какой житейский опыт, если не сделан вывод из очевидного: люди падают в обморок, теряют сознание — надо что-то предпринимать. Срочно, сейчас же. Но никто ничего не видел.

КАКИЕ ЖЕ БЫЛИ сделаны выводы и извлечены уроки из случившегося?

По самому строгому счету наказаны виновные. И это справедливо. Халатность не может быть терпима в любых ее проявлениях, и уж тем более тогда, когда она влечет за собой людские жертвы. Но главная цель наказания в другом. Оно как бы предостережение: халатность не должна повториться. Мать рядового В. Безверхнего Екатерина Яковлевна сказала: «Мы понимаем, что сыновей наших уже не вернуть, и самое большое желание — пусть другие матери никогда не узнают горя, пережитого нами».

Новый командир части подполковник Ю. Семенов показал мне, какая работа была проведена по улучшению бытовых условий на учебном пункте. Обстановка здесь прошедшим летом существенно отличалась от той, в которой оказались призванные 1987 года.

Под постоянным контролем находились вопросы поддержания необходимого температурного и питьевого режима. За счет средств подсобного хозяйства было организовано регулярное приготовление чая. Преодолевая известные материальные затруднения, когда многое нужно было «доставать», просит у взаимодействующего органа, над местами построений личного состава все же сумели оборудовать солнцезащитные навесы. В сильную жару они оказались очень нужными.

В спальных помещениях, в столовой были установлены кондиционеры, приобретенные с помощью того же хозоргана. К сожалению, норм централизованного снабжения этими агрегатами подразделений, дислоцирующихся в местностях с сухим и жарким климатом, до сих пор не установлено, хотя речь об этом шла в соответствующем приказе начальника внутренних войск МВД СССР.

Это не единственная проблема, которую пока не удалось решить. Построенные лет пять назад так называемым хозспособом казармы, подсобные и прочие здания учебного пункта нуждаются в ремонте. А где взять средства, если ни на чем балансе военный городок не стоит? Приходится выкручиваться.

После того ЧП был продуман щадящий распорядок дня: для занятий отвели относительно прохладные утренние и вечерние часы. В работе с молодыми солдатами начали использовать научные рекомендации по ускоренной адаптации личного состава к жаркому климату. В них четко регламентирован процесс приспособления организма к жаре в сочетании с дозированной физической нагрузкой. Но к внедрению предлагаемых рекомендаций приступили робко, с оглядкой. Да и указания старших начальников были недвусмысленными: минимум занятий, никакой «военизации». Вот уж истине, обжегшись на молоке, стали дуть на воду. В итоге, ни для кого сегодня в части не секрет, что молодые солдаты, прошедшие учебные сборы летом, оказались слабо подготовленными к выполнению задач боевой службы, поздно начали самостоятельно заступать на посты, не приобрели прочных навыков владения оружием, не усвоили глубоко меры безопасности. Саморанение рядового Е. Левского во время чистки оружия — наглядное тому свидетельство. Так что поразмышлять здесь есть над чем.

И еще на одной проблеме следует заострить внимание. В решении коллеги МВД СССР, где были проанализированы причины чрезвычайного происшествия и определены меры по предупреждению подобных случаев, ясно прозвучала мысль о целесообразности призывать молодых солдат в районы с такими сложными климатическими условиями в сроки, наиболее благоприятные для их акклиматизации. Например, в апреле — мае. Однако весенний призыв 1988 года прибыл в часть опять в разгар лета.

Есть и неофициальные мнения на этот счет. В частности, почему бы не призывать в районы с жарким климатом молодежь из регионов со схожими климатическими условиями? Тогда гораздо легче пройдет адаптация молодых солдат, и они быстрее вступят в строй подразделений, выполняющих служебно-боевые задачи. Можно привести и другие соображения по данному поводу.

...НАПРОТИВ ШТАБА части разбит виноградник. Тоненькие лозы уже набирают рост. Земля ценит доброту человеческих рук. Пройдет год-другой, и она одарит тех, кто заботится о ней, налитыми жарким солнцем гроздьями. Неужели солдатская душа, подумалось мне, менее отзывчива на доброту и заботу. Возделай ее — и пожнешь щедрые плоды мужества, стойкости, верности воинскому долгу, любви и уважения к командирам. Разве это мало?

Майор А. КАРЕВ.

УВВ по Средней Азии и Казахстану.

УСНУЛ ЗА РУЛЕМ

СОБЫТИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ ВЫЯВИЛИ НЕ ТОЛЬКО ЛЮДЕЙ, ДЕЙСТВОВАВШИХ МУЖЕСТВЕННО И РЕШИТЕЛЬНО, НО И ТЕХ, КТО ПРЕСТУПИЛ ЧЕРТУ ЗАКОНА, ОКАЗАЛСЯ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ. ОДИН ИЗ НИХ — ВОЕННЫЙ ВОДИТЕЛЬ РЯДОВОЙ Д. БЕСЕНОВ.

Он сидел на обычном откидном стуле в небольшом зале клуба. Сколько раз за время службы приходил сюда. Но сегодня в клубе царит не торжественность праздничного собрания, не гомон в ожидании кинофильма. Суд идет. На скамье подсудимых — рядовой Бесенов. В одиночестве, с опущенной головой. Совсем недавно он был полноправным членом воинского коллектива, а через несколько часов его выведут из этого зала под стражей, а в книге вечерних проверок напротив его фамилии появится неопределенное — «выбыл».

Теперь не скоро вернется в отчий дом рядовой Бесенов. А потому, слушая приговор, не скрывали слез и сам солдат, и его родители, приехавшие на судебный процесс.

А вина солдата вот в чем. Находясь в рейсе, за рулем грузовой машины, Бесенов задремал. Лишь на какое-то время перестал владеть обстановкой. Но этого было достаточно на напряженной трассе. Машина из второго ряда резко переместилась в первый и ударила стоящие «Жигули», припечатав к автомобилю человека у багажника. От полученных травм тот через час скончался.

Суду предстояло не только разобраться в случившемся и наказать виновного, но и извлечь уроки из трагедии.

...Напряженная обстановка царила в те месяцы в Армении. События в Нагорном Карабахе и трагедия Сумгаита всколыхнули народ. Из сообщений средств массовой информации многие знают о событиях в аэропорту Звартноц. Немало волнений происходило и в других местах. Улицы и площади Еревана были подчас заполнены тысячами митингующих. Из-за забастовок пустовали рабочие места. Чтобы восстановить порядок в городе, были введены войска. Автомобили и бронетранспортеры нуждались в топливе. Заправка автотехники легла на подразделение, в котором и служил рядовой Бесенов. Кому доверить руль единственного бензозаправщика? — такую проблему при-

шлось решать офицерам роты. Многие прапорщики и солдаты тогда побаивались: на этой машине надо было выезжать каждый день, а обстановка накалилась настолько, что националистически настроенные элементы били и корежили военные машины, угрожали безопасности водителей. Бесенов понимал, что идет на риск, но согласился принять бензозаправщик.

И начались для него напряженные будни. Ежедневно приходилось выезжать за десятки километров от части, получать топливо и развозить его по точкам. Перерывов в работе было мало, ездить приходилось не только днем, но и ночью.

Так было и накануне того рокового дня. Бесенов выехал в восемь утра и до позднего вечера был за рулем. Потом долго возился с машиной. Уснул лишь в три часа ночи. Но вопреки установленному порядку не в казарме, а в кабине машины. Нарушил солдат уставное требование. И не он один. Закрыли глаза на нарушение и должностные лица подразделения и автопарка, коим вменено в обязанность контролировать личный состав. Впрочем, это было не единственное отступление от установленного порядка. Так, дежурный по автопарку в тот день не сделал даже отметки о возвращении бензозаправщика.

А утром рядового Бесенова снова снарядили в рейс. При этом никто — ни ответственный за снабжение автотехники топливом старший лейтенант А. Пастушенко, ни командир подразделения старший лейтенант В. Чигин, ни старший машины прапорщик С. Далибалтян не поинтересовались: имел ли солдат нормальный отдых, завтракал ли? Человек как бы отошел в этой обстановке на второй план.

Да, она была непростой. Но именно в пору наивысшего напряжения необходима утроенная забота о солдате, том человеке, на плечи которого легла основная тяжесть. Так было всегда. Именно об этом письмо солдата Великой Отечественной войны Дмитрия Ивановича Саламатова:

«Шли бои под селом Красатинка. Очень тяжелые бои. Я несколько суток подряд подвозил на тракторе снаряды, не спал, не ел... Кабина — как решето от осколков и пуль. Ветер, дождь со снегом.

Силы мои кончились. Приехал, стал вылезать из кабины и упал. Помпотех начал на меня орать: расстреляю и все такое. Тут Жуков. Подъехал, мы и не заметили. На меня глянул, потрогал одежду (она как панцирь ото льда) и приказал: «В землянку. Растереть водкой. Напоить чаем. Дать отдохнуть...»

А утром маршал вызвал меня к себе в блиндаж. Спросил о самочувствии, затем о семье, как живут, не голодают ли...

...Я многое на своем веку повидал. После войны пришлось горя горького хватить. Инвалидом вернулся, а детей поднимать надо. Налоги душили. Ничего, трудностями из солдата слезу не вышибешь. А вот когда умер Георгий Константинович, плакал я. Родной ведь человек. Еще какой родной-то...»

Поклонимся фронтовику. И подумаем: а как после случившегося будет вспоминать Бесенов о своих командирах и начальниках?

Когда начались события в Закавказье, они просто обязаны были постоянно держат в поле зрения самочувствие солдат. Вот пример. Больше всех в рейсы с Бесеновым выезжали прапорщики А. Петросян и С. Далибалтян. Они не оставались безучастными к водителю, проявляли заботу: покупали в пути пирожки, фрукты. Но разве это выход? Ведь ни один не позаботился о том, чтобы солдат регулярно принимал горячую пищу. И вот что странно. Садиться почти ежедневно в кабину, много часов проводить с водителем, говорить с ним и не знать, что творится на душе солдата, — это ли не равнодушие?

...В тот злополучный день старшим машины был прапорщик Далибалтян.

— Признаков усталости я не заметил, — скажет он позднее. — Правда, на обратном пути Бесенов начал петь, раньше этого не было.

Прапорщик удивился пению водителя, но даже не подумал о том, что тот устал. И не предпринял ничего. А мог бы напоить крепким горячим чаем, заставить водителя сделать небольшую разминку, позаботиться о том, чтобы солдат вздремнул хотя бы во время получения топлива. Дополним таким штрихом: стоящая тогда жаркая погода могла разморить любого.

— Когда машина начала резко сдавать вправо, — давал показания Далибалтян, — я сначала подумал, что он сам вывернет руль. Но когда оставались считанные метры, закричал...

Вот и все, что сделал в этой ситуации старший машины. Да, от этого крика очнулся Бесенов, начал выкручивать руль, но не успел. Раздался удар, и

еще с десяток метров грузовик протянул «Жигули»...

Четко очерчен круг обязанностей старшего машины, прямо скажем, нелегких. В их число входит и такой пункт: отстранять от работы водителя, находящегося в болезненном или утомленном состоянии. Знал ли об этом Далибалтян? Если да, то почему не предпринял никаких мер?

Цифры абстрактны, они не раскрывают предпосылок происшествий, лишь подводят их печальный итог. Данные за прошедший год показывают: число дорожно-транспортных происшествий возросло.

— К сожалению, количество серьезных аварий и катастроф, положение с соблюдением безопасности движения военными водителями войск остается напряженным, — говорит офицер ГУВВ подполковник В. Стрекалов. — Тревожит обстановка в войсках по Северо-Западу и Прибалтике, Северному Кавказу и Закавказью, Западной Сибири.

Гибель любого человека всегда воспринимается как происшествие чрезвычайное. И где бы, при каких обстоятельствах ни обрвалась чья-то жизнь, причины, приведшие к этому, обязательно расследуются и анализируются самым тщательным образом. И главная беда — в низком уровне профессиональной подготовки тех, кто управляет машинами, их малый опыт практического вождения, слабая ориентация в сложных дорожно-транспортных ситуациях.

— Военными водителями становятся те, кто прошел курс подготовки в спортивно-технических клубах ДОСААФ, в системе профессионально-технического обучения — продолжал В. Стрекалов. — Иные совсем не ратowali по избранной специальности. Юридически они обладают правом на управление автомобилем, имея соответствующее удостоверение, но фактически, как показывает практика, многие из них чувствуют себя весьма неуверенно на дорогах.

Валерий Иванович привел такие данные: около половины дорожно-транспортных происшествий в прошлом году совершено в результате нарушений Правил дорожного движения, конкретнее — из-за превышения скорости. Причем виновники их, как правило, солдаты второго года службы. Объяснение такое: считают себя опытными водителями и поэтому начинают «лихачить». Но и многие новички не на высоте, что убедительно показывает, каково реальное качество подготовки выпускников автошкол ДОСААФ и СПТУ, дающих своим учащимся специальность водителя.

Это во многом применимо к Бесенову. Большой ли у него опыт? Закончил автодорожный техникум, имеет водительское удостоверение. Но после техникума работал диспетчером. Из-

редка, правда, управлял машиной отца, что вряд ли можно считать практикой.

Пробыв в войска, в течение полугодя он нес службу часовым. И лишь после этого, пройдя соответствующую доподготовку, был допущен к управлению военным автомобилем. Это было накануне событий в Армении.

Так что практический опыт вождения у него невелик. А на плечи солдата лег огромный объем работы. И не только это надо было учить. Например, особенности республики. По данным ГАИ, своеобразие ее в том, что 80 процентов автотранспорта находится в индивидуальном секторе. Слаба подготовка водителей, о чем неоднократно поднимали вопрос республиканские средства массовой информации. Безопасности движения уделяется определенное внимание, но пока этого недостаточно, обстановка на дорогах остается напряженной. Каково же приходится Бесенову?

Немалая доля вины ложится на соответствующих начальников. Видимо, они рассуждали так: бросим в воду, авось выплывет. Так когда-то учили плавать. Но тот ли случай? Ведь человек может и утонуть...

Анализ дорожно-транспортных происшествий в войсках показывает, что вряд ли стоит кивать на автошколы ДОСААФ. Доподготовка военных водителей в иных частях ведется из рук вон плохо. Отдельные начальники смотрят на солдат, прибывших на доподготовку, как на дармовую рабочую силу, то и дело привлекая военнослужащих на строительные, хозяйственные и другие работы. А времени-то отпущено всего ничего. Даже 500-километровый марш кое-где умудряются совершать так: в кабине автомобиля два водителя, и они на полпути меняют друг друга. Сколько километров приходится на каждого — посчитать не трудно. А в документах запись о полностью выполненной программе.

А сколько формализма в профилактической работе по предупреждению ДТП. Игнорируются требования о том, чтобы в ней по своим направлениям участвовали политработники, офицеры штаба, специалисты различных служб. В конце концов все ложится на плечи начальника автослужбы. В общем, не изжито потребительское отношение к автотехнике: лишь бы колеса крутились. Хотя аккуратно пишущие и подшивают соответствующие планы, но за ними пустота. Слаб контроль за занятиями по специальной подготовке военных водителей. А ведь в войсках есть хороший опыт. Есть соединения и части, которые длительное время не допускают дорожно-транспортных происшествий. В первую очередь, это относится к воинским коллективам, в которых служат офицеры А. Медведев,

И. Погорельцев, Р. Волков. У них есть чему поучиться.

Отдельные из этих недостатков характерны для части, в которой служил рядовой Бесенов. Например, солдат слабо знал Правила дорожного движения, грубо нарушил положение о том, что водителю запрещается управлять транспортным средством в состоянии утомления, если это может поставить под угрозу безопасность движения.

Вину солдата по праву должен разделить старший лейтенант А. Пастушенко, которому солдат докладывал об усталости. Увы, офицер, казалось бы, не новичок в подобных делах, сославшись на обстоятельства, поставил Бесенову задачу на выезд.

А скольких военнослужащих, помимо Бесенова, можно обвинить в таком безответственном подходе: тормоза на машине солдата срабатывали, как говорят водители, на второй качок. Для остальных поясним — были неисправны. Потому-то не смог он резко затормозить.

Да, вину Бесенова могли бы разделить многие. Об этом шла речь на суде военного трибунала. И верный тон выбрал общественный защитник рядовой А. Фурса:

— Ответственность за преступление ложится не только на одного Бесенова. Так или иначе в случившемся виноваты многие. Личный состав роты готов поручиться за него. И мы просим снисхождения к нашему сослуживцу.

Да, о солдате в коллективе самые лучшие отзывы. Об этом свидетельствует и служебная характеристика. И тем горше обида: не уберегли добросовестного, исполнительного солдата ни его командиры, ни товарищи. А был Бесенов вроде на виду, рядом со всеми.

Итак, случай вроде бы частный. Но выводы напрашиваются общие. Усложняются задачи, стоящие перед военными водителями, особенно теми, кому придется действовать в сложной обстановке. К их решению должна быть готова не только техника, но главное — люди, которым она доверена.

Майор В. ГОНДУСОВ.

*Ордена Красной Звезды УВВ
по Северному Кавказу и Закавказью.*

Р. С. Когда материал был подготовлен к печати, поступило сообщение: военный водитель рядовой А. Науменко (Приволжское УВВ) уснул за рулем автомобиля ГАЗ-53. Заметим при этом, что первым уснул старший машины. Выехав на полосу встречного движения, машина столкнулась с автобусом «Икарус-250». Снова трагедия, унесшая человеческие жизни. Снова тревожный звонок для всех нас. Сколько ему еще звучать?

Рецидив застойной психологии

В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛО ПИСЬМО ОТ РЯДОВОГО А. ОСТАПЦОВА, КОТОРОГО ИЗБИЛИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ К. ОСИПОВ И ПРАПОРЩИК В. ЕСИП. ИЗБИЛИ ИЗ «БЛАГИХ» ПОБУЖДЕНИЙ — В НАКАЗАНИЕ ЗА САМОВОЛЬНУЮ ОТЛУЧКУ И ПЬЯНКУ. УЖЕ САМ ПО СЕБЕ ФАКТ ФИЗИЧЕСКОГО ОСКОРБЛЕНИЯ НАЧАЛЬНИКАМИ ПОДЧИНЕННОГО — ИЗ ЧИСЛА ВОПИЮЩИХ, ПОДПАДАЮЩИХ ПОД УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. НУ, А ТО, ЧТО ВСКРЫЛОСЬ ПРИ ПРОВЕРКЕ ЖАЛОБЫ, ДО СИХ ПОР БУДОРАЖИТ ПАМЯТЬ, НЕ ДАЕТ ПОКОЯ.

В ПЕЧАТЛЕНИЕ такое, будто, работая в роте, которой командует капитан Н. Донин, оказался отброшенным во времени по крайней мере лет на пять. Здесь, что называется, лицом к лицу, столкнулся с теми, кто и не собирался что-то менять в своем сознании, стиле работы, кто не на словах, а на деле пытается поставить под сомнение необратимость нынешнего обновления в стране, помешать позитивному процессу, происходящему в войсках. В доказательство такого серьезного вывода приведу свидетельство: в течение 8 месяцев 1988 года в подразделении неоднократно совершались серьезные нарушения воинской дисциплины, однако от учета они скрывались, служебных расследований по ним не проводилось, в коллективе они не обсуждались и, естественно, уроков из них никаких не извлекалось. По официальным данным, здесь был зафиксирован один дисциплинарный про-

ступок — самовольная отлучка. Фактически же допущено более десятка нарушений воинской дисциплины, в том числе два случая неуставных взаимоотношений.

Вот такое махровое очковитрательство. И это сегодня, когда, как никогда, остро ставится задача предавать огласке любое, даже незначительное нарушение, всем миром навальтись на решение проблем укрепления воинской дисциплины. Налицо влияние той самой застойной психологии, которая толкала и, как убеждаемся, продолжает толкать иных должностных лиц на «борьбу» с негативными явлениями при закрытых дверях, на лакировку истинного положения дел, даже на подлог, обман ради создания картины мнимого благополучия. О какой уж тут перестройке можно говорить, если успеха стремятся достичь вот такими недостойными методами!

ПРИБЫЧКИ прошлого не раз давали о себе знать и в ходе выяснения обстоятельств, при которых допущено рукоприкладство по отношению к рядовому Остапцову. С чем тут только не пришлось встретиться! Вместо того, чтобы искренне раскаяться в содеянном, виновные всячески изворачивались, юлили, признавались, затем отказывались от своих собственных, в том числе письменных, заявлений, пытались, что называется, навести тень на плетень. Был даже момент, когда в результате давления на него автор жалобы сообщил о том, что он... все сочинил в своем письме в редакцию. Дескать, хотел любой ценой навредить офицеру Осипову и прапорщику Есипу.

Надо же было так повлиять на солдата, чтобы он оговорил себя, а заодно и своего сослуживца, якобы подучившего его таким образом насолить принципиальным и требовательным командирам.

Большого труда стоило убедить военнослужащего остаться последовательным до конца, что правда в любом случае лучше лжи.

Да что там молодой солдат, когда в создавшейся ситуации дрогнули и более взрослые люди. Тот же прапорщик Есип, человек умудренный немалым житейским опытом, к тому же член партии. Вначале он нашел в себе мужество признать, что не только присутствовал при физической расправе старшего лейтенанта Осипова над рядовым Остапцовым, но и сам, когда тот упал на пол, пнул его ногой в отместку за многочисленные неприятности, которые последнее время доставлял солдат. Потом Есип неожиданно начал настаивать на том, что ни офицер, ни он подчиненного не били, а только «словесно оскорбляли». А вину на себя, дескать, он взял исключительно ради Остапцова: испугался, что тот в самоволке что-нибудь натворил, и решил его спасти...

Обратите внимание на сам характер лжи (в конце концов прапорщику хватило — нет, не принципиальности, ею здесь и не пахнет, а здравого смысла, чтобы уяснить, что истина бывает лишь одна): хотел увести от ответственности, взять под защиту самовольщика, употребившего спиртное и невесть что совершившего за пределами военного городка?! Каково?

Так вел себя в ходе разбирательства коммунист. Тот, кто призван подавать пример другим во всем, увлекать за собой людей, активно утверждать перестройку в коллективе. Мало чем отличался от Есипа в своих оценках происшедшего. Другой очевидец инцидента с рядовым Остапцовым — старшина роты прапорщик С. Хоросайло, тоже член КПСС. Его в тот злополучный час пригласили в канцелярию роты для подтверждения факта употребления солдатом спиртного. Хоросайло имел возможность убедиться, что подчиненный был пьян, видел его разбитую губу, приносил ему мокрое полотенце, чтобы тот вытер на лице кровь. Все это сначала сам рассказал. А потом начались ссылки на плохую память, что он не усмотрел того, не обратил внимания на это...

Вот вам взгляды уже двух коммунистов подразделения на вопросы укрепления воинской дисциплины, воспитания подчиненных в духе правдивости, принципиальности. К сожалению, в партийной организации подобные тенденции в настроениях людей до поры до времени не вызывали тревоги. Видимо, устраивали многих.

Неблаговидную роль во всей этой истории сыграл командир роты капитан Донин, отозванный из очередного отпуска для оказания содействия в объективном разборе жалобы рядового Остапцова. Вместо конкретной помощи в расследовании, офицер встал на путь давления на пострадавшего. Это после его «здушевной» беседы с солдатом тот начал отказываться от того, что написал в журнал...

Стоит ли удивляться, почему в роте долгое время царила атмосфера нечестности, очковтирательства, попустительства по отношению к тем, кто допускает нарушения дисциплины, если командир, парторганизация занимают такую позицию, проявляют подобного рода «принципиальность»!

Не из этой ли «принципиальности» берут начало привычки, сформировавшиеся у того же старшего лейтенанта Осипова? Ему ничего не стоило, допустим, сделать отметку о проверке службы в постовой ведомости, не побывав в карауле. Не считал нужным он признаться и в рукоприкладстве к Остапцову, хотя это и засвидетельствовали очевидцы.

Не с начальников ли брал пример санинструктор роты старший сержант Н. Коноплев, пытавшийся скрыть факт обращения к нему за медицинской помощью рядового Ж. Каршибаева, которого ударил сослуживец? Не из желания ли угодить командиру роты советовал медработник рядовому Остапцову пустить в ход версию о том, что губу он разбил о коленку, перелезая через забор?..

КОНЕЧНО, нельзя сказать, что в роте совсем ничего не предпринималось для наведения порядка. Были и меры. И как будто строгие. Но вот эффективность, действенность их нередко оказывались низкими, а то и со знаком минус. Судите сами. Младший сержант А. Луковенко в 1988 году за допущенные нарушения воинской дисциплины пять раз арестовывался и отбывал наказание на гарнизонной гауптвахте. Однако продолжал оставаться в сержантском звании и на должности командира отделения. Не дала взыскательной оценки поведению Луковенко и комсомольская организация. Этот факт во многом объясняет, почему тот же рядовой Остапцов после совершения самовольной отлучки и пьянки так и не был привлечен ни к дисциплинарной, ни к комсомольской ответственности — иначе его «художества» не удалось бы скрыть.

Довольно-таки существенная деталь — тот злополучный уход из роты и выпивка не единственные у Остапцова. Однако в служебной карточке солдата это отражения не нашло. Впрочем, как нет и упоминаний о них в сведениях по дисциплине, поданных в штаб батальона. О какой уж тут профилактике нарушений могла вестись речь, когда начальники пеклись лишь об одном — чтобы не выносить сор из избы, чтобы внешне все выглядело пристойно...

АНАЛИЗИРУЯ еще и еще раз те события, просто диву даешься, как непрофессионально действовали должностные лица роты, в чьих руках находились качество боевой службы, и, если хотите, судьбы людей. То, что врью командира роты старший лейтенант Осипов и инструктор службы собак прапорщик Есип пытались воспитывать подчиненного, совершившего грубое нарушение воинской дисциплины, неуставными методами, — об этом особо распространяться, думаю, не стоит. Тут все ясно: оба начальника расписались в полной своей несостоятельности в вопросах укрепления дисциплины, наведения уставного порядка.

А вот на другом просто необходимо заострить внимание. Как могли они допустить, чтобы военнослужащий, два с небольшим часа назад употребивший спиртное, был назначен в караул?! Как решились вручить оружие и боеприпасы человеку, которого совсем недавно избили?! Неужели мало случаев трагических, ослабивших войска на всю страну? Ведь все «громкие» преступления и ЧП с гибелью военнослужащих как раз и произрастали на почве пьянства, неуставных взаимоотношений, грубого нарушения порядка организации и несения боевой службы. Неужели преступная халатность одних, горькие уроки из этого не учат ничему других — тех, кто ныне отправляет в караулы, войсковые наряды военнослужащих, кто отвечает за воспитание подчиненных!

БЫЛО БЫ наивным полагать, что в безобразиях, доведших до такой «всеплохой» жизни старшего лейтенанта Осипова и прапорщика Есипа (когда я уезжал

из подразделения, командир части назначил дознание по факту физического оскорбления солдата, о нем стало известно в военной прокуратуре гарнизона), виноваты лишь капитан Донин, другие должностные лица роты. Всю полноту ответственности за отсутствие в этом воинском коллективе элементарного порядка, за провалы в работе с людьми обязаны разделить с ними офицеры батальона, управления части.

Что касается командира батальона майора Ш. Муксимова, то он назначен на должность сравнительно недавно — менее чем полгода назад, и не во все, надо полагать, глубоко вник. Хотя это ни в коей мере не является оправданием. Не мог он и его заместители не видеть, что капитан Донин к выполнению должностных обязанностей относился халатно, вопросами укрепления воинской дисциплины практически не занимался, встал на путь сокрытия проступков подчиненных. Бывая в подразделении, офицеры батальонного звена палец о палец не ударили, чтобы поломать психологию замазывания недостатков, чтобы оказать действенную помощь в налаживании четкого учебного процесса, от которого командир роты самоустранился, в создании надлежащих бытовых условий для личного состава. И не помогли, и не спросили с руководителя коллектива, со старшины роты за то, что в жилых и подсобных помещениях должный уставной порядок не поддерживался, солдатам, сержантам выдавалось рваное постельное белье с просроченным сроком эксплуатации, сам внешний вид военнослужащих вызывал нарекание. В антисанитарном состоянии находился пищеблок, в столовой не хватало кухонной посуды и столовых приборов. Качество приготовления пищи было низким, на что не раз поступали жалобы.

Столь подробно перечисляю недостатки с единственной целью, чтобы подчеркнуть: ведь это все лежало на поверхности, не замечать этого можно было лишь сознательно, утратив или приглушив чувство ответственности за порученное дело.

Особого упрека заслуживает заместитель командира батальона по политической части майор А. Громов. Он-то совсем не новичок здесь (на должности с ноября 1982 года). Влияние же его на состояние политико-воспитательной работы, дисциплины в роте капитана Долина никоим образом не просматривалось. Не ввел он как следует в должность нынешнего замполита роты лейтенанта О. Хабнера. Видимо, поэтому новый политработник, кстати, переведенный сюда с равнозначной должности, действует бессистемно, неуверенно, обстановкой не владеет и не проявляет активности в вопросах создания в коллективе здоровой нравственной атмосферы.

Ладно, не все сделали по наведению порядка в роте капитана Долина батальонные начальники. А где же были офицеры управления части? Ведь если верить статистике, то за 8 месяцев в подразделении побывали из их числа 32 человека, и проработали они в общей сложности 140 дней. Такая уйма времени и затрачена

впустую? Как это ни парадоксально, но ответ напрашивается неутешительный. И прежде всего потому, наверное, что роль командированных в основном сводилась к фиксации очевидных недостатков, отдаанию указаний, рекомендаций, реализацию которых никто не контролировал. Например, и полгода, и год назад командиру и политработнику указывалось, что анализ состояния дисциплины и дисциплинарной практики ежемесячно в подразделении не проводится, служебные карточки военнослужащих находятся в запущенном состоянии. И что же? Эти недостатки так и не устранены. Потому что дальше разговоров дело не шло.

ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ очень трудно разбираться с подобного рода историями.

Морально угнетает необходимость со взрослыми людьми разговаривать о том, что такое хорошо, а что такое плохо. И все же наиболее гнетущее впечатление оставило другое — что никто или почти никто в роте, да и в батальоне не стремился к объективному разбору жалобы. В том числе даже солдаты, чьих товарища физически оскорбили. Порой просто отказывался понимать, почему они молчат, не говорят правду? Это же страшно, когда восемнадцатилетние парни лгут по убеждению, по сути отмежевываются от сослуживца, который выплеснул свою обиду за пределы подразделения. Спрашивал одного, второго, третьего — видели ли следы побоев на лице Остапцова, — отводили взгляды, краснели, но уходили от ответа. Дескать, не обратили внимания, не присматривались...

Существует непреложная закономерность: человек, неоднократно поступающий истинной, со временем привыкает к этому, без особых угрызений совести идет на лицемерие. И что самое тревожное — своим примером заражает окружающих, что в условиях безнаказанности разлагающе действует на обстановку в воинском коллективе. И вот уже истинная дружба, товарищество начинают подменяться круговой порукой. Принципиальность уступает место укрывательству, ловкачеству. Выработывается сомнительный кодекс чести, от которого за версту веет бесчестьем.

Одно из эффективнейших средств в борьбе с этими и другими негативными явлениями — гласность. Ее-то как раз в батальоне майора Муксимова не жаловали. Именно это обстоятельство во многом породило в роте капитана Долина рецидив застойной психологии. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Подполковник В. АФНАСЬЕВ.

УВВ по Украинской ССР
и Молдавской ССР.

В МАЕ 1989 ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ
70 ЛЕТ СО ДНЯ ПОДПИСАНИЯ
ЛЕНИНСКОГО ДЕКРЕТА,
ПОЛОЖИВШЕГО НАЧАЛО
РОДОСЛОВНОЙ ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК. РУБРИКОЙ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ЭТОЙ ДАТЕ,
ЖУРНАЛ ОТКРЫВАЕТ СЕРИЮ
ПУБЛИКАЦИЙ О МАЛОИЗВЕСТНЫХ
СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ
ВОЙСК, ИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКАХ,
КОМАНДИРАХ И БОЙЦАХ,
О ТЕХ, КТО В ТРАГИЧЕСКИЕ
ГОДЫ КУЛЬТА
ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА
ОСТАЛСЯ ВЕРЕН ЗАВЕТАМ
В. И. ЛЕНИНА И ЗА ЭТО
ПОПЛАТИЛСЯ ЖИЗНЬЮ.

БРИГАДНЫЙ КОМИССАР АВГУСТ ЦИНИТ

Для людей старшего поколения существует как печальный праздник, как рубеж в жизни, за которым все иначе, — 1956 год. Именно в этот год, после XX съезда партии, домой стали возвращаться оставшиеся в живых жертвы сталинских репрессий. Удивительные это были люди, чистые, светлые. Но самое главное, что потрясало в них, — возвращались без тени какой-либо озлобленности за то, что произошло с ними, без тени желания отомстить, найти виновника, обрешего их на бессмысленные, а потому еще более страшные муки.

Мы мало знаем о них. Мало говорим и мало пишем. Мало знаем о лагерях, тюрьмах, о виновности тех, по чьему указу становились жертвами ни в чем не повинные лучшие люди страны, ее цвет. И не только они, но и их жены, дети, отцы, матери.

Мы хотим рассказать вам еще об одной трагической судьбе, вернее, о судьбе целой семьи бесстрашного, до конца преданного стране человека, героя гражданской войны, латышского стрелка, комиссара Августа Андреевича Цинита.

Нелегко было искать сведения о нем. Скупые архивные материалы еще с трудом раскрывают свои тайны. Изучив пожелтевшие от времени документы Центрального государственного архива Советской Армии, разыскав воспоминания жены А. Цинита Алисы Абель-Цинит, познакомившись с его дочерью — Майей Августовной, удалось проследить его судьбу.

Он родился 27 мая 1893 года в крестьянской семье. Много лет спустя он напишет в автобиографии о своем детстве: «Вскоре после моего рождения отец, не будучи в состоянии продолжать дальше аренду усадьбы, бросил крестьянство и, оставив семью в деревне, уехал в Ригу на заработки. В 1905 году он скоропостижно скончался, оставив без средств к существованию семью, в которой было шестеро малолетних детей и мне, старшему, было всего 12 лет. Чтобы прокормить мать, братьев и сестер, меня отдали в пастухи. Зимой удавалось урывками посещать школу, а летом батрачил...»

В 17 лет Август поступил на работу на Огрскую картонажную фабрику и здесь впервые, как многие его сверстники, услышал о Ленине, большевиках, справедливой жизни. На фабрике действовала подпольная большевистская организация, и к Циниту начали присматриваться, потом он получил первое поручение, а в июне 1914 года Август Цинит вступил в партию большевиков.

Началась первая мировая война. Август был мобилизован в царскую армию и направлен рядовым на Юго-Западный фронт. Солдат Цинит вел активную агитационную работу в солдатских массах, и не раз лишь счастливая случайность и помощь товарищей спасали его от военно-полевого суда. Всю войну, до тех пор, пока не пришла радостная весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции, он провел в окопах.

После демобилизации из старой армии А. Цинит вступил в ряды Красной Армии. Молодой, но уже опытный боец был зачислен в 6-ю роту 2-го Рижского латыш-

ского стрелкового полка. 2-й стрелковый полк вошел вскоре в состав Интернационального легиона имени Карла Либкнехта и выступил на фронт под Митаву.

22 мая 1919 года, когда под натиском врага пала Рига, Интернациональный легион и ряд других красноармейских частей были переформированы в 95-й стрелковый полк 11-й Петроградской стрелковой дивизии. В ее рядах Август Цинит, к тому времени назначенный комиссаром 32-й бригады, сражался на многих фронтах гражданской войны.

Бригада была направлена на борьбу с белополяками. Комиссар Цинит еще на марше провел с помощью своего актива большую политико-воспитательную работу. Разъяснял революционно-освободительный характер войны с интервентами, поддерживал в красноармейцах высокий морально-боевой дух и наступательный порыв. А если требовала обстановка, то и сам поднимал подразделения бригады в атаку.

«Личным примером беззаветной храбрости, преданности делу революции комиссар 32-й стрелковой бригады тов. Цинит Август Андреевич увлекал личный состав на подвиги», — говорится в представлении его к ордену Красного Знамени. Реввоенсовет 15-й армии утвердил это представление, и на кожаной тужурке отважного комиссара рубиновой эмалью зашверкала его первая боевая награда, чрезвычайно редкая и почетная для того времени.

«М О Я Ж И З Н Ъ — это сплошной фронт», — так написал в одном из своих писем родным Август Цинит. Но в его нелегкой боевой биографии были и радостные, счастливые дни.

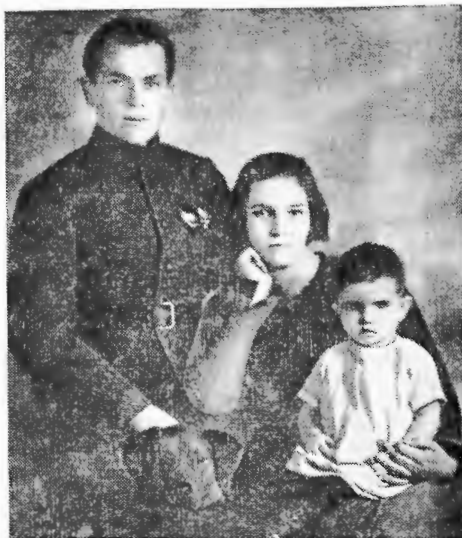
В 1920 году он познакомился с той, которая разделила с ним все тяготы его военной службы, — с Алисой Абель. Она училась в то время в Петроградской латышской партийной школе. «С тех пор, — много лет спустя напишет в своем дневнике Алиса Абель-Цинит, — я сопровождала его везде, как бы порой трудно и тяжело это ни было».

И верно, разве могла быть спокойной жизнь у военного комиссара в то неспокойное время.

В начале 1921 года вспыхнул Кронштадтский мятеж — контрреволюционное антисоветское выступление, подготовленное эсерами, меньшевиками, анархистами и белогвардейцами, поддерживаемыми империалистами.

32-я бригада в составе Сводной дивизии П. Дыбенко влилась в Южную группу войск, восстановленную в связи с мятежом. Все понимали, что медлить с наступлением нельзя.

Решающими в борьбе за Кронштадт стали дни 16 и 17 марта. В ночь на шестнадцатое ни один коммунист не лег отдыхать. Провели партийное собрание, «Интер-

На снимке: Август Цинит с женой и дочерью, 1928 год.

Фото из семейного архива, публикуется впервые.

национал» спели клятву на верность Великому Октябрю, разошлись по подразделениям беседовать с людьми. В эту ночь Цинит принимал от воинов клочки бумаги, на которых порой коряво не вышедшей к карандашу рукой они писали о том, что просят в случае гибели считать их коммунистами.

Делегаты проходившего в те дни в Москве X съезда РКП(б) успели прибыть под Кронштадт до решающего удара. Самые стойкие и негибаемые бойцы партии, ее авангард, рядовыми солдатами сошли на лед Финского залива и с оружием в руках пошли на врага. Рядом с ними шел и Цинит. Он все время торопился, хотел быть впереди. «Настроение бойцов боевое», — доносил комиссар Цинит по полковому телефону в политотдел Южной группы.

«32-я стрелковая бригада около 5 часов утра подошла к Кронштадту, — говорится в оперативной сводке штаба группы, — и ворвалась через старый крепостной вал в город».

Комбриг М. Рейтер при штурме был ранен. Командование принял на себя комиссар Цинит...

1 мая в Кронштадте состоялся военный парад и митинг участников разгрома контрреволюционного мятежа. С теплыми словами к бойцам и командирам обратились герои гражданской войны Я. Фабрициус и П. Дыбенко. Под звуки оркестра Дыбенко вручил ордена и ценные подарки наиболее отличившимся. На груди ко-

миссара 32-й стрелковой бригады Августа Андреевича Цинита зазлел второй боевой орденом.

ОКОНЧИЛАСЬ гражданская война. Август Цинит принял решение не расставаться с военной службой. Она стала его судьбой. Цинит служит в войсках ОГПУ-НКВД. В различных гарнизонах оставил он о себе добрую память.

Удалось отыскать и аттестационные материалы А. Цинита. Вот выдержка из одного документа.

Аттестация за 1936 г.: «Политически развит, очень хорошо марксистски подготовлен. Лично дисциплинирован, энергичен. Трудолобив. Исключительно чуток к людям. Как член партии в партийной жизни активен и в частях округа пользуется большим авторитетом...».

Подобных аттестаций немало, в них — облик настоящего коммуниста, преданного идеалам партии. И все эти годы рядом с ним, деля тяготы нелегкой походной жизни, была она — друг, жена Алиса Абель-Цинит. И жизнь эта, пусть трудная и опасная, но вызывавшая только уважение всех, кто сталкивался с этой семьей, была бы самой счастливой. Но все оборвалось в одно мгновение.

В июне 1938 года Август Цинит был помощником начальника Саратовского военного училища.

Тот страшный день помнит теперь и постоянно носит в сердце только дочь его Майя Цинит, которой было в то время 14 лет.

Встреча с Майей Августовной, ее воспоминания и воспоминания ее матери, оставшиеся в рукописях и бережно хранящиеся в семье Цинитов, помогли восстановить те события.

Девочка проснулась от грохота передвижаемой мебели. «Мама сказала неестественно спокойно: «Прощайся с папой». А я смотрела на военных, находящих в комнате, на перевернутые вещи... Потом с балкона я увидела, как папа садился в машину вместе с другими людьми, которые посадили его между собой. Он успел крикнуть маме: «Это недоразумение, Алиса, я скоро вернусь, я скоро буду дома!» — и помахал мне рукой».

Цинит «отбывал наказание» на строительстве Северо-Печорской железной дороги в Коми АССР и был жив только одним: сознанием своей невиновности. Здесь он встретил начало Великой Отечественной войны.

«За период пребывания в различных лагерях отец написал 239 заявлений о своей невиновности и просил, чтобы его направили на фронт. Хотя бы рядовым красноармейцем, — вспоминает Майя Августовна. — Но только молчание было ему ответом». В июле 1946 года в дверь постучался почтальон: телеграмма. Развернув ее и прочитав скупые слова, Алиса смогла с трудом шепнуть дочери: «Это от папы...»

Отец сообщал о своем освобождении. Находился он в городе Котласе Архангельской области и обещал скоро приехать. А вскоре состоялась и встреча, радость которой омрачала лишь тяжелая болезнь Августа Андреевича.

И все равно это было счастье, но, к сожалению, опять недолгое.

25 октября 1949 года Цинита вновь арестовали и сослали в Канский район Красноярского края. «Пожизненно», — так было написано на небольшом лоскутке бумаги. За что, почему? Нет ответа.

Алиса с детьми собралась в дальнюю дорогу. Одно утешение — не разлучали больше.

Август Цинит продолжал неравную борьбу за отмену предъявлявшегося ему ложного обвинения. Писал во все инстанции о своей невиновности. 25 сентября 1954 г. А. А. Цинита из ссылки освободили. Сообщение об этом пришло из Красноярска, а вскоре ему вернули паспорт. Можно было ехать домой.

Всей семьей Циниты до октября собирали грибы, ягоды, продавали их, набирая денег на дорогу, продали остатки вещей, но доехали до родного для Августа Цинита города Огре. Через полтора месяца (в ночь на 25 декабря 1954 года) Август Андреевич Цинит скончался.

1956 год. Дочь комиссара, Майя Цинит, написала в адрес XX съезда партии о невиновности отца. В июне пришло письмо о том, что «тов. Циниту Августу Андреевичу следует явиться в Огрский отдел милиции 24 июня 1956 года».

ТО, что сообщили Майе Августовне в милиции, было настолько невероятным, что у нее закружилась голова. Взяв себя в руки, она попросила повторить еще раз.

— Невиновность А. А. Цинита была доказана еще в 1939 году...

«Я шла домой, вспоминая свою жизнь после июля 1938 года, после ареста отца, — рассказывает Майя Августовна, — жизнь «члена семьи, изменника Родины», «врага народа». Даже сейчас страшно описывать все то, что я перенесла: исключение из комсомола, арест, месяцы заключения...»

В 1967 году на могиле комиссара Августа Цинита был установлен памятный обелиск, открыта мемориальная доска на Огрской картонажной фабрике. 6 ноября 1987 года одна из улиц этого города была названа в честь Августа Цинита. Стоят красивые дома. Живут в них внуки и правнуки отважного комиссара.

Жизнь продолжается. Только очень хочется, чтобы люди не забывали Августа Цинита, помнили о нем, ибо память не дает права на повторение трагедий.

Майор А. КОПЕЙКИН,
сотрудник Центрального архива
внутренних войск МВД СССР.

ВАЖНЫМ средством воспитания личного состава внутренних войск, как и воинов Красной Армии, в духе нерушимого союза рабочего класса и крестьянства в годы мирного социалистического строительства являлось пролетарское шефство над воинскими частями. Многие советские люди активно участвовали и в смотрах Красной казармы. Первый смотр проходил 60 лет назад — в январе — феврале 1929 года. Цели его были сформулированы в приказе Реввоенсовета СССР № 354 от 1 ноября 1928 года: привлечь внимание армейской и советской общественности к жизни и быту воинов, показать значение Красной казармы как боевой и культурно-политической школы, улучшить воспитательную работу с личным составом и быт военнослужащих. Смотр был приурочен к XI годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Для проведения смотра были созданы Центральная, окружные и полковые комиссии. В состав входили командиры части, помощник по политчасти, представители от партийной организации и от шефов, а также помощник по хозяйству и старший врач. Представители внутренних войск входили в состав окружных комиссий.

Подготовка к смотру, которую возглавили политорганы и партийные организации, приняла характер массовой общественно-политической кампании. Так, 19 января 1929 г. Ленинградский обком ВКП(б) принял резолюцию «О проведении смотра Красной казармы», в которой рекомендовалось окружкомам и райкомам партии возглавить работу по проведению смотра, составить совместные планы, направленные на усиление связи трудовых коллективов с воинскими частями, улучшение политпросветработы с личным составом, его культурно-бытовых условий. Совет Народных Комиссаров Туркменской АССР от 9 января 1929 года выделил на проведение смотра Красной казармы 100 тыс. рублей, установил 8 коллективных правительствен-

СМОТР КРАСНОЙ КАЗАРМЫ

ных премий за лучшее войсковое хозяйство роты, эскадрона и батальона. Наркомзему было предложено снабдить части саженцами кустов и фруктовых деревьев.

В 3-м Ленинградском полку войск ОГПУ проводились конкурсы на лучший взвод, лучшее общежитие и лучшего красноармейца. Практиковались комсомольские вечера самокритики, смотровые военкоровские тревоги. Оборудование полковой читальни, организация эстрадного самодеятельного ансамбля и кукольного театра способствовали улучшению отдыха и культурного воспитания воинов. Количество читателей библиотеки выросло до 75 процентов. Число подписчиков на газеты, членов добровольных обществ, кооперации и активистов внешкольной работы увеличилось на 50 процентов, а военкоров — в 2 раза. От личного состава и шефов поступило около тысячи предложений, направленных на улучшение армейского быта. За время смотра полк посетило более трех тысяч рабочих шефствующих предприятий, совместно с которыми было проведено 25 субботников и воскресников.

Благодаря помощи рабочих внешний вид и оборудование военных городков, казарм, ленинских уголков за время смотра неузнаваемо изменились. Были оборудованы и открыты буфет-чайная, 2 парикмахерские, 4 спортгородка, комната игр, приемный покой, сушилки, классы, тир, ленинские уголки, общежития, умывальные комнаты, расширена столовая. Все красноармейцы приобрели зубные щетки, порошок, мыльницы.

Заметных успехов в бла-

гоустройстве достиг личный состав 2-го Ленинградского конвойного полка. Здесь были приведены в порядок и укомплектованы всем необходимым караульные помещения, оборудован образцовый спортзал. Группа художников красочно оформила ленинские уголки подразделений и клуб полка. Заметно окрепли шефские связи с работниками Госторга и фабрики им. Клары Цеткин. На этих мероприятиях партийно-комсомольским активом полка был прочитан на военно-политической темы 21 доклад. Казармы красноармейцев посетило 500 рабочих и свыше 240 учащихся четырех школ, ставших культшефами воинов. Более 20 студентов педагогического института им. Герцена являлись руководителями красноармейских кружков текущей политики и антирелигиозной пропаганды.

Окружная газета «Красная армия» 7 марта 1929 г. опубликовала заметку «В казарме рождается новый человек», в которой рассказала, что 400 женщин — работниц Краснозаводского района, красных сестер завода ГЭЗ и донецких железных дорог — были гостями красноармейцев 4-го Украинского полка войск ОГПУ имени Ф. Э. Дзержинского. Работницы, ознакомившись с учбой и бытом воинов, остались очень довольны. В книге отзывов рабочая Титренко сделала запись: «Посещение вашей казармы на долгие годы запечатлелось у меня в памяти. Мне случайно доводилось быть в 1916 году в старой царской казарме, с тех пор все стало неузнаваемо... Много хорошего я у вас увидела, и много хорошего осталось у меня в душе.

Даю вам, товарищи красноармейцы, честное слово, что в случае войны, я пойду с вами рука об руку против всяких бед».

При помощи шефов были заметно улучшены бытовые условия личного состава. Оборудованы необходимой мебелью культурно-просветительные учреждения частей. Воины 23-го полка войск ОГПУ получили от председателя ВУЦИК Г. Петровского библиотеку из 400 книг и материальную помощь в сумме 1000 рублей.

Вместе с рабочим классом в смотре Красных казарм участвовало и трудовое крестьянство. Так, крестьяне одного из приграничных сел в ознаменовании смотра организовали Красный обоз с хлебом в 20 подвод под лозунгом «Хлеб для рабочих Днепростроя и Красной Армии».

Во время смотра Красной казармы около 3000 рабочих предприятий г. Новосибирска побывало в подразделениях 9-го Новосибирского полка войск ОГПУ. Около 1200 красноармейцев полка посетили трудовые коллективы заводов и фабрик города. Кроме того, проводились совместные с шефами партийные и общие собрания, производственные совещания, вечера отдыха, беседы и доклады на производственные темы. С помощью учителей железнодорожной школы в полку было создано шесть общеобразовательных школ. Рабочие-шефы оказали помощь в радиофицировании ленинских уголков, закупке музыкальных инструментов, школьных принадлежностей, шкафов для книг. Эта работа способствовала не только росту культурного уровня воинов, но и повышению их политической активности. В период смотра они внесли более 800 различных предложений, написали около 600 заметок в многотиражную и стенные газеты. 11 корреспонденций и 7 фото о смотре Красной казармы в 9-м полку было опубликовано в окрестной газете «Красноармейская звезда».

Под рубрикой «Лучшие на конкурс» газета «Красная звезда» 22 мая 1929 г. сообщала о том, что окрестная комиссия Среднеазиатского военного округа по итогам смотра Красной казармы присудила 10-му Ташкентскому дивизиону войск ОГПУ 2-ю премию и выдвинула кандидатом на всесоюзную премию. Указывалось, что здесь хорошо был налажен быт красноармейцев: отремонтированы казармы, весь личный состав обеспечен пододеяльниками, прикроватными ковриками, оборудованы комнаты опрятности, столовая, клуб, площадки отдыха и спорта. Половина личного состава вовлечена в военкоровский, антирелигиозный и драматический кружки. В налаживании культурно-просветительной работы заметную помощь оказали студенты Среднеазиатского Государственного университета. Они организовали занятия с малограмотными красноармейцами, участвовали в художественной самодельности. Незнаваемо изменилась территория военного городка дивизиона. Руками красноармейцев было посажено две тысячи деревьев.

Организаторская и воспитательная работа командиров, партийной и комсомольской организации оказали существенное влияние на качество службы, учебы и дисциплины. За шесть месяцев число нарушений сократилось на три четверти. В части укрепилось боевое товарищество и политико-моральное состояние всего личного состава, значительно повысилась боеспособность. Свидетельство тому — успешное проведенная операция с участием воинов дивизиона в ликвидации басмаческой банды Джунаид-Хана.

Одной из форм материальной помощи воинским частям, оказываемой в период смотра Красной казармы, было перечисление им средств, заработанных рабочими шефствующих предприятий во время субботников и воскресников.

В январе 1929 г. более 1900 рабочих Харьковской

кондитерской фабрики, организовав двухчасовой субботник сверхурочной работы, заработали 1700 рублей, которые передали красноармейцам подшефного 3-го конвойного полка на улучшение культурно-бытовых условий. Коллектив 3-й табачной фабрики им. Клары Цеткин отработал один час сверхурочной работы и перечислил 2-му Ленинградскому конвойному полку 400 рублей, а сотрудники типографии Наркомвоенмора в пользу полка на 2-часовом субботнике заработали более 340 рублей.

3 сентября 1929 г. Революционный совет СССР по итогам смотра Красной казармы издал приказ, в котором отмечались 24 лучшие части. Второй коллективной премии был удостоен 3-й Ленинградский полк войск ОГПУ (сборная парикмахерская и другое имущество), третьей премии — 5-й Донской полк войск ОГПУ (слесарно-кузнечное оборудование).

17 сентября 1929 г. был издан приказ ОГПУ об итогах смотра Красных казарм в погранохране и внутренних войсках (Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. — М.: 1977. — С. 257).

В последующие годы формы и методы военно-шефской работы совершенствовались, повышалась ее эффективность, что способствовало укреплению единства армии и народа.

И сейчас, когда в стране идет борьба за качественное преобразование всех сторон жизни общества, усиление шефских связей воинских и трудовых коллективов, разнообразие форм и методов совместной работы будет способствовать более глубококому осознанию задач, решаемых всем советским народом, повышению чувства ответственности, причастности к революционной перестройке.

Полковник
П. НИКОЛАЕНКО,
полковник

М. ГУТМАН, кандидат исторических наук, доцент.

По традиции наших чемпионов чествовали в Главном управлении внутренних войск. Над сценой клуба — эмблема Олимпиады в Сеуле, динамовские флаги. Ощущение праздника испытали собравшиеся, когда в рассказах спортсменов вновь ожили самые яркие, победные моменты минувших сражений на олимпийских аренах. Чемпионы и призеры XXIV Игр ответили на многочисленные вопросы болельщиков.

Начальник внутренних войск МВД СССР генерал-полковник Ю. В. Шаталин и председатель ЦС ВФСО «Динамо» В. С. Сысоев вручили военнослужащим войск, отличившимся в Сеуле, Почетные грамоты и памятные подарки.

На следующий день замечательную динамовскую дружину, в которой тридцать восемь олимпийских чемпионов и шестеро — обладатели двух золотых наград, принимали в Центральном совете орденосного общества.

На встрече выступил председатель КГБ СССР В. А. Крючков. Присутствовали первый заместитель Министра внутренних дел СССР В. П. Трушин, председатель национального олимпийского комитета и Госкомспорта СССР М. В. Грамов, заведующий сектором Отдела ЦК КПСС Б. П. Гончаров, ответственные работники министерств и ведомств.

Олимпийцы В. Люкин, Г. Умарас, О. Брызгина, В. Ренейский поделились впечатлениями об Играх. Выступили тренеры чемпионов А. Белоглазов и В. Федорец. От имени ветеранов динамовского спорта слово попросил олимпийский чемпион 1956 года Л. Яшин.

И вновь были улыбки, автографы, фотографии на память, заслуженные поощрения и награды. Достоинно отчитались динамовцы за олимпийский год. И начали путь к новым вершинам.

КАЛГАРИ, СЕУЛ И ДРУГИЕ ВЕРШИНЫ

Отмечая успех динамовцев на зимних Олимпийских играх, болельщики выражали надежду, что представители летних видов спорта не ударят в грязь лицом, поддержат и умножат великолепные динамовские традиции. И эта надежда оправдалась. Динамовцы достойно выступили на XXIV летних Олимпийских играх в Сеуле. Необыкновенно насыщенными спортивными баталиями были те дни. Советские спортсмены одержали убедительную общекомандную победу. В активе нашей сборной 55 золотых, 31 серебряная и 46 бронзовых медалей.

Среди тех, кто высоко поднял авторитет страны на спортивных аренах Сеула, были и представители внутренних войск МВД СССР. 56 спортсменов войск защищали спортивную честь Родины, 35 из них вернулись с олимпийскими медалями: завоевано 20 золотых (в том числе 7 в личном первенстве), 13 серебряных и 11 бронзовых наград. Для сравнения ска-

жем — на XXII летних Олимпийских играх в Москве, в которых принял участие 31 представитель внутренних войск, было завоевано 8 золотых, 7 серебряных и 12 бронзовых медалей.

Да, наши военнослужащие не подвели. Не прошли два года тяжелого, изнурительного труда. Они не только добились почетного права представлять нашу страну на олимпийском форуме, но и выступили там на пределе духовных и физических сил.

Напряженная, порой драматичная борьба в течение двух недель кипела на олимпийских рингах, собравших около 600 лучших боксеров мира. В составе сборной СССР было пять представителей внутренних войск. Трое из них завоевали олимпийские награды. Олимпийским чемпионом стал лейтенант Вячеслав Яновский. Серебряной медали удостоен лейтенант Н. Шанавазов, бронзовой — прапорщик А. Мирошниченко.

На встрече с личным со-

ставом одной из частей, где чувствовали победителей и призеров Олимпиады, Вячеслав Яновский так ответил на вопрос о том, тяжело ли ему дался финальный поединок:

— Не скажу, чтобы было просто, но мне удалось до конца выдержать намеченную линию и победить соперника психологически и физически. Куда больше я переживал за нашего второго финалиста Шанавазова. В предыдущем бою судьбы явно засудили одного из американцев, а в таких случаях на турнирах нередко «отдают долги» в следующей паре. Так и вышло. Американец Нурмагомеду попался агрессивный, стойкий. Бой у них складывался трудно, не очень красиво. Впрочем, в финале не до красоты. Впечатление осталось какое-то смазанное, но я все-таки надеялся — силы были равными — может, дадут 3:2. И вдруг 5:0 в пользу американца! Лучше б я сам проиграл...

Успешно выступили наши посланцы в соревнованиях по тяжелой атлетике. С золотыми олимпийскими наградами вернулись домой офицеры И. Арсамаков и О. Мирзоян. Из пяти наших борцов четверо завоевали олимпийские медали. Особо радует успех ветерана сборной майора Сергея Белоглазова. В Сеуле он повторил свой успех московской Олимпиады.

— К нынешней Олимпиаде я готовился с особым чувством — сложным, неоднозначным, — рассказывал впоследствии на встрече с воинами С. Белоглазов. — Было все: опасения, сомнения, огромное желание победы и прошлая обида оттого, что Олимпиада в Лос-Анджелесе «пролетела мимо». А еще была уверенность, что смогу победить. Это не самоуверенность, нет, скорее — опыт многих выступлений на подобном уровне...

И он победил. Со своего первого выхода на ковер олимпийского зала «Сангму» 29 сентября и до по-

бедной финальной схватки 1 октября он провёл шесть поединков, из которых четыре закончил досрочно и лишь в двух — первом и последнем — выиграл по баллам в отведенные шесть минут. Но и в них его победа уже с первых секунд просчитывалась как неизбежность. Говорят, что он великий борец. Это не преувеличение. Его соперник по финальной схватке иранец Аскар Мохаммадьян первым подхватил своего победителя на плечи и пронес вокруг ковра, выражая тем самым восхищение спортивным подвигом Сергея.

Большой успех выпал на долю борца классического стиля сибирского богатыря Александра Карелина, которому было доверено нести флаг Советского Союза на церемонии открытия Олимпийских игр. Журнал в декабрьском номере прошлого года подробно писал об этом спорте.

Вернулись домой с золотыми наградами и пять наших фехтовальщиков. А ведь советской команде рапиристов по прогнозам специалистов не отводилось места даже в тройке призеров. Однако наши ребята, ведомые капитаном сборной майором Александром Романьковым, к этим прогнозам не прислушивались, а побеждали. У А. Романькова это третья Олимпиада: были серебро и бронза, а вот теперь и золото. Высших наград также удостоены лейтенанты Владимир Апциаури и Борис Корецкий.

Порадовала любителей спорта своим выступлением в Сеуле наша велогонщица младший лейтенант Эрика Салумаяз из Таллина. В финале спринтерской гонки она победила грозную соперницу — экс-рекордсменку мира по этому виду и олимпийскую чемпионку по конькобежному спорту Крису Ротенбургер.

Офицеры Виктор Ренейский из Минска и Нико-

лай Журавский из Кишинева лишь весной олимпийского года начали выступать вместе на каноэ-двойке. Тем более приятен их успех. Они стали друкратными чемпионами Игр, не оставив соперникам никаких надежд на дистанциях 500 и 1000 метров.

В составе золотой команды в эстафете 4×100 выступал наш спринтер лейтенант Виктор Брызгин. Заметим, что олимпийской чемпионкой стала и его жена Ольга Брызгина. Как не порадуешься за них!

Очень результативно играл в составе команды олимпийский чемпион по гандболу рядовой Вячеслав Атавин. Так отозвался о нем капитан сборной страны по ручному мячу Александр Рыманов: «Рядом с опытными ребятами Слава, только что пришедший из юниорской сборной, совсем не выглядел новичком. Он выходил в стартовом составе и задавал тон». Что и говорить, высокая оценка вклада нашего военнослужащего в общую победу.

Очень ждали советские футбольные болельщики золотых олимпийских наград. Долго ждали, целых тридцать два года... Свершилось! Команда, ведомая подполковником А. Бышовцом, оправдала чаяния миллионов болельщиков. В блестящем стиле обыграв сильные команды Аргентины, Италии, Бразилии, она второй раз в истории советского спорта стала олимпийским чемпионом. Золотых олимпийских наград удостоены офицеры И. Добровольский, В. Лосев, И. Скляр, А. Бородюк («Динамо», Москва), А. Михайличенко («Динамо», Киев) и Г. Кеташвили («Динамо», Тбилиси).

Немало радостных минут доставили наши спортсмены своим многочисленным болельщикам. Им рукоплескал восторженный Сеул, их торжественно встречали на Родине.

**Подполковник
В. ПОДОЛИН.**

НА ТЕМНОЙ СТОРОНЕ ЛУНЫ

В ВЕСТИБЮЛЕ стоял огромный аквариум с разноцветной подставкой, смонтированный по чертежу Эргашева. Генерал любил этот аквариум. И сейчас он задержался около него, сказал Туре через плечо, не оборачиваясь: — Готовился в отпуск? Вот и уезжай. Я задним числом подпишу твой рапорт. К утру тебя не должно быть в Мубеке. Тогда я, может, смогу отстоять тебя перед министерством. Хотя, сам понимаешь, найдутся многие, кто потребует твоей крови. Пиши рапорт на мое имя и сматывайся.

— Не подходит, — покачал головой Тура.

Появился хранитель аквариума Хромой Халыф с кормом для рыб. Генерал, не глядя, протянул руку, взял щепотку, бросил в кормушку. Обернулся к Туре, сказал, как мог, мягко:

— Случившемуся предана широкая огласка. Завтра экстренная коллегия министерства. Уголовное дело поведет прокуратура республики. К нам направили комиссию, она уже в дороге. Отправляли людей, как на фронт, прямо из кабинетов, не дали зайти домой собраться.

Тура тихо, но твердо сказал:

— Я не могу уехать сейчас. Не могу.

— Это ты должен решать сам, — развел руками Эргашев и пошел к лестнице. Тура по-прежнему держался чуть позади — генерал не отпускал его. — Я тебе предложил максимум того, что могу сделать. Короче: против тебя возбудят уголовное дело. А ты знаешь, что я тебя люблю и плохого совета не дам.

— Нет. Меня не поймут. И я сам себя перестал бы уважать.

Продолжение. Начало в № 12, 1988.

Кабинет начальника управления был угловым в конце второго этажа.

Они шли по широкому коридору, обитому деревянными панелями, в слепом полыхании люминесцентных ламп, и все встречные в этот поздний час сразу же включились в прерванную в «Чирой-ли» детскую игру «замри!». Спиной к стене. Смирно. Руки по швам. Пятки вместе. Носки врозь. Кто в головных уборах — ладонь правой руки к виску.

Эргашев, кивая, проходил мимо, и только пять шагов спустя следовала немая команда «отомри!». И сотрудник мчался дальше. Потому что сегодня никто не ходил здесь шагом — только бегом, торопливой рысью, суетливой по-бежкой.

— Ты понимаешь, что твои дни в управлении сочтены?

Тура неопределенно пожал плечами:

— Может быть. — И спросил как можно ровнее: — Кем? Кто он, этот таинственный счетовод, что счел мои дни здесь? Назраткулов?

Эргашев сердито махнул рукой:

— Да ладно! Назраткулов! Ха! Он просто пресмыкающийся змей! Я десять Назраткуловых на тебя не поменял бы!

Подожли к дверям приемной. Эргашев вдруг положил Туру на плечо руку, и Халматов вздрогнул — никогда генерал себе такого не позволял.

— Твое последнее слово?

— Остаюсь, — сказал, отводя взгляд, Тура.

— В этом случае я ничем не смогу тебе помочь, — вздохнул Эргашев.

— Я сам позабочусь о себе. Наконец, Кореец хоть и в тяжелом состоянии, но жив. Когда-то придет в себя и что-то объяснит.

— Должен тебя огорчить. Пак, не приходя в сознание, скончался. Он уже в морге.

Тура, как от удара, отшатнулся, а Эргашев, скрипнув зубами, тихо сказал:

— О мертвых горевать нет смысла. Их — нет. О живых надо думать... — Без моего разрешения сегодня домой не уходи, я вызову...

МАТЕРИ убитого, Артыковой, худенькой сморщенной женщине, на вид можно было дать и сорок, и пятьдесят. На вопросы Артыкова отвечала односложно: «да», «нет», неостановимо и беззвучно плакала. Когда раздавался телефонный звонок или кто-то входил в кабинет, она затихала, поднимала глаза на Туру. Ей казалось, сейчас скажут: ошибка случилась, все неправда, что вам тут наговорили про сына. Но опровержение все не поступало...

— Куда он поехал? Зачем? Знаете? — настойчиво расспрашивал Тура.

— Нет.

— Сабирджон говорил вам, что собирается уехать из Мубека? После осво-

бождения все время проживал с вами?

— Нет, нет...

— Уезжал?

— Да.

Их постоянно прерывали телефонные звонки.

— Сабирджон говорил когда-нибудь, что знает Андрея Пака из милиции? Его могли еще называть Корейцем. Большим Корейцем. Вы это имя слышали?

— Нет, — она снова заплакала.

— Могли они знать друг друга? — В разных формах он варьировал один и тот же вопрос. — Сабирджон и Пак? Может, Кореец был вашим соседом, или знакомым ваших соседей, или соседом ваших знакомых... Пак не вызывал вашего сына по уголовному делу? А потом, когда Сабирджон освободился? Нет?..

— Нет. К нему все хорошо относились. Когда его арестовали, соседи даже верить не хотели. Думали: произошла ошибка... — Она снова заплакала.

Было темно, когда с громким металлическим лязгом разошлись внизу створки автоматических ворот, открывая въезд во двор. Тура подошел к окну, закрытому из-за работающего кондиционера, откинул шторы.

Машины въехали уже во двор, затормозили у подъезда, захлопали, как передернутые затворы, дверцы автомобилей, из которых вылезали, потягиваясь и разминаясь после долгой дороги, люди в штатском и форменных мундирах.

Начальник управления с Назраткуловым встречали гостей у лестницы, облицованной мрамором. Ответственный дежурный отдал рапорт, и все направилось в здание.

Комиссия из Ташкента приехала...

Халматов вернулся к столу. Женщина продолжала плакать. Правильнее, конечно, было с самого начала отказаться от разговора с ней, перенести допрос на утро, но у Туры не было надежды на то, что утром ему позволят это сделать. Время истекало.

Он позвонил в кабинет, где сидели оперативники:

— Как у нас с чаем?

Алишер Гапуров внес заварной чайник с пиалами:

— Как раз подумали о вас, устоз, и вы звоните. Пейте. — Алишер улынулся застенчиво. Ставя чайник, по традиции приложил руки к груди.

— К свадьбе-то чай останется? — усмехнулся Халматов.

— Хватит! Ровно через неделю. — Он воспользовался случаем, чтобы напомнить: — Вас ждем. Не забыли? Вы — наш гость!

— Не забуду.

Внезапно Мухаббат стало клонить в сон. Она закрывала глаза, голова падала на грудь, Туре приходилось следить, чтобы она не упала со стула. Он дал команду отправить Артыкову домой, ничего существенного так и не узнав от нее.

Освободившись, Тура прошел по этажу.

В соседнем кабинете Какаджан Непесов допрашивал находившегося на месте преступления в «Чиройли» толстяка. Его игривого вида подруга, увидев Халматова, зазывающе-демонстративно поправила что-то в своем туалете.

В управлении почти во всех кабинетах горел свет, по коридорам и лестницам непрерывно сновали люди, сотрудники готовились к проверке — прибирались, подшивали бумаги, наводили порядок в сейфах.

Заявился начальник ХОЗУ, он ездил среди ночи на базу облторга и вернулся с ворохами черной и белой материи. Видимо, Эргашев назначил панихиду на завтра.

Тура запер свой кабинет, спустился в вестибюль. Жирно хлопали рыбы в аквариуме. Тура подошел, заглянул в туманно-зеленый омут, расчерченный золотисто-красными всплывающими рыб. Вышел на крыльцо. Подъехал Алик:

— Домой, Тура Халматович?

— В больницу...

Доктор впустил его в двухэтажный домик с забеленными наглухо стеклами, щелкнул выключателем.

Вспыхнула лампа. Комната белая, пустая, как камера холодильника.

— Подождите, — сказал доктор. — Сейчас придет санитар...

Он вышел в боковую дверь. Послышались шаги, пронзительные визги несмазанных колесиков. Через несколько минут квадратный человек в сером халате ввез каталку. Из-под простыни торчали ступни Пака. Он все еще был Большим Корейцем.

Тура подошел, скинул край белой ткани, положил ладонь на лоб Корейца. Доктор деликатно вышел и увел санитар.

Тура наклонился, поцеловал в ледяной лоб Корейца и сказал вполголоса:

— Генерал сказал, что тебя нет... Ладно, Кореец, я ведь пока есть...

Накрыл простыней Пака и вышел.

КАБИNET начальника управления был огромен — теннисный корт на цитовом наборном паркете с панелями из анатолийского ореха. Громадная люстра отсвечивала в полировке приставного стола, как электрическая клумба.

Эргашев был не один, у края стола лицом к двери сидел Назраткулов.

Генерал собирался уходить, он перекаладывал из ящика стола в дипломат какие-то папки. Назраткулов стоял у него за спиной. Оба посмотрели на входившего Халматова.

Эргашев захлопнул дипломат, щелкнул замком, откинулся в кресле и глазами показал Туре на место против себя.

— Ты не обижайся, Тура Халматович, — заговорил Назраткулов. — Погиб твой заместитель. Молодой человек, молодой способный работник. Погиб при непонятных обстоятельствах — во время работы он оказался не на службе, а в другом конце области. В кафе с подачей спиртного. Если бы контроль за деятельностью аппарата был у нас в управлении на более высоком уровне, этого, возможно бы, не случилось. Но генерал и я — мы доверяем, надеемся на вас, на руководящее звено...

Назраткулов глубоко вздохнул — он набирал воздуха на большую обвинительную речь.

— ...Мы не знаем пока ни причин, по которым Пак там оказался, ни отношений между ним и стрелявшим. Однако просто так, без причин, в сотрудников милиции у нас не стреляют! Согласен? Кроме того, погиб посторонний человек, оказавшийся с ним за одним столом. Сам факт — убийство сотрудника органов внутренних дел — дискредитирует нас. Дает понять, что на сотрудника милиции можно поднять руку. Убить безнаказанно!

— Говорить о безнаказанности убийцы пока рано, — заметил Тура.

— Ты напрасно улыбаешься! — взвился Назраткулов. — Какой ты сам подал пример недисциплинированности! Начальника уголовного розыска не было полдня! Приехал на место преступления последним! Не помог и новый двигатель, который твой шофер заставил снять с агрегата и поставить тебе на машину.

— Неужели я еще должен следить за порядком в гараже? И если шофера надо наказывать...

— Не шофера, а тебя! — крикнул ему в лицо Назраткулов. — Шофер вымогал двигатель от твоего имени, на твою машину! Шантажировал управляющего трестом! Здесь фактически состав преступления!

Генерал решительно прервал перепалку, стукнув негромко ладонью по полированной столешнице:

— Главное — это Мубек. Мы не должны допустить, чтобы каждый склонял его, как хотел. Это, если хотите, политика, в конце концов. — Он обернулся к Назраткулову. — Какая выслуга у Халматова?

— Я посмотрел, — Назраткулов заглянул в лежавший перед ним квадратный листок. — На сегодня — 26 лет 3 месяца 17 дней.

— Вызывай своего кадровика. К утру пусть все оформит. — Генерал посмотрел на Туру. — Ситуация изменилась.

Если ты будешь на пенсии, мне будет легче замолвить за тебя слово. Это совсем не то, что защищать привлеченного к уголовной ответственности начальника розыска. Не сердись. Дела сдать пока Равшану Гапурову.

Генерал снял трубку прямой связи с дежурным по управлению:

— Пусть Равшан срочно мне позвонит.

Все, я в ауте, подумал Тура. Я бессилён.

Гапуров позвонил через минуту.

— Товарищ генерал, Гапуров у аппарата...

— Завтра с утра примешь дела у Халматова. На прием тебе — тридцать минут. Все остальное время, все силы — раскрытию убийства. Все!

Бросил трубку и повернулся к Туре:

— Введешь его в курс всего, что считаешь нужным. Понял? — Эргашев прищурился. — Что ты считаешь нужным...

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Тура старался понять вложенный генералом в его слова смысл. Наконец произнес:

— Я понял.

Генерал отпер сейф. В нижнем отделении, закрывающемся на особый ключ, находился бар. Щелкнул замок. Эргашев протянул руку, нашел пузатую, непривычной формы бутылку, другой рукой подцепил три хрустальные рюмки, поставил на стол, плеснул в каждую.

— Давай. За успехи на новом этапе.

Тура задержал руку над рюмкой.

— Мне надо еще зайти в отдел.

— Ничего. Пей. Глупостей не натворишь. Водителя отпустил?

— Да.

— Напрасно. Надо было его, мерзавца, до утра подержать. Я скажу дежурному, он даст машину.

— Отличный коньяк, — Назраткулов сразу повеселел. Алкоголь действовал на него даже в гомеопатической дозе. — Уйдешь на отдых, все честь по чести. Честно говоря, кадровик уже здесь. Сидит, заполняет твою трудовую книжку. И коллектив уже собирает деньги на подарок. Я распорядился — из фонда конфискованного имущества, с базы возьмем тебе часы «Ориент». Видел? Машина — что надо. Хронометр с цветным циферблатом. Календарь на нем на сорок лет вперед.

— Я не собираюсь так долго жить, — процедил сквозь зубы Тура.

— Надо памятный адрес тебе сегодня подготовить. Чтоб по-людски проводить. Ха! Все там будем! Всем слово доброе приятно. Взял я несколько номеров «Литературки» с приветствиями юбилярам — хочу смонтировать по частям. Это уж я тебе так говорю, по-товарищески, неофициально.

Тура поставил стопку.

— И я тебе неофициально. По-товарищески. Засунь себе свой адрес в задницу. — Повернулся к Эргашеву: — Разрешите идти, товарищ генерал? Я хочу еще составить план розыскных мероприятий.

ЗА ОКНОМ быстро светало. Халматов закончил писать, включил радио. Передавали последние известия: «Художники—Олимпиаде: сегодня в Центральном Доме художника открылась экспозиция «Народные художественные промыслы СССР». Она проходит под девизом «Художники — Олимпиаде-80»...

— Разрешите, устоз? — вошел Какаджан. — Я переговорил со всеми, кого смог найти. По предварительным данным, грузинский коньяк «КВ», аналогичный тому, что был при убитом Сабирджоне, в торговую сеть Мубекской области не поступал.

Тура вздохнул:

— Я написал план оперативных мероприятий. Отдашь его утром на машинку от своего имени, подпишешь и утвердишь у Гапурова.

— Равшана?!

— Да.

Он снял со шкафа пылившийся там портфель, вытащил ящик письменного стола и, не разбирая, высыпал его содержимое в портфель.

— Знай, Какаджан! От простого пересыпания из ящика в портфель личные вещи превращаются в мусор...

Все оказалось проще, чем он ожидал. Генерал дал команду освободить Туру от унижительных формальностей и распросов. Оформить все как можно быстрее.

Тура протягивал свой «бегунок» в окошко, в нем молча расписывались. «Спасибо» — «Пожалуйста». И шел дальше. Только на секунду он почувствовал смятение, когда вынул из кобуры пистолет, посмотрел на него, погладил и отдал дежурному. Тот положил его в сейф и ничего не дал Туре взамен.

В финотделе для него уже был приготовлен расчет. Тура расписался в ведомости, кассирша придвинула к нему деньги, обандероленные пачки мелких купюр — рубли, трешки, пятерки. Тура задумчиво смотрел на эти пачечки, прикидывая, куда их рассовать. Кассирша не поняла его:

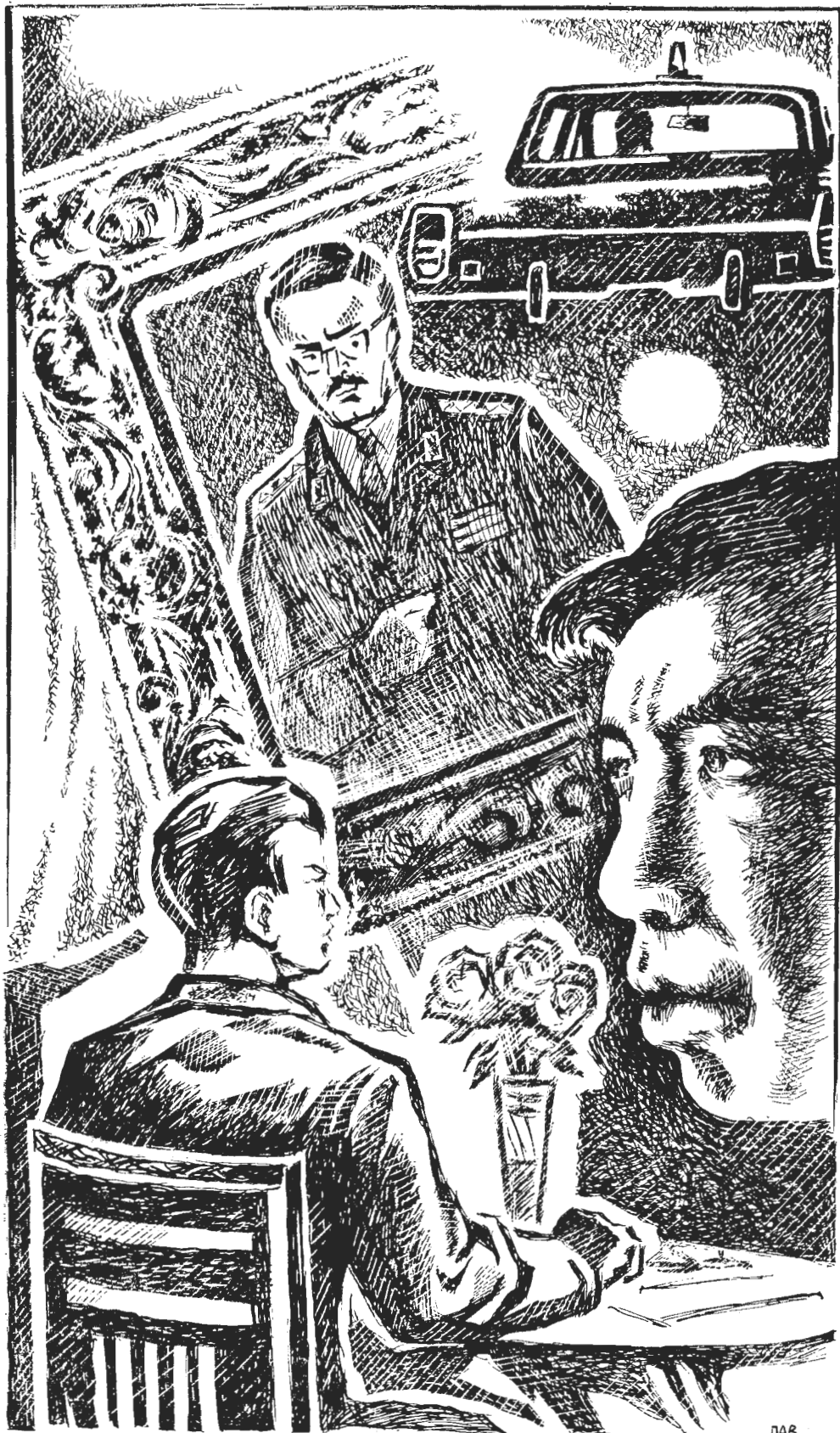
— Нет, нет, не сомневайтесь, Тура Халматович, здесь все правильно — это деньги московской упаковки...

ТУРА снова вошел в свой кабинет. За столом сидел новый хозяин — тяжелый, сонно-каменного вида Гапуров. Сбоку, с рапортами, стоял Какаджан Непесов.

— Заходите, Тура Халматович, садитесь, — гостеприимно пригласил Равшан. От того, что он косил, нельзя было понять, на кого он смотрит — на Туру или Какаджана, стоявшего в произвольной стойке, средней между «вольного» и «смирного». — Как поживаете? Как настроение?

— Все в порядке, — Халматов остался стоять вместе с Какаджаном. — Новости есть?

— Работы много, — с тяжелым вздохом сказал Равшан. — Ну, ничего! Нам бы сейчас выкрутиться из этой истории, со временем все наладится... Плохо, что вама нет.

ПАС

— Зама... — Тура обменялся взглядом с Какаджаном. Вдохнул. — Ладно, я пошел. С сейфом потом разберемся, — ему не захотелось больше здесь находиться. — Желая удачи.

— Спасибо. Всегда заходите, Тура Халматович.

В соседнем кабинете — уголовного розыска — часть столов пустовала, за другими кого-то допрашивали, звонили по телефону. У оперативников уже с утра был загнанный вид. Тура почувствовал себя неловко, как человек, выпавший из общего дела и мешающий всем своей очевидной ненужностью и праздношью.

— Хоп, — он попрощался со всеми сразу. — Увидимся!

А все-таки не удержался, сказал Алишеру;

— Надо во что бы то ни стало найти оружие. Пистолет он наверняка выбросил. И еще. Если вы узнаете, где Сабирджон купил коньяк, сможете предположить, откуда он приехал в «Чиройли». С кем мог видаться по дороге. Ладно. — В конце добавил любимое: — Все будет хорошо...

В КАБИНЕТЕ кадровика процедура заняла всего несколько секунд. Он попросил удостоверение, и Халматов достал из верхнего кармана пиджака красную книжечку;

— Пожалуйста...

Кадровик спрятал удостоверение в конверт, подшитый к личному делу Туры.

— А это вам, — и передал Халматову военный билет вместе с трудовой книжкой и пенсионным удостоверением.

В кабинете работал телевизор. Передавали дневник Олимпиады. Тура замешкался. Кадровик прикрутил звук.

— Я человек здесь новый. Надо бы, я понимаю, провести это в зале, в торжественной обстановке. Но вы знаете, там готовятся к панихиде. Личный состав занят, не до торжеств. Поэтому я прошу вас зайти на минуту в канцелярию. Женщины заварили чай. Нам еще надо кое-что вам вручить... Вы хотели что-то сказать?

— Нет, ничего. Я подумал: меня принимали в милицию полгода, а выгнали за два часа!

ТУРА спустился в вестибюль, остановился около аквариума, заглянул в его зеленую мелкую мутную бездну. Немо усталились ему в глаза ненормально яркие рыбы. Потом лениво разбрелся по закоулкам своего вяло бурлящего царства.

Неслышно подошел к нему Хромой Халыф, постоял рядом тихо и стал сыпать через стеклянный борт корм. Отряхнул ладони и протянул руку лодочкой Туре:

— Будьте счастливы!..

— Халыф! — Тура был поражен. — Оказывается, ты не разучился разговаривать! Я думал, что в такой день, как сегодня, меня уже трудно удивить...

— Халматов! — крикнул вдруг из-за разделяющего вестибюль и дежурку огромного стекла дежурный. — Возьмите трубку. Генерал на проводе.

Тура, не проходя в дежурку, снял трубку.

— Слушаю.

— Посмотри: дежурный положил трубку? — спросил генерал.

Халматов поднял голову.

— Положил.

— Ночью я сказал, чтобы ты ввел Равшана в курс дел настолько, насколько считаешь нужным. При Назраткулове я не мог сказать яснее.

— Я понял. Речь идет о чайханщике Сувоне. — Он прикрыл трубку. — Я здесь один, на вахте. Никто не слышит.

— Правильно понял. Умница. Сходи туда, в чайхану. Предупреди, что, несмотря на твое увольнение, наш уговор остается в силе. По-прежнему обо всем будут знать только я и ты. Никого не хочу вводить в курс дела. Если Сувон поможет нам задержать караван с наркотиками, мы этого ему не забудем.

— Он многим рискует!

— Поэтому я и не подключаю новых людей. Ты и я! Предупреди его. Сигнал для нас: перевешенный со стены ковер. Но не откладывая! О твоём увольнении все быстро узнают.

— Я прямо сейчас зайду.

В ТАЗУ лежало несколько пиалушек, здесь мыли посуду. Старые заварные чайники чернели жестяными протезами, заменявшими отбитые «носики». В неудобном закутке с ковром во всю боковую стену стоял унылый парень. Чайхана, побеленная изнутри мелом, была похожа на фельдшерский пункт.

Тура взглянул на стену: огромный старый ковер висел на месте. Большого Халматову не требовалось.

Тура вернулся на проспект, абсолютно пустой на всем протяжении. Только на автобусной остановке изнывала от зноя молчаливая толпа. Такая же толпа медленно кремировалась на другой стороне улицы. У «Даров природы» шофер патрульной машины 13-47 разговаривал с мясником. В выгоревшей траве на разделительной полосе посреди проспекта шуршали суслики.

От высотной гостиницы показался автобус.

— Угрохали деньги, — сказал, ни к кому не обращаясь, желчный невысокий мужичок, которого Тура перед тем видел в чайхане. — Миллионы положили на небоскребы да на транспортные развязки, а чай попить негде...

Угрюмая очередь сделала вид, что не слышит.

ЖЕНА глядела в большой комнате. Услышав мужа в прихожей, Надежда выключила уют, пошла на встречу, замерла в коротком объятье, вдохнула.

— Переживаешь? — спросила тихо. — Но ведь Андрея все равно не оживишь. Правда? Ты видел его?

— Да. Я с ним уже попрощался. Как Саида?

— О чем ты говоришь? Я только от нее. Там Назраткулова с невесткой. Ты куда-нибудь сейчас заезжал?

— В универмаг, — сказал он. — Выбирал себе шляпу. Сколько я знаю пенсионеров, все в костюмах и шляпах.

— У тебя и костюма нет. К Алишеру на свадьбу одеть нечего.

— Теперь уже неважно.

— Ну что ты ешь себя? Ты такой молодой и уже можешь не работать. А мне еще трубить и трубить. Ну хочешь уедем к моим родителям! — Это было ее давней мечтой. — Лес, зелень. Осенью полно грибов. Дожди. Никакой жары. А захочешь работать — в Можайске рабочие руки всегда нужны. Можно в Поречье устроиться. Поближе.

— А жить?

— У наших! Дом ведь большой, свой. Места хватит... — Она не отпускала его, прижимаясь все сильнее. Тура невольно взглянул на часы, она перехватила его взгляд: скоро должен был придти из школы сын, — Сколько раз они нас пригласали!

— Ты забыла, — Тура осторожно отстранился. — У нас, у узбеков, не принято двум мужикам жить в одном доме. Хозяин должен быть один. Меня засмеют друзья.

— Один из них уже звонил.

— Кто?

— Силач.

— Валька Силлов? — удивился Тура.

— Ну да, Силлов. Твой давешний друг и бывший коллега. Быстро время бежит. Оказывается, уже пять лет, как его выгнали из органов. Пять лет не звонил, а тут решил позвонить.

— Валька уже знает про меня? Злорадует?

— Весь дом знает. А что ему злорадствовать? Что ты мог сделать, когда его выгоняли? Подать рапорт из солидарности? Несправедливо, мол, уволили моего самого лучшего, наичестнейшего старшего опера?

— Он что-нибудь просил передать?

— Нет. Спрашивал: как ты?

— А что — как я? Я в порядке! Завтра же у меня занятия в университете правовых знаний, — сказал с усмешкой Тура.

— Ты же больше не работаешь!

— Какая разница! Я в уголовном розыске не работаю.

Надежда отодвинула его от себя на длину вытянутых рук.

— Я живу с тобой пятнадцать лет. Но все равно не понимаю...

— Спроси — объясню.

— Убили твоего друга, тебя самого вышибли с работы. А ты собираешься в университет — объяснять про косвенные доказательства. Как это можно понять?

Тура прижал ее к себе и тихо, ласково, почти шепотом сказал:

— Я давно чувствовал, что им нужен только повод освободиться от меня. Это рано или поздно должно было случиться.

— И что?

— А то, что в моей служебной аттестации написано — «лично скромн». Это неправда.

— Почему? Уж кто тогда скромн, если не ты?

— Слушай, что говорю. Кроме тебя нет на свете человека, которому я мог бы это сказать. Это ошибка! Я только внешне скромн. Я бы сказал — скован. Это недостаток воспитания. Воспитанный человек — он всегда одинаково раскован. Даже с незнакомыми людьми. Я вовсе не скромн — во мне, видимо, бушует огромная тайная гордыня.

— В чем? В чем она выражается?

— В самомнении. Понимаешь, пишут на циферблатах часов — «на 17 камнях». Я думаю о себе, что я — анкерный камень, незаметный камешек, на котором закреплен механизм. Если эти камни расшатываются и выпадут, часы можно выбрасывать. Я хочу быть анкерным камнем, и я не дам себя просто так выковырнуть.

Надежда снова посмотрела на него, и глаза ее наполнились слезами боли, досады и любви:

— Эх ты, Турень-Дурень! Любимый мой дурак. Ты знаешь, что тебя за глаза называют «нищий начальник»?

— Знаю. Жалко, что нет такого значка. Я бы носил...

— К сожалению, его бы еще раньше перед тобой выхлопотал себе Равшан Гапуров. Или Назраткулов.

— Мне надо позвонить.

— Опять? — удивилась Надежда. — Я думала, все кончилось.

— Опять спрошу, как дела...

Она развела руками. Халматов набрал номер.

— Какаджан! Как вы там?

— Все в порядке. Рад слышать ваш голос, устоз. Как вы? Как ваша семья?

— Спасибо. Что нового по «Чиройли»? — спросил Тура. — Сдвинулось?

— Нет. Пока все на том же месте. Нечем порадовать.

— Как характеризуют Сабирджона Артыкова?

— Убитого? Противоречиво, устоз. Соседи говорят, что был хорошим парнем. А он публично пытался украсть машину...

— Может, угнать?

— Квалифицировали как грабеж. Еще кража кассетника. Дело вел Зият Соатов из Урчашмы. Он давно уже не работает. Вы слушаете?

— Да! Где он жил, Сабирджон? Почему мы его не знали?

— В Сырдарье. Потом в Урчашме. Сейчас туда поехали Энвер с одним из следователей. Мать Сабирджона перебралась сюда к родственникам. Он прикатил к ней.

— Знакомые у него есть? Какие-то связи?

— В Мубеке? Никого.

— Что он делал после того, как освободился?

— Нигде не работал. В основном находился дома. Или разъезжал по друзьям.

— Где он купил коньяк? Установили?
 — Нет. Марочный коньяк в Мубеке не продавался. Я спросил Сырдарью и Ургут, куда ездил Артыков. Тоже нет. Усто! — Какаджан приглушил голос. — Хочу вас предупредить. Приехал следователь по важнейшим делам, прикомандированный к прокуратуре республики. С бригадой. Хотят повесить на вас всех собак...

В БЕЖАЛ Улугбек, спросил, дома ли папа. Лицо сына было злое, но Надежда ничего не заметила — доглаживала кружевную, с жабо, кофточку.

— Дома, сынок, дома. Теперь папа будет чаще с нами. А то у других отцы все праздники и все вечера дома, — Надежда повесила кофточку на стул, вышла в прихожую, — а наш — все на службе.

— Значит, это правда?!
 — Что правда?
 — Нашего папу выгнали! И еще посадят! — крикнул Улугбек. — Потому что из-за него убили дядю Андрея Пака!
 — Что ты такое мелешь! — взорвалась Надежда. — Откуда ты взял?
 — Бахтиёр Зияев сказал! А ему — его отец! Вся площадка знает!
 — Адыл Зияев?! — Тура тоже вышел в переднюю. — Директор ресторана, что ли?
 — Папа ему сказал, что ты — ничий начальник! Что у нас дом, как после пожара — ни системы, ни машины. Что ты под всех копал, а теперь сам попался...

— Вот я пойду к его отцу! — Надежда разъярилась не на шутку. — За клевету можно и к ответственности привлечь!

Халматов положил мальчику руку на плечо:

— Сынок! Ты слышал когда-нибудь, чтобы твой отец врал? Струсил? Или поступил недостойно?

— Нет.
 — Обидел кого-нибудь? Бросал слова на ветер?

— Нет, нет. — Улугбек начал постепенно успокаиваться. — Но мне стало очень обидно.

— Пойми, просто закончился срок моей службы. Я прослужил в уголовном розыске 26 лет 3 месяца и 17 дней. Это ведь немало! А теперь я ушел на пенсию. На заслуженный отдых.

Своим объяснением Тура только все испортил. Улугбек завился:

— Но ты же молодой! Пенсионеры такие не бывают! Они старенькие, слабые. Им места уступают в автобусах, они во дворе играют в пашки и в нарды. А ты отжимаешься по пятьдесят раз!

— Ну вот еще! — оборвала его мать. — Взял моду — требовать отчета от старших. Мой руки и садись за стол. Нет бы обрадоваться, что отец дома... Ладно, хватит болтать. У меня обед готов.

Завонил телефон. Тура снял трубку. После долгой паузы незнакомый голос спросил:

— Сидишь дома? Не скучно?
 Халматов выжидающе помолчал.
 — Ну, давай, давай! Привыкай. — В трубке натужно хохотнули. — Надо и отдохнуть! Правда? Как считаешь?
 Потом послышались короткие гудки.
 — Кто это? — спросила Надежда.
 — Так, одна девушка, — усмехнулся Халматов. — Приглашает на свидание.
 — Вот и сходи. Развейся.

Через несколько минут опять раздались телефонные звонки.

— Может, мне лучше подойти? — заволновалась Надежда.

— Алло, — Тура уже снял трубку.

Снова была пауза, Халматов хотел нажать на рычаг, но неожиданно знакомый, такой близкий голос вдруг сказал:

— Т-тура... — Силач слегка заикался, произнося «т» перед «у». — Я так и думал, что тебя застану.

— А где же нам, пенсионерам, быть еще? Дома, на завалинке. А ты уже все знаешь?

— Знаю. Ну что — жалеешь себя?
 — Есть маленько.

— А ты в эти моменты думай о Ко-рейце — его жалче. А все остальное не бери в голову.

— Стараюсь. Как ты?

— Все нормально. Неделю как в отпуске. В нашей шарге как запчастей нет — берди отпук.

— Никуда не поехал?

— А куда? Мне и здесь хорошо.

— Все один?

— Одному лучше, ничто не связывает. Впрочем, я не один. Отладил свой лимузин. Хоть сейчас на авторалли. Могу подвезти. Тебе куда-то нужно? Я не злопамятен.

— Хотел заскочить к Сувону, в чайхану. Узнать, есть ли у него грузинский коньяк «КВ» — такой, как в сумке у убитого в «Чиройли»...

Т УРА сел в машину, захлопнул за собой дверцу, неуверенно протянул руку Силову. Силач крепко сжал его ладонь и, не отпуская, сообщил:

— Плохо держишь удар — у тебя лицо чрезвычайного и полномочного посланника к едрене-фене.

— А какое у меня сейчас может быть лицо? Меня ведь действительно послали к едрене-фене, — слабо усмехнулся Тура.

— Я, признаться, услышал — и не поверил. Чтобы генерал дал в обиду своего любимца! Вы же так с ним прекрасно сработались. — Он скопировал Эргашева: — «Мой сотрудник ведет себя скромно. Не возражает. Не спорит. Не выступает. Не задает ненужных вопросов. Мой сотрудник не может оказаться трусом. Не берет взятку. Никогда мне не соврет...» И не вздумай жалобно блеять о том, что мне хорошо рассуждать! Что я все давно пережил, а твоя рана свежа и кровоточит соплями! Ты же во всем поддерживал его, даже когда меня выгоняли. Поэтому я тебе говорю: попроси Эргашева хорошо, покайся. Тебя он простит. Ты свой! И вообще! Меньше патетики. Больше юмора...

— Других слов у тебя нет для меня?
— Нет. И не забывай никогда: ты — почтенный пенсионер, заслуженный ветеран, а я — сомнительный субъект, выгнанный из милиции с волчьим билетом! За недоверие! Так что с тобой наш фараон Эргашев поступил еще по-божески!

Они помолчали, и Тура, сглотнув тяжелой ком в горле, спросил:

— Ты меня для этого вызвал? Чтобы это сказать мне?

— И это тоже! — кивнул Сиров. — Твое счастье, что в наше время честных людей — как эритроцитов, два-три в поле зрения. И они, по ошибке, посчитали тебя честным и тихо выперли.

— Знаешь что, останови свой тарантас, я выйду. Иначе я тебе дам в морду, — сказал негромко Тура.

— И то, и другое невозможно, — засмеялся Сиров. — Останавливаться на Великой транспортной развязке запрещено. А если дашь мне в морду, мы свалимся с эстакады, и завтра Эргашев со скорбным ликованием похоронит нас в обнимку — друзья до гроба, дураки оба. Но если хочешь разрядиться — дай лучше в морду себе. Это будет и убедительнее, и справедливее. Ведь это ты меня предал тогда, а не я тебя. По правде говоря, я тогда решил: руки тебе не подам. И не подай бы! Да тут такое дело с Корейцем... Так что считай — пока мы союзники.

ЧАЙХАНЩИК Сувон был болен редкой болезнью — акромегалией. И внешность его производила устрашающее впечатление — сорок восьмой размер ноги, ладони — каждая с совковую лопату, жутко разросшаяся челюсть, нос, уши, тяжело нависшие надбровные дуги — настоящий каменный идол Аку-аку.

В чайхане было много мужчин. Толковали о резине, о перевалах, о ценах на ранние фрукты, овощи и горючее. Иногда голоса спорящих достигали критической черты, тогда Сувон поднимал отсутствующие глаза — страсти увядали, крики прекращались. Все шло своим чередом.

— Переговори с Сувоном, — сказал Силач, садясь за свободный столик. — Если тебе это нужно. Я подожду.

Тура бросил взгляд на ковер, тот висел на своем месте.

Тура сделал несколько шагов, остановился, поискал по карманам, взглянул на чайханщика, щелкнул пальцами. Сувон, не говоря ни слова, достал зажигалку, молча протянул Халматову.

— Спасибо, Сувон, — Тура прикурил, повертел зажигалку в руке. — «Сделано в Гонконге». Приятная вещица.

— Я думал, — промямлил Сувон, — что ты теперь больше не заглянешь сюда.

— Я знаю. — Возвращая зажигалку, сказал: — Имей в виду: с моим увольнением ничего не изменилось.

Сувон не удивился, только спросил: — Ты никому не передал ту бумагу? Насчет меня.

— О твоих судимостях? Нет.

— Где она? В общепите только и ждут, чтобы начать молотье языком: «завпроизводством судим...»

— В надежных руках, — Халматов счел небесполезным повторить то, что он как-то уже сказал. — Она в Москве, у моего друга. Если со мной что-нибудь случится, ей дадут ход.

— Что может с тобой случиться! — Сувон явно опечалился. — Ты вон какой молодой, сильный. Теперь государство тебя взяло содержать...

— Хоп! Ладно, — Тура прервал его. — Ты что-нибудь слышал об этом убийстве? Имя — Сабирджон Артыков говорит тебе о чем-нибудь?

Сувон цокнул языком, покрутил головой.

— Еще, — сказал Тура. — Ко мне тесть приезжает. Коньяк у тебя в чайхане есть? Только чтоб хороший, марочный. Армянский или грузинский.

— С коньяком сейчас плохо, — Сувон развел руками. — Люди заранее разобрали, на свадьбы. Ты знаешь, Тура, тебе бы я не отказал.

— Не знаешь, где есть?

— Поспрашиваю...

В ПРИХОЖЕЙ квартиры Халматова Силач, снимая туфли, закончил начатый разговор.

— Придет! Это у тебя с непривычки! У выгнанных и пенсионеров масса своих радостей. Так сказать, шальная жизнь на темной стороне Луны. Привыкнешь.

Тура помотал головой:

— А я и не собираюсь привыкать.

— Ого! — удивился Сиров. — Сейчас в тебе оскорбленное самолюбие бушует болезненно и опасно, как ущемленная грыжа.

— Дело не в самолюбии.

Они прошли в комнату. Надежда и Улугбек смотрели там телевизор.

— Совсем стал большой, — Силач погладил Улугбека по голове, вынул из кармана игрушку-пугач, дал мальчику.

Надежда приглушила звук телевизора:

— В какое время, Тура, тебе завтра на занятия?

— С самого утра. К девяти.

— Я не знал, что ты учишься, Тура-аа, — почтительно заметил Силач.

— Я не учусь. Преподаю на общественных началах.

— Где, позволительно спросить?

— В университете правовых знаний.

— Тогда правильнее — «преподавал».

Я думаю, ты уже освобожден по собственному желанию. Приятно, что когда нас выпирают с работы, то одновременно отовсюду сразу.

— Туру-то ушли на пенсию, — заступилась жена.

— А меня — в народное хозяйство. Какая разница! Потому что когда эта сволочь, Шамиль, принес в управление конверт с деньгами, который я у него будто бы вымогал, никаких свидетелей не нашлось, и каждое сомнение инспекция по личному составу истолковала в пользу обвиняемого. Шамиля освободили

от ответственности за провокацию, он продолжает обманывать, обвешивать и обмеривать покупателей, а я, который его штрафовал, не давал ему спокойно жить, оказался не у дел. Все сразу отвернулись. Даже родная жена. Я ничего не могу сказать плохого о тебе, Тура. Ты сразу прибежал: «Валя, мне совесть не позволяет». Но что дальше?

— Пойми и ты меня! — попробовал оправдаться Тура. — Не каждый день бывает, чтобы генералу в его кабинете объясняли: «Вы здесь, как египетский фараон». А когда он психанул: «Чтобы ноги здесь больше не было!» — ковыряли бы и выходили из кабинета на руках.

Силоч засмеялся:

— Я думал, его кондратий хватит от моей дерзости. И вас тоже, его учеников!

— Чего ты сейчас добиваешься? Чего ты хочешь? — спросил Тура.

— Сущик пустяков! Хочу дожидаться раздачи всем сестрам по серьгам. Или нашим бандитам — по ушам!

— Боюсь, долго ждать тебе придется, — покачал головой Тура.

— Ничего! — сразу согласился Силоч. — Я надеюсь, что как бы долго ни было ожидание, оно окажется короче срока моей жизни. А больше мне ничего не надо.

— Ты из-за этого не уехал из Мубека? — спросила Надя. — Сидишь в своей шарашке?

— Ага! И из-за этого тоже. У меня тут многовато долгов осталось бы.

Чай Тура заварил сам. Предварительно обдал посуду кипятком, налил первый чай в пиалу, опрокинул содержимое назад, в чайник.

— Чойни кайтаринг. Возвращение чая, — механически прокомментировал Силоч. — Между прочим, я этого сукина сына — Шамиля — первые месяцы почти каждый день встречал. Идет, улыбается: «Как дела, Валентин Устинович? На работу еще не устроились?..» «Спасибо, все в порядке», — я ему говорю. Достают вот наручники, — Силоч достал из кармана металлические браслеты, — «Когда-нибудь я еще их надену на тебя».

— Списанные наручники? — улыбнулся Тура.

— Они всегда со мной. Чтобы не забывать.

— Кстати, а легко устроиться на работу уволенному из органов? — спросила Надежда.

— Я в трест «Мубекирмонтаж» пришел, — он снова сунул наручники в карман, — а кадровик, которого я однажды в вытрезвитель доставлял, а потом ему на работу не сообщил, пожалел мерзавца, повертел в руках мою трудовую книжку, говорит: «Извините, но вы думаете, только вам надо в лапу, потому что с «левым» товаром прихватываете? А другим как жить? Сходите и подумайте!» Я с непривычки просто онемел, а он мне сочувственно поясняет: «И вообще, товарищ майор, я бы с вами в разведку не пошел, чтобы на пустом месте зубами щелкать!» «А я бы с

тобой пошел, — говорю. — Чтобы тебе пулю там влить в лоб, прохиндею».

— Плюнь, — постарался успокоить его Тура.

Силоч уже не мог остановиться:

— Ну да, я вот посмотрю, как ты плюнешься! Слюной не хватит! Вет ты пойдешь устраиваться, и выяснится интересная картина. Одни не берут, потому, что ты бывший мент, который их прижимал, штрафовал, не давал житья. Для других ты — потенциальный стукач, лучше не связываться. А для третьих — не вызываешь административного доверия. Между нами — стена. Милиция обо мне забыла — я уволенный! Следовательно, скомпрометировал себя! Но кому-то должно же быть до нас дело?..

— Может, хватит все-таки? — попросила Надежда.

— Хватит, — согласился Силоч. — Все! Когда я начинаю думать об этом, моя язва двенадцатиперстной сразу обостряется. Мне и в госпитале главный хирург сказал: «Или забудьте, что уволены, или готовьтесь под нож...»

Тура налил по обычаю чай сначала себе, потом гостю и жене, меньше пиалы каждому в знак уважения.

На пороге появился Улугбек:

— Папе звонили, сказали, что завтра ему можно не приходить на занятия...

— Что и требовалось доказать, — заметил Силоч.

— Что же ты молчишь! — возмутилась мать.

— А я не молчу. Я забыл, а сейчас вспомнил. И еще, чтобы завтра он пришел в управление к следователю. Завтра в первой половине дня.

Силоч покачал головой:

— Поздравляю! К нам приехал ревизор.

— Забавно, что именно с меня начинают, — пожал плечами Тура.

— Конечно, с тебя! — сказал Силоч. — Ты непочтителен! И неприлично любопытен. Глубоко копаешь — неизвестно, что выкопаешь. Ну, останется убийство Корейца нераскрытым — так зарегистрируют побольше раскрытых краж! Любых — карманных, квартирных. Смотришь — по проценту раскрытия особо опасных преступлений и вылезли!.. Впрочем, может, мы зря гадаем. Завтра все станет известно.. — Он начал собираться.

— Я провожу, — сказал Тура.

СИЛАЧ и Тура остановились у подъезда. Каждый думал о своем. В нескольких шагах от угла стояла патрульная машина. Тура остановил на ней взгляд.

— Корейца нет, а жизнь идет своим путем, — сказал Силоч. — Когда свадьба у Алишера?

— В ту субботу, — ответил Тура растерянно. — Хочешь — поедем вместе?

— Хочу, — сразу согласился Силоч. — Я большой любитель погулять на халаяу. Кроме того, мне тоже интересно, закупили ли родственники Алишера марочный коньяк.

— А ты простой, не марочный, не пьешь теперь?

— Ни за что! Язва не позволяет. Бушует и спрашивает: откуда все-таки бутылка у Сабирджона Артыкова?

— Я думал, ты забыл о ней давно.

— Я о таких вещах не забываю. Дело в том, что у нас с тобой не профессия — это диагноз. И кажется, Кореец сейчас видит нас и хочет подсказать, как вести розыск, но только не может...

— Минуту, я хочу проверить одно предположение, — тихо сказал вдруг Тура. — Мне кажется, нас пасут... Подойдем к патрульной машине. Попросишь прокурить. На всякий случай стоит их запомнить.

Они подошли к ПМГ.

— Командир, — окликнул Силач, — огоньку не найдется?

В машине были двое. На Туру глянуло лицо водителя, оно было запоминающееся — лоб и подбородок выдвинуты вперед, а середина лица — переносье, нос и рот — вдавлена.

— Не курю...

НАРИЖНЯК Анатолий Николаевич, советник юстиции, — представился следователю Халматову. Руки, однако, не подал. — Располагайтесь поудобнее. Разговор предстоит долгий...

Следователь был немолод — загорелое лицо покрыто сетью маленьких, едва заметных морщинок. Смуглая мало-подвижная маска, сквозь прорези которой поблескивали едкие, как ртуть, глазки.

Для работы ему предоставили огромный кабинет — с кондиционером, длинным приставным столом, портретами Брежнева и Щелокова в простенках. Ситый китель Нарижняка с золотыми звездочками на петлицах висел на стуле.

— Если не против, придется временно отказать от куреня, — предупредил Нарижняк.

— Я это сделал лет двадцать назад, — сказал сухо Тура.

— Замечательно! Итак, я прошу вас вначале свободно изложить все, что вы считаете возможным сообщить в связи со случившимся.

Тура молча смотрел на него, и Нарижняк сразу же уточнил вопрос:

— Вы были руководителем отдела уголовного розыска, то есть непосредственным начальником погибшего Пака?

— Да, — Халматов кивнул и не торопясь стал объяснять: — Пак отвечал за город, я за область в целом. На мне также раскрытие преступлений, направленных против личности. Убийства, изнасилования. Кроме того, борьба с наркомагией.

— У вас в области неразбериха с учетом преступлений.

— Наверное. Не больше, чем везде.

— Но разговор пока идет о Мубеке.

— Тут вам лучше сможет объяснить Гапуров, бывший начальник горотдела, сейчас он назначен вместо меня...

— Преступления регистрируются только раскрытые. Или после того, как их раскрыли! Все годы подряд стопроцентная раскрываемость! Удивительный город!

Халматов не выдержал:

— Вы, безусловно, слышите обо всем этом впервые. Правда? Прокуратура ведь отчитывается другими цифрами? И ничего не знаете, что за город Мубек? Должна быть самая высокая раскрываемость, самые высокие здания. Кто здесь родился, рос...

Ртутные глазки Нарижняка превратились в мерцающие капли.

— Не советую вам говорить со мной в таком тоне, — медленно сказал он.

Тура пожал плечами:

— Нам, профессионалам, говорить всерьез о стопроцентной раскрываемости стыдно. Каждый знает, что это липа, но предпочитается помалкивать. Не считайте же вы, что я или Пак были лично заинтересованы в проценте?

— А почему нет? — Голос Нарижняка сломался. — Именно работникам уголовного розыска идут премии за раскрываемость! Мы проверим все досконально. Поднимем приказы, это я обещаю. А пока, поскольку вы так говорите... Можете вы конкретно назвать руководителя, который дал указание повысить процент раскрываемости преступлений за счет укрытия некоторых из них от учета?

— Нечестная игра, — развел руки Тура.

— В чем вы ее видите?

— Вы знаете: никто прямо этого не скажет. Никто открыто не прикажет: «Приписывайте хлопок, молоко, масло!» Наоборот, я сто раз слышал на всех совещаниях: «Товарищи! Пусть встанет тот, кого наказали за то, что он не смог раскрыть преступление! Никого нет? А за укрытие преступлений от учета мы наказывали и будем наказывать впредь. Вплоть до направления материалов в прокуратуру! Так почему же вы не жалуете себя? Почему вы укрываете преступления!»

— Вот видите?

— Что «видите»? Спектакль! С того, кто не обеспечит высокий процент раскрываемости, шкуру сорвут! Найдут любые предлоги. И благостные слова никого не могут обмануть. Все правильно поймут, за что наказали. Да вы это сами знаете!

— Мы отвлеклись... — Нарижняк уже пожалел, что затронул скользкую тему. — Я имел в виду вопросы в контексте совершенного преступления. Меня интересует, мог ли ваш заместитель отбыть во время работы, не поставив никого об этом в известность?

Халматов цокнул языком:

— Нет. Даже после службы каждый из нас обязан сообщить, где он предполагается находиться.

— Даже так!

— На случай вызова. У нас здесь довольно сложная оперативная обстановка. И Пак должен был обязательно поставить кого-то в известность о том, что он отбывает.

— Я так и думал! — Голос следователя был ломкий, казалось, Нарижняку все время хотелось откашляться. — А потому, уезжая достаточно далеко — в

«Чиройли». Пак должен был, наверное, не просто поставить кого-то в известность, но и получить согласие. Не так ли?

— Да.

— А согласие начальника уже равносильно приказу! Следовательно, Пак должен был получить приказ ехать в «Чиройли». Правильно?

Тура подумал, кивнул.

— Итак, приказ! Чей?

— Меня не было в Мубеке. Еще ночью я уехал в Урчашму.

— И до обеда не поинтересовались, что происходит без вас в отделе? — следователь улыбнулся вежливой пустой улыбкой человека, привыкшего не верить на слово.

Зазвонил телефон. Нарижняк снял трубку:

— Извините...

Следователь отвечал по телефону не спеша, внимательно глядя на Туру, будто сличая свои впечатления с телефонным сообщением:

— Да, да... Халматов сейчас у меня... Да как сказать... Не знаю...

Положив трубку, он объявил:

— Хочу предупредить вас, что я поделил в отдельное производство материал о том, как вы заставили начальника «Мубекирмонтажа» снять с агрегата новый двигатель и поставили на вашу оперативную машину. Это звонил следователь, который занимается данным вопросом. Милиционер-водитель сказал ему, что действовал в ваших интересах. То есть опять согласие, ставшее для подчиненного приказанием.

— Я не имею к этому никакого отношения, — сказал Тура.

— Трудно поверить. Но проверять будем. Вернемся к «Чиройли» — Пак убит в кафе, где никто его не знал. Если бы ваш заместитель хотел развлечься, то, скорее всего, выбрал место, где он обычно бывал.

— Что вы хотите сказать? — набылчился Тура.

— То, что его послали в «Чиройли» с какой-то целью.

— У вас одна версия, будто я послал Пака в кафе...

Внезапно из глубины здания послышались скорбные звуки оркестра.

— Начинается панихида по убитому, — сказал Халматов.

— Сделаем перерыв, — Нарижняк подвинул исписанные страницы. — У вас есть что-нибудь ко мне в связи с делом? Просьба, ходатайство?

— Да. Я хочу быть полезным в раскрытии убийства в «Чиройли». Лучше меня никто не знает преступников в Мубеке — их личности, повадки, взаимоотношения враждующих групп. Я мог бы вам помочь.

Нарижняк рассмеялся:

— Вот этого я как раз и прошу вас не делать. Не советую вмешиваться, — теперь тон его был официальен. — Не надо влиять на ход следствия... И еще: далеко пока никуда не уезжайте.

О ГРОМНЫЙ, под открытым небом, освещенный гирляндами огней сад вмещал несколько сот человек, сидевших рядами вокруг грубо сколоченных длинных столов. В центре, рядом с помостом для наиболее почетных гостей, помещалась эстрада с микрофоном, там выступала певица. Ее сменил актер с микрофоном в руке, он шел вдоль столов. Отпускаемые райсом шутки вызывали взрывы оглушительного хохота.

Места Туры и Силача оказались поблизости от помоста, наискосок от Алишера и его полностью закрытой фатой невесты.

— Видишь, и здесь социальный прогресс потеснил традиции, — шепнул Силач. — Раньше невеста не появлялась на свадьбе.

Алишер увидел Туру и Силача, поклонился, показал рукой на столы, в изобилии уставленные едой. Дежурные с наруканными повязками разносили яства, следили, чтобы тарелки перед гостями не пустовали. Вереница дежурных непрерывно, муравьиной цепочкой, двигалась от котлов к столам.

Тура осмотрелся. Силач называл почетных гостей, сидевших на помосте:

— Генерал Эргашев, полковник Назраткулов, его верный зам по кадрам. Двое проверяющих из комиссии министерства, твой преемник — Равшан Гапуров, старший брат жениха... Дальше все тузы. Наш дорогой Рахматулла-ака, завбощепитом, председатель общотребсоюза, управляющий торгово-закупочной базой, твой заклятый друг — директор ресторана «Москва» Адлы Зияев, сын которого объяснил Улугбеку, за что тебя изгнали со службы. Загоркомхозом, «Водоканал», управление торговли...

— Ну что ж, можно заодно провести сессию облисполкома, — сказал Тура Силачу. — Это что, друзья Равшана?

Силач засмеялся негромко.

— Алишер-то, тихоня, знаешь, на ком женится? — спросил он Халматова вполголоса. — Кто там сидит под белым покрывалом? Мне уже сказали. Это какая-то дальняя родственница Рахматуллы-ака.

— Действительно, сюрприз!

Усиленный динамиком голос тамады произнес:

— Я передаю микрофон одному из наших самых почетных гостей — многоуважаемому полковнику Назраткулову.

— Пусть живут молодые тысячу лет, как чинары, — начал Назраткулов. — Молодые люди — это крона. Она зелена и здорова, если крепки и здоровы корни, если тянутся корни, переплетаясь, далеко на всех уровнях, добывая влагу из плодородной, но засушливой земли. — Голос его больше и больше набирал силу. — Пусть будет вечно здоров, счастлив наш дорогой Учитель — наш Отец. Мудрость, доброта и справедливость — вот закон, по которому он живет и велит всем остальным жить так же! Его закон не в мятых книжечках, а

в его огромном любящем сердце и светозарном уме. Если каждое его доброе дело прорастет одной травинкой, то он умрет через сто лет в цветущем саду, названии которому — рай на Земле!

— А-а-а! А-а-а! — казалось, взрыв любви и ликования затопил двор, кишлак, область.

Улучив момент, Тура вышел из-за стола. Двор был полон людьми, вместо певички кружилась магнитофонная кассета. С высоты — из динамика, установленного на старом тутовнике в центре двора, доносился голос Артыка Атаджанова.

В дальнем конце двора у огромного казана с пловом хлопотали повара. На мангалах сладко шипела молодая баранина, ароматы лука и свежей зелени носились в воздухе тропическими облаками. Сотни свежих лепешек, выпеченных с утра, лежали покрытые сверху цветными шальями.

Люди, разносившие выпивку, двигались размеренной чередой, каждый нес в руке по бутылке вина и водки. Начало деши находилось в хозяйственной постройке под болхоной. Там управлялся со всеми один-единственный человек — с гладким жизнерадостным румянцем, какой может быть только у истого трезвенника.

— Что вы хотели, ака? — сразу же вежливо обратился он к Халматову.

Тура пошутил:

— О, волшебник-кравчий! Устроитель радости и веселья! Из-за тебя в магазинах исчез мой любимый коньяк. Весь ушел на сегодняшнюю свадьбу.

— Какой коньяк? — серьезно осведомился виночерпий. Он взглянул куда-то позади себя. — «Дагестанский», «Белый аист», «Армянский» три, четыре звездочки, «Двин»... — Пока он разговаривал, движение носильщиков прекратилось, помощники терпеливо ждали.

— «КВ». Грузинский, — сказал Тура.

— «КВ» у нас нет, — развел руками руководитель выпивки. — Мы еще с прошлой осени начали запасаться. Но «КВ» не попадался.

— Ака! — один из носильщиков, молодой мужчина, по виду такой же трезвенник, как и виночерпий, тронул Халматова за руку. — Вы посмотрите на столах. Один из гостей подарил ящик с «КВ». Я только не уверен, тот ли это коньяк, что вы желаете.

— Высокие бутылки. «КВ» — большими буквами.

— Он. Его в дом внесли. Целый ящик. Хотите, я узнаю для вас?

— Да нет, спасибо!

— Тура! Ты здесь? Вот уж не думал! — раздался позади голос Силача. Силов был слегка навеселе. — Пойдем, ребята хотят с нами посидеть.

— Какие ребята?

— Ну, наши из розыска, кто смог приехать.

Они вернулись к дому. Тура держался ближе к окнам.

— А кто из наших приехал?

— В основном новенькие...

Тура тянул время, давая пройти людям.

— Секунду! Есть дело... — Когда никого вокруг не было, Халматов заглядывал по очереди в освещенные окна. В узкой длинной комнате на ковре сидели аксакалы, перед старшим стоял заварной чайник с одной-единственной пиалой.

— Что там? — спросил Силач.

— Так. Ничего.

Подаренного ящика с грузинским «КВ» не было видно.

— Стоп! — он рукой позвонил Силача. — Смотри!

Против окна сидели трое. Халматов видел их впервые. Все трое находились в сильном подпитии. На маленьком столике-тохтахоне стояла недопитая бутылка, вторая такая же — непочатая — стояла ближе к окну на полу.

— «КВ», грузинский, — удивился Силач.

Тура шепнул:

— Я отвлеку внимание на дверь, а ты попробуй умыкнуть эту бутылку, у окна.

— Будет две, — ухмыльнулся Силач. — Алишер передал нам «Посольскую», в экспортном исполнении.

Тура взшел на крыльцо, распахнул дверь с пьяным развеселым криком: «Алишер, Алишер, ты тут, что ли?» Три пьяные физиономии обернулись к нему, и Тура увидел, как за их спинами Силач, словно на скачках, легко, почти до земли, перегнул со двора через подоконник свою семипудовую тушу, выпрямился и исчез в темноте.

Тура прижал руки к груди:

— Извините, друзья... — и закрыл дверь.

В динамиках, развешенных на деревьях, ритмично застучал барабан. На крыльце появилась Малика Истамбаева, с порога, влияя стройными бедрами, ступила крохотными позолоченными туфельками на расстеленный посреди двора огромный ковер. С другой стороны из-под старой шелковицы показались солисты знаменитого вокально-инструментального ансамбля. Вылетевший из сотен глоток беззвучный вздох шквалом зашевелил ветви деревьев.

— Кого я вижу?! Халматов! — на встречу шел по дорожке директор ресторана Адыл Зияев. — Ассалом-алейкум! Как дела? Как настроение?

Он радостно улыбался и протягивал руку для искреннего дружеского рукопожатия. Тура с интересом рассматривал эту протянутую руку, будто нес в ней Зияев птицу. А когда сошлись вплотную, Тура, не торопясь, очень спокойно убрал обе руки за спину.

С открытой террасы спускался родственник невесты — Рахматулла-ака с родственниками, они тоже приостановились — все, как на подбор, в новеньких английских «тройках», в строгих галстуках, в туфлях на высоких каблучках. Сзади держался сопровождавший их официант — красивый молодой парень с салфеткой на руке, с подносом, заставленным сосудами и закуской.

— Даже на свадьбе не отдыхаешь... — вздохнул Зияев, приблизив к Халматову рыхлое, будто непропеченное, лицо. — Все ищешь! Шучу, конечно! Работа твоя привычку родила — узнавать да вынюхивать...

— А я вот смотрю на тебя, шутник гороховый, и думаю чем же я так тебе помешал? Я ведь не обэхэсэсник, я уголовным розыском командовал, воровать тебе не мешал. Где же я тебе дороге перешел?

— А теперь это уже неважно, потому что ты — никто, — Зияев был уже сильно пьян. — Видишь, как получилось — целую жизнь ты шнырял, вынюхивал, ловил, людей по тюрьмам сажал, а потом тебе: «Спасибо, больше не нужны. До свидания». Но ты не огорчайся, я тебя сейчас рассмешу анекдотом. Один другого спрашивает: «Где должен милиционер носить нож?» А тот отвечает: «В спине»...

Слушатели зашлись от хохота. Подходили новые люди, спрашивали о причине такого бурного веселья, просили пересказать анекдот, слушали и тоже начинали хохотать.

Тура, ковыряя спичкой в зубах, дожидаясь неторопливо, когда немного утихнет буря веселья. Потом обратился к всемогущему Юлдашеву:

— Мне горько, почтенный Рахматулла-ака, что ваш гость совершил кощунство в доме праздника. Он сглазил свадьбу вашей родственницы. Ее жених — милиционер...

Пала ужасная тишина, мучительная и вязкая, как немота. Тура поклонился и пошел к накрытым столам.

Пиршество продолжалось, но бездумно наслаждаться красочным зрелищем Туре не пришлось. Его перехватил со своим микрофоном раис-ведущий.

— А сейчас я попрошу сказать несколько слов нашего distinguished гостя, который приехал позже других, и мы не успели сразу дать ему слово. А приехал он поздно потому, что у него такая работа... — С лица актера не сходило глуповато-счастливое выражение, которое много лет подряд делало его одним из популярнейших комиков. Стоило ему открыть рот, как слушатели вокруг сразу начинали смеяться, какую бы чушь он ни нес. — А работа у подполковника милиции Туры Халматова, друзья, такая. Он говорит: уважаемые, у вас от забот болит голова. А ну-ка, выкладывайте все лишнее — дачи, машины, золотишко, наличные — все, от чего болит голова. А я вам обеспечу беззаботную жизнь — бесплатное помещение, нары, физический труд и двухразовое питание в сутки на тридцать четыре копейки...

Застолье грохнуло от смеха. Дурацкое кривляние обеспечивало полный успех любой глупости. Глумливо хихикающие морды.

— Но сейчас, ходят слухи, Туре Халматову самому сказали: отдохни, дорогой! Не надо волноваться. Зачем? Жизнь одна и так удивительно хороша, как заметил поэт...

— **М**Ы ОГОРЧЕНЫ, устоз, — Алишер с ближайшими родственниками провожал Туру до ворот. — У вас плохое настроение... Все пройдет! Поверьте!

— Конечно, пройдет, сынок, — согласился Халматов. — И ты тоже устал.

— Вы грустны!

— А грустен я сейчас из-за тебя. В жизни мы все равно рано или поздно обрастаем пороками. Может быть, в милиции — особенно. И все-таки работник уголовного розыска — это особ-статья! Голубая кровь милиции. Кого тянет к богатству, тот у нас не удержится. Пойми! Слишком много соблазнов!..

НОМЕРНОЙ знак патрульной машины, в которой они возвращались, был 13-47. Халматов видел знакомое, точно раздавленное посредине лицо водителя. Тот вел машину быстро и ловко. Вокруг на многие километры не было видно ни одного огонька, и только толстые снопы света от фар таранили перед мчащимся в ночи автомобилем стену темноты, и казалось все время, что как только машина вламывается в этот пролом, тьма смыкается позади и ждет лишь, чтобы машина остановилась хоть на миг, и тогда она ее заглотила окончательно.

Въехали в Мубек поздней ночью. Милиционер-водитель подъехал к дому.

Тура вышел из машины, наклонился к открытому окошку шофера, сказал:

— Спасибо... Вы, наверное, устали?

Не поворачивая своего раздавленного лица к Туре, водитель сказал:

— Я за баранкой никогда не устаю.

— Тогда спокойной ночи.

Тура и Силач поднялись к Халматову. Тура отпер дверь, сбросил в прихожей туфли. Силач тоже остался в носках. Прошли в кухню.

— Ну, — нетерпеливо скомандовал Тура.

Силач вынул оттягивающую ему полу пиджака бутылку, гордо водрузил на стол.

— Я считаю, что, отказавшись от «Посольской», которую нам подарил Алишер, в пользу «КВ», я обязал тебя в смысле закуски.

— Безусловно.

— Как я понимаю, нас интересует емкость, в которой находится коньяк. Читаю: «КВ, коньяк марочный, выдержанный. Из высших сортов винограда. Выдержка 10 лет».

— Похоже, бутылка действительно из той же партии, что была у Сабирджона. И мы можем предложить свой вариант: через винный отдел, где ее приобрели для свадьбы, — к Сабирджону.

— Что будем делать? — поинтересовался Силач.

Он взял с окна пистолет Улутбека, подержал его, молча положил игрушку на место.

— Я ставлю чай, — сказал Тура. — Потом мне надо будет позвонить.

— Так поздно?

— Там не спят.

Наливая воду в чайник, Тура взглянул в окно:

— Иди посмотри: патрульная машина все стоит!

— Может, следовательно установил за тобой наблюдение? — иронически спросил Силач.

— Или Равшан Гапуров!

— Все может быть. Иди звони. Я наблюдаю за ними.

Халматов позвонил в отдел:

— Алло! — Трубку взял один из бывших подчиненных Туры. — Энвер, ты?

— Слушаю, Тура Халматович! Уже вернулись? Как свадьба?

— Свадьба как свадьба. Кто не сватает девушку, тот не пьет кумыса. Алишер молодец, решился!

— А вы знаете новость? Алишер в розыске больше не работает. На повышение пошел! Заместитель начальника ОБХСС райотдела, Равшан к нам перешел. Неудобно: близкие родственники вместе.

— Но почему в ОБХСС?

Энвер замаялся:

— Так уж начальство решило. Кстати, устоз! О том квартирном воре, которым вы интересовались...

— Об Уммате?

— Да. Он признался еще в одной квартирной краже. И снова погасил гражданский иск полностью.

— Каким образом?

— Потерпевшему объяснили так. Деньги нашел брат Уммата. Он что-то искал в доме на балконе, нашел их и принес в милицию. Равшан в присутствии потерпевшего спросил Уммата: «Будете из этих денег возмещать ущерб, нанесенный вами?» — «Да...» — «Не слышу!» — «Да-а!» — «Теперь слышу! Пишите расписку, потерпевший». Тот написал.

— Бывает. — Под конец Тура спросил как бы между прочим: — Энвер, как поступили с бутылкой коньяка, которая была в сумке Сабирджона? Ее надо бы, наверное, показать во всех винных точках в Мубеке.

Энвер удивился:

— Разве вы не знаете, устоз? Бутылка разбилась при перевозке.

— Что-о? Вещдок разбили?!

— В мелкие осколки! Ничего не собрали.

— Как патрульная машина? — спросил Тура, возвращаясь в кухню.

— Немного постояла, потом отъехала. Может, вернется еще — он же не устает за баранкой. Что в управлении? Какие неприятности? Обычные? Особые?

— Для нас, пожалуй, обычные. Между прочим, Алишер переведен начальником ОБХСС в райотдел.

— Этого следовало ожидать, — Силач был не прочь пофилософствовать. — Меня удивляет другое. Я не считаю, что скромному юноше из кишлака не под силу разбить сердце родственнице все-таки Рахматуллы-ака. Но, согласись, это странно. Она, я слышал, учится в Москве, в консерватории. Говорят, правда, путь мужчины к женщине и путь птицы в небе следов не оставляют. Между прочим, я должен сказать, Тура, что

ты ловко вбил клин между Зияевым и Рахматуллой-ака. «Сглазил свадьбу вашей родственницы...» Рахматулла-ака не должен Адылу это простить.

Тура несколько секунд сидел, уставившись в стену перед собой. Потом он поднялся, достал штопор. Силач наблюдал. Когда Халматов открыл сервант с посудой, Силач, с интересом следивший за ним, не смог не одобрить:

— Это ты правильно решил. Хрусталь — как раз то, что нужно.

Сдвинув в сторону ряд хрустальных стопок, Халматов достал красивую из-под индийского чая жестянку.

— Следи за тем, что я сейчас буду делать, — сказал он.

Тура вынул из банки три небольших пузырька, откупорил их и вылил содержимое в раковину. Затем принялся полоскать пузырьки с мылом и горячей водой.

— Поясняю. Я дезинфицирую емкость, прежде чем влить в них драгоценное содержимое бутылки, которая так дешево тебе досталась, — у Туры поднялось настроение.

— Дешево?! А бутылка «Посольской», от которой я отказался?!

— Следи внимательно и не возражай! Я хочу поделиться с тобой одним секретом, Силач. Запоминай: стекло — это твердый прозрачный материал, который находится в распоряжении человека с незапамятных времен. Ты слышал об этом?

— Отчасти. Впервые стекло, по-моему, было получено в Египте.

— Возможно. Этот прекрасный материал имеет очень важный недостаток — он хрупок и имеет привычку разбиваться на мелкие осколки. Вдребезги. Понимаешь? Так что ничего или абсолютно ничего не остается ни от сосуда, ни от содержимого.

— Постой, постой! — Силач щелкнул пальцами. — Значит, это ты называешь обычными неприятностями? Бутылка, которая была у Сабирджона, разбилась? Совершенно случайно, как я понимаю?

— Ну, конечно же!

— Просто сама выскользнула из рук...

— Естественно.

Халматов подержал пузырьки над гудящей газовой конфоркой, осторожно раскупорил «КВ» и наполнил каждый пузырек коньяком.

— Учитывая это, я решил, что нам следует послать коньяк на исследование. С этого мы начнем розыск.

— Все правильно. И, приняв во внимание хрупкость материала, послать...

— В нескольких сосудах. Один разобьют, второй потеряют, третий останется.

— Целиком тебя поддерживаю.

— Значит, так, Силач, — Тура закупорил пузырьки, аккуратно обтер каждый, затем так же аккуратно закупорил бутылку. — Завтра...

Силач перебил:

— Знаю! Каждый из нас возьмет по пузырьку и отправится к знакомым специалистам-химикам...

— С пузырьком пойду я один. К моему другу Мусе. Ты встретишься со зна-

комыми шоферами, попробуешь узнать, кто из гостей привез на свадьбу в подарок «КВ». Мне кажется, что мы с Корейцем, сами того не подозревая, крепко сели на хвост торгошам. — Тура прошел по кухне, остановился — поправил пузырьки с коньяком. — Но каким образом? Мы ведь не занимались ни коньяком, ни торговозакупочной базой, ни рестораном. Это — линия ОБХСС! А наш, уголовного розыска, хлеб — наркотики!

УТРОМ Тура приехал в управление пораньше. В вестибюле он едва не столкнулся с Какаджаном Непесовым.

— Устоз! — Непесов искренне рад встрече. — Извините, что ни разу не смог к вам зайти. Как вы? Как здоровье? Как ваши?

— Все в норме. — Они отошли к аквариуму. Сбоку тотчас возникла фигура Хромого Халафа.

— Что-нибудь новое о Сабирджоне? — спросил Тура.

— Очень мало. Все говорит, что после освобождения он устроился телохранителем к кому-то из цеховиков... Видели его в солидных компаниях... Все были хорошо одеты, наели, напили на крупную сумму.

— Как его характеризуют?

— Неровным. Но в целом-то парень был неплохой. Пробовал сочинять песни. Играл на гитаре, писал стихи... Да вы его могли видеть, устоз! Вы ведь не пропускаете соревнования по боксу. Перед тем, как ему угнать машину, он был бронзовым призером в первом полусреднем. Возможно, вы и вручали ему жетон.

Тура задумался.

— Не помню...

Какаджан неловко потоптался на месте, мимо шли люди, поглядывали в их сторону.

— Новость для вас не очень приятная, но, думаю, лучше предупредить. На вас зарегистрировано уголовное дело.

— По поводу нового двигателя?

— Да. Насколько мог, я объяснил про вас следователю, но ведь вы знаете: прокуратура! Им кажется, что мы, в милиции, все — одно целое, все заодно. Что вы, что Гапуров...

— Будем надеяться на лучшее, — пожал плечами Тура.

— Все же я беспокоюсь за вас, устоз. Следователь возбудил по сто сорок девятой, части первой. Как злоупотребление должностным положением. Я слышал, водителю обещали, что его не возьмут под стражу, если он будет показывать, будто вы были с ним в сговоре. Но, как мне кажется, Алик держится пока. Вы бы сходили к следователю. Мало ли как обернется? Хотите, я с ним поговорю, устоз? Прямо сейчас!

— Может, я действительно к нему зайду. Только повидая одного человека...

ЗА ДВЕРЬЮ в «Экспертно-криминалистическое отделение» Муса Аминов заварил чай в стеклянной реторте, утостил им Туру из некоего подобия мезурки.

— Видно, сильно ты перешел кому-то дорогу, Тура! — сочувственно сказал Муса.

— Не иначе. Боюсь, что по этой дорожке дьявол гуляет.

— Ты бы сходил к генералу, поговорил с ним. Ты же его человек. А ему приходится перед ним лично держать ответ... Генерала тоже надо понять. Сам знаешь, Мубек — неприкасаемая административная единица в республике... Когда тебе нужен акт? — Муса показал на принесенный Турой пузырек с коньяком.

— Я вернусь минут через тридцать. Будь на месте. — Тура обратил внимание на одну из баночек на столе у Мусы. — Опять стали фасовать опиум в баночки из-под вазелина?

— Это из Гуллистана. Задерживали одного, он успел выбросить. — Муса взял баночку в руки. — Пять тысяч. В каждой такой посудине безумие. Корчи на дыбе. Надежда на воскрешение и в конечном счете смерть. И сто тысяч рублей прибыли на каждом килограмме. Конечно, часть этой огромной суммы расходуется в пути: проверенные высокооплачиваемые курьеры, которые доставляют опиум... Арест курьера прерывает цепь, потому что он и при желании не может назвать другие звенья. Он просто не знает их.

— Я думаю, часть огромной этой суммы, — сказал Тура, — идет и на подкуп тех, кто дал присягу бороться с распространителями наркотиков, а потом за деньги взял на себя обязательство пропускать курьеров с опиумом, предупреждать об опасности и приходить на помощь, когда торговцам и курьерам грозит опасность...

К Мусе постучали.

— Я скоро приду, — сказал Тура.

ХАЛМАТОВ открыл дверь в кабинет следователя. Наризняк был один, что-то писал. Подняв голову, он удивленно взглянул на вошедшего.

— Прощу... Садитесь. Чем обязан?

Тура подвинул стул.

— Я отвлекаю вас, но все, о чем я говорю, слишком важно для меня...

Наризняк безучастно смотрел на него.

— Я проработал много лет и знаю: у вас может быть один резон в привлечении меня к уголовной ответственности... Если вы хотите изолировать меня на время поиска убийцы Пака. Главная-то ваша задача, как я понимаю, раскрытие убийства в кафе «Чиройли»...

— Продолжайте.

— Я могу только повторить. Я бы мог вам помочь. У меня опыт, я знаю здешних людей. Три года я работал в министерстве, занимался в основном раскрытием убийств...

Следователь хмыкнул:

— Должен вас перебить. Раскрытие убийств относится к компетенции органов прокуратуры. Милиция — орган дознания — не расследует убийств.

Тура грустно усмехнулся:

— Вы понимаете, о чем я говорю!

— Я-то понимаю. Это вы не хотите меня понять. Орган дознания выполняет поручения следователя! По делам, отнесенным к компетенции органов прокуратуры, следователь выносит постановления и посылает начальнику органа дознания. Странно, что вы до сих пор этого не знали. Никаких убийств милиция не раскрывает.

— Это уж точно! — согласился Тура. — Я вот не знал до сих пор этого и раскрыл тридцать два убийства.

— Не должен работник органа дознания заниматься тем, что ему не положено! Есть закон! — Наризняк как-то сразу, по-дедски, начал сердиться, но тут же взял себя в руки. — Может быть, потому вы так и работаете, что не знаете своих полномочий. Я тут смотрел недавно фильм — в нем милиция все время расследует убийства.

Тура развел руками:

— Извините. Выходит, все двадцать шесть лет я занимался не своим делом.

ТУРА вышел из «Экспертно-криминалистического отделения», пошел к выходу. В вестибюле, в аквариуме, в бирюзово-мутной прорве тихо пузырилась, радужно вспыхивала яростной расцветкой тропических рыб, сопела и булькала немая жизнь.

— Тура-ака! — тихо позвали. Он обернулся и увидел рядом Хромого Халыфа. — Генерал знает, что вы в управлении, приказал срочно подняться к нему.

Тура усмехнулся:

— Я думал, Халыф, что у нас в управлении никто не работает. А вот, гляди, пять минут побыл тут — уже кто-то успел доложить...

Халыф молча смотрел ему в глаза — понять, о чем он думает, было невозможно. Тура легонько похлопал его по плечу и неожиданно для себя спросил:

— Халыф, а ты этих рыб любишь?

Халыф сморгнул и сказал без всякого выражения:

— Мы кормим друг друга...

О-О, сердит ты на меня, — Эргашев прошел вдоль длинного приставного стола, вернулся к Туре. — Знаю. На свадьбе не подошел. Уехал, не прощаясь. Считаешь меня во всем виновным. Я, между прочим, не одобрил Зияева на свадьбе. Ни его, ни раиса. Сказал им: «Вы виноваты оба! Найдите Халматова. Втроем выпейте по сто пятьдесят — и чтоб без обид! Мужики мы? Или кто? — Генерал поднял на Туру желтые яростные глаза. — Побежали тебя искать — тебя и след простыл... Халматов промолчал.

— Как живешь? Надежда переживает, наверное? — спросил Эргашев.

— Ничего. У меня жена — белоруска...

Эргашев усмехнулся, понимающе помотал головой:

— Зовет в Москву, наверное...

— Все бывает.

— Поедешь? Или как?

— Нет, — быстро и твердо отрезал Тура.

Генерал долго, внимательно смотрел на него, потом равнодушно заметил:

— Смотри сам. Улугбек учится?

— Да, все в порядке.

— Ты не думай — я не забыл о тебе, — вдруг очень сердечно сказал Эргашев. — Ты знаешь, я всегда считал тебя своим лучшим сотрудником. Что-нибудь сообразим. Дай мне только немного времени. Период сейчас такой. Насели на меня. Комплексная проверка по всем линиям. В каждую дырку лезут. И все хотят понять: на коне Эргашев или уже нет?

Генерал сел за стол, вынул из стакана шариковый карандаш, подвинул к себе какой-то документ, чтобы расписаться, но ручка не писала. Он чиркнул раз-другой по бумаге — шарик отказал. Генерал скрипнул зубами, переломил в кулаке ручку и швырнул обломки на стол.

— Черт бы их побрал! Ты думаешь, мне легко? — заорал он Туре. — Ты представляешь, как сейчас под меня копают, как сверху давят! Как за горло хотят взять! Но все у них напрасно! Это — Мубек. Могут и по рукам дать пакостникам! Или тебе это все уже безразлично?

— Вроде бы нет, — Тура пожал плечами.

— А если безразлично, то должен понимать: тут — политика! И запомни — в политике, как в шахматах: не сделал нужный ход в соответствующий момент, сразу ухудшил свою позицию.

Забывать, забыть...

— Ты что? — генерал увидел, что Халматов хочет о чем-то спросить.

— Все знают — мне совершенно налевать было, какой двигатель стоит на машине. Никогда и ни к кому я не обращался по этому поводу! Инспекция по личному составу вам наверняка сообщила, что городские жулики называют меня «нищим начальником». Но с непонятным упорством меня хотят отдать под суд...

Эргашев вздохнул:

— Ты знаешь, что этим занимается прокуратура... Их хлебом не корми — дай возможность поугубить нашего брата милиционера...

— Какой прок от этой истории? Воспитание? Наглядный урок остальным? Смотрите, мол, Халматова, кавалера трех орденов, подполковника милиции, и то посадили?

— Вопрос о твоём аресте пока не стоит?

— Пока! Могу я быть уверен, что управление сделает все, чтобы меня защитить?

Генерал вышел из-за стола:

— Ты бы устроился на работу, Тура. Куда-нибудь! Чтобы можно было доложить: так и так, мол, человек осознал, трудится... Хочешь, позвоню в тот же «Мубекирмонтаж». Там, кажется, требуется юристконсульт... Это хорошее место...

Халматов все понял:

— Спасибо. Я подумаю.

(Продолжение следует)

Юноше,
 обдумывающему
 житье,
 решающему —
 сделать бы жизнь с кого,
 скажу,
 не задумываясь:
 — Делай ее
 с товарища
 Дзержинского.

Так завещал пролетарский поэт В. В. Маяковский грядущим поколениям.

«Его звали железным Феликсом. За несгибаемость и твердость жизненной позиции, сильную волю, неукротимость духа борца, уверенность в достижении поставленной перед собой благородной цели.

Его звали солдатом и рыцарем революции. За бесстрашие, кристальную честность и простоту, великую преданность и верное служение партии и народу.

Его звали грозой контрреволюции. За непримиримость к врагам Советского государства, искусство распознавать и разоблачать их», — пишет в предисловии к книге «Ф. Э. Дзержинский и внутренние войска» генерал-полковник Ю. В. Шаталин, под общей редакцией которого недавно вышел этот труд¹.

Книга состоит из шести разделов, каждый из них содержит определенную группу документов. Первому разделу, включающему письма Феликса Эдмундовича родным и близким, предпосланы его замечательные слова: «Если пришлось бы начать жизнь снова, я бы начал ее так же». В них весь Ф. Дзержинский.

Второй раздел посвящен кипучей деятельности Феликса Эдмундовича. А поручений ему давалось великое множество. Любое из них рыцарь революции выполнял с присущей ему ответственностью и самоотверженностью. Председатель ВЧК, Нарком внутренних дел РСФСР, Председатель Военного совета

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ
 И ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА

войск ВОХР, начальник тыла Юго-Западного фронта, Председатель Московского комитета обороны, Народный комиссар путей сообщения, председатель комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей, председатель ВСНХ — далеко не полный перечень поручений, которые возлагала на него партия.

Крупные организаторские способности, неутомимая энергия, мужество и героизм Феликса Эдмундовича были высоко оценены. Постановлением ВЦИК от 28 января 1920 г. он был награжден орденом Красного Знамени.

Самый большой раздел книги: «Мы — солдаты на боевом посту» включает в себя 100 документов. Они рассказывают о большой организаторской деятельности пламенного революционера по созданию, руководству, боевому применению внутренних войск. Многие документы опубликованы ранее в различных трудах по истории внутренних войск, но, собранные воедино, они еще раз заставляют дать высочайшую оценку организатору и руководителю войск Ф. Э. Дзержинскому. Ряд документов и сегодня имеет большое значение для офицеров и политработников войск.

Высок был авторитет первого чекиста среди бойцов и командиров войск, которые неоднократно избирали его Почетным красноармейцем, направляли

ему телеграммы и резолюции. Так, конференция Московского конвойного полка 17 января 1923 года (док. № 110) командующему войсками ГПУ товарищу Дзержинскому писала: «Со своей стороны Московский конвойный полк дает торжественное пролетарское обещание, что он своей революционной энергией, стойкостью и бдительностью всемерно будет содействовать выполнению задач, возложенных на славные части войск ГПУ».

Авторский коллектив включил воспоминания, очерки, статьи соратников Ф. Э. Дзержинского — В. Р. Менжинского, А. В. Луначарского, В. В. Каменникова, Б. В. Лавровского Н. А. Равича, А. И. Селякина и Р. П. Эйдемана.

На документальной основе написаны очерки историков и журналистов о деятельности Ф. Э. Дзержинского на фронтах гражданской войны.

Эпиграфом последнего раздела «Наследники славных традиций» взяты слова Феликса Эдмундовича: «Товарищи! Будьте начеку! Стойте на страже Республики днем и ночью». Здесь мы знакомимся с историческими документами о присвоении дивизии ОСНАЗ имени Ф. Дзержинского в 1926 г. (с. 272 — 273). Ныне это прославленное трижды орденоносное соединение с честью оправдывает имя первого чекиста.

6 июня 1927 г. приказом ОГПУ 4-му Украинскому полку было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского (с. 275), а 21 февраля 1931 г. постановлением Президиума ЦИК Союза ССР за исключительные заслуги в борьбе против классовых врагов СССР полк был награжден орденом Красного Знамени.

Книга насыщена разнообразными документами из жизни и деятельности пролетарского яковинца.

Генерал-майор
 В. САФОНОВ,
 кандидат военных наук.

¹ Ф. Э. Дзержинский и внутренние войска. М.: ДОСААФ СССР, 1938.

В ЧАСЫ ДОСУГА

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

ЗАДАНИЕ № 4

Предлагаем придумать подпись к рисунку. Три лучших подписи получают по 2 балла и будут опубликованы.

ЗАДАНИЕ № 5

Расшифруйте запись:

+ РЕШИ
ЕСЛИ
СИЛЕН

при условии, что одинаковыми буквами обозначены одинаковые цифры, разными буквами — разные цифры, а наибольшая цифра в записи числа «СИЛЕН» равна 5.

ЗАДАНИЕ № 6

Шины на задних колесах грузовика изнашиваются после 25000 км пробега, а на передних — после 15000 км. Сколько километров может пройти грузовик без замены шин, если в нужный момент поменять местами передние и задние шины? Когда нужно произвести смену шин?

ЗАДАНИЕ № 7

Предлагаем вашему вниманию задачу из старинного русского учебника под названием «Полный курс чистой математики, сочиненный Артиллерии Штык-Юнкером и Математики партикулярным Учителем Ефимом Войтяховским».

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ВОИНА

Служившему воину дано вознаграждение за первую рану 1 копейка, за вторую — 2 копейки, за третью — 4 копейки и т. д. По исчислении нашлось, что воин получил всего вознаграждения 655 руб. 35 коп. Спрашивается число его ран.

МОЖНО ЛИ МНЕ ЗА РУБЕЖИ

«Я, старший сержант Зборовский Олег Францевич, служу во внутренних войсках в должности контролера по надзору в ЛТП. К секретным документам отношения не имею. Возможен ли для меня выезд в Польскую Народную Республику к родственникам на время отпуска? Заполнит роты, к которому я обращался с этим вопросом, ответил, что выезд за рубеж военнослужащим запрещен. Но причину запрета не объяснил, т. к. ее не знает. Прав ли замполит?»

Олег Францевич, на Ваш вопрос отвечает старший офицер-юриисконсульт ГУВВ МВД СССР подполковник В. ОСТАПЕНКО.

В соответствии с действующим положением военнослужащие, изъявившие желание выехать за рубеж по делам частного характера, с разрешения их прямых начальников (от командира соединения и выше) подают ходатайство в органы внутренних дел по месту жительства.

Эти ходатайства рассматриваются при представлении соответствующих документов (приглашение, извещение об открытии наследства, смерти, болезни родственников) в месячный срок, а если поездка связана с серьезной болезнью или смертью родственника, то в течение 3 дней.

А теперь назову некоторые причины, по которым выезд за границу не разрешается:

если военнослужащий осведомлен о государственных секретах или имеются другие причины, затрагивающие безопасность государства, — до прекращения действия обстоятельств, препятствующих выезду;

если это влечет за собой ущемление существенных прав и законных интересов других граждан СССР;

если установлено, что приглашающее лицо находится за границей в нарушение порядка выезда из СССР или пребывания за границей;

если во время предыдущего пребывания за границей военнослужащий совершил действия, нарушающие интересы государства, или установлены факты нарушения им таможенного или валютного законодательства;

если при возбуждении ходатайства о выезде он сообщил о себе ложные сведения.

Кроме того, военнослужащие внутренних войск и их жены (мужья) могут выезжать на лечение и отдых в зарубежные страны, как правило, не чаще одного раза в три года, а в качестве туристов (естественно, при наличии путевки) не чаще одного раза в пять лет.

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

К ЛОСИЮ НА РОГА

ФЕЛЬЕТОН

Крепко держал в руках баранку рядовой Андрей Бревнов. Потому что накрепко усвоил он первую заповедь военного водителя: «Сел за руль — принял пост!» А пост, еще говорили им, свят. «Свят, свят, помни это, солдат, — свербило в мозгу, — свят, свят!»

Помнил солдат и другое — рассказы здешних жителей о том, как на дорогах нередко прогуливаются лоси. Их в этих местах немало — даже на гербе городском сохатого изобразили. В самом областном центре — он там службу начинал — Андрею лось ни разу не встречался, как ни всматривался военный водитель в даль светлую и темную, туманную и солнечную. Теперь вот служит в отдаленном подразделении, где шанс встретить лесного великана явно выше.

Так и маячат перед глазами раскидистые рога, клочковатая бурая борода. Здоровенная, как дубовая колода, голова заслоняет все лобовое стекло — смотрит сохатый своими немигающими фиолетовыми

глазами и шевелит губами, то ли жуя свою жвачку, то ли нашептывая что-то встречным автомобилистам...

Водитель сморгнул, чтобы прогнать видение и тормознул на взгорке, который вел на главную магистраль. На взгорке, конечно, стоять не здорово, но раз уж поздно сморгнул... Машину по главной все равно надо пропустить.

Тут сидящие в машине ощутили удар. «Лось сзади подкрался», — было первой мыслью водителя. «Жигуль» и ахнуть не успел, как на него Бревнов наехал, — пронеслось в другой голове. Справедливости ради скажем, что пикнуть-то «Жигулей» успел. Реакция у владельца «Жигулей» была, естественно, не та, что у военного водителя. Вот он и успел лишь пикнуть, чтобы сдать назад. Ведь не лось же, человек, соображать бы должен.

«А впрочем, — подумал наш неунывающий водитель, — это даже лучше, что не лось, а «Жигуль» сзади оказался. Сшиб бы лось — вот было бы дело!»

Тут военный водитель был полностью прав — встреча с лосем могла закончиться печально. Сейчас же разошлись миром — инспектор ГАИ был миролюбиво-снисходителен. Он даже не заметил отсутствия в УАЗе зеркала заднего вида. А «Жигуль» был застрахован, водитель его спешил, на доводы окружающих («чего с солдата взять», «сам-то чего под самый зад подъехал?», «дистанцию надо держать», «царапины-то на капоте пустяковые» и т. д. и т. п.) лишь рукой махнул. Перекурили это дело и разъехались.

И В ШУТКУ И В СЕРЬЕЗ

К СОЖАЛЕНЬЮ, УВОЛЬНЕНЬЕ ТОЛЬКО РАЗ В ГОДУ

Такую вот грустную строчку пропел с усмешкой кто-то на задних рядах.

А что вышло-то?

Беседовали с солдатами одного из подразделений об отдыхе в выходной. И сразу же прозвучала обида: не пускают в увольнение.

— Да что говорить впустую, — воскликнул рядовой В. Ревко. — Пусть поднимется тот, кто за все время службы хоть четыре раза в увольнении побывал?

Никто не откликнулся...

Грусть этой строчки попытался развеять политработник батальона капитан В. Гусев. Не понимают, мол, войны, что для своего же блага так редко выходят за пределы военного городка. Летом в парадной форме жару им трудно переносить, зимой по улицам городка такие ветры задувают — того и гляди унесут в неизвестность... В общем, послушаешь офицера, так и чудится, что солдаты при одном упоминании об

увольнении в город должны бледнеть и жалобно вопрошать: «За что?..»

— Да лучше в военном городке отдохнуть! — поддерживает политработника комсомольский активист прапорщик А. Береза. — При желании да при некотором опыте организаторов такие различные мероприятия можно провести в выходные дни...

Может быть, и прав прапорщик, даже скорее всего прав. Но вот разговорились мы о том, что же было в прошедшие выходные, и не обнаружили ничего веселого. То на подсобном хозяйстве солдаты работали, то на благоустройство казармы день потратили, то кол-

РЕПЛИКА

Сокрушенно вздыхая — так и не довелось встретить лося в лесном краю, — уезжали мы на следующий день из подразделения. УАЗ с тремя девятками на номерном знаке стоял, как говорится, на всех парах.

Только обернулся я к своим попутчикам, сидящим на заднем сидении, чтобы в очередной раз сокрушенно вздохнуть по не-

состоявшейся встрече с лосем, как почувствовал сильный удар спереди вскользь по брезенту. «Лось!» — пригнул на всякий случай голову. Увы! Снова ожидания мои на экзотическую встречу были обмануты. Таранил нас деревянный шлагбаум у въезда в подразделение.

Разве ж увидишь тонкий еловый хлыст в пучке солнечных лучей, которые вдобавок дробятся в веселых трещинках лобовых стекол? Да если к тому же напрочь отсутствуют солнцезащитные щитки.

Дважды проехал я на этой машине и дважды... не столкнулись мы с лосем. Жалею, что не довелось поехать в третий раз. Во-первых, как истари говаривают, бог троицу любит. Во-вторых, УАЗ носит примечательный номерной знак, начинающийся с трех девяток. Поехал бы я на нем в третий раз и, говоря футбольным языком, наверняка попал бы в девятку.

Не вина рядового А. Бревнова, что до сих пор не видел он сохатого. Возил начальника штаба части по областному центру, где на дорогах сплошь автомобили да светофоры, а вот лося — ни одного. Посоветовались в подразделении и автослужбе и решили перевести солдата в район с меньшей интенсивностью движения. То есть туда, где машин должно быть меньше, чем лосей. Но и на здешних ухабистых дорогах до сих пор не встретился УАЗ с живым лосем.

Все не тех за лося принимает.

Бор. ДУДИНСКИЙ.

хозу помогали, то попросту слонялись из угла в угол (а при таком изнуряющем безделье какой уж отдых).

— Зато нынешний выходной пройдет на славу, — заверял меня капитан В. Гусев. — Объявим его днем активного спорта, сделаем праздником. Вот смотрите, — протянул он наскоро написанный от руки план, — наметили встречи команд по волейболу и футболу...

А на спортплощадке вдруг началась военизированная эстафета.

— Инициатива звезда, — тут же нашелся Гусев. — Поощряем. План не догма. Зачем заорганизовывать?

Заорганизовывать, конечно, вредно. Но ведь и без организации далеко не уедешь.

День активного отдыха проходил ни шатко ни

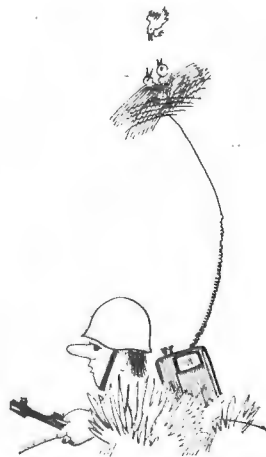
валко. После эстафеты кто-то попрыгал у волейбольной сетки, кто-то погонял мяч на футбольном поле, а сколько было таких, которые скучали в роли зрителя, а потом и вовсе исчезали из поля зрения.

Не получилось праздника. Да и отдыха не получилось. И ничем не запомнился солдатам нынешний выходной. Как и однообразная череда прежних выходных, о которых не осталось замет ни в памяти солдат, ни в планах у политработника.

Может, и в увольнении не ждот солдат сносшибательные удовольствия. Но там он хоть испытывает себя в борьбе со стихиями: преодолевает тепловые удары, снежные вихри. Как-никак, все же развлечение.

С. ЯРОСЛАВЦЕВА.

Улыбка художника.

Рисунки рядового А. ХАКИМОВА.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Из года в год в стране растет армия любителей рыбной ловли и охоты. Немало их и среди наших подписчиков. В своих обращениях в редакцию они не раз просили, чтобы их увлечение нашло отражение в журнале. Открытие рубрики «Рыболовам и охотникам» — наш ответ на эти предложения.

Под ней ты, Читатель, найдешь материалы об особенностях рыбной ловли и охоты в разное время года, об обитателях наших водоемов, лесов, полей, о том, как успешно добывать, заготавливать впрок дары природы, заботясь о ее сохранности, и о многом другом. Надеемся, они будут вызывать интерес у тебя и желание самому выступить под новой рубрикой.

ВРЕМЕНА ГОДА

ПОРА НЕПОВТОРИМАЯ

Зима для истинных ценителей природы — пора неповторимая. А уж для любителей рыбной ловли и охоты это время — самое, самое. Что может быть прекрасной встречи утра в лесу или у лунки! Да и сами сборы, путь в охотхозяйство, на водоем, подчас на нескольких видах транспорта да еще пешочком — в этом тоже есть что-то...

И не беда, если рыбаки или охотники возвратятся без богатой добычи. Общение с природой, не один десяток просверленных лунок, многие километры, отмеренные в нелегкой экипировке в поисках наиболее удачливых мест, азарт истинного спортсмена, нацеленного на победу, — все это дает хороший заряд бодрости, способствует физической закалке, полнокровному отдыху.

Нет, что ни говорите, а зима — это сказка, время надежд.

Подледный лов в январе, феврале, то есть в глухозимье, непредсказуем по результатам. И поэтому, надо полагать, он всякий раз выливается в остро сюжетное состязание: кто кого. А что может быть увлекательнее распутывания заячьих следов или облавы на кабана, пося!!

Вы никогда не рыбачили, не охотились зимой! Зря. Но не отчаивайтесь, у вас есть возможность наверстать упущенное. Только не откладывайте задумку на «потом». Поверьте на слово — не пожалеете.

А ВОТ БЫЛ СЛУЧАЙ

ЗАЯЦ — НЕ ТРУС

Часто можно услышать: «Он труслив, как заяц». А так ли уж труслив этот зверек на самом деле?

Однажды, закончив охоту, собрались мы и стали

обмениваться впечатлениями. Кто-то пожурил молодого охотника, допустившего несколько промахов. Виновник сослался на новое ружье. Решили тут же проверить его бой. Отмерили шагами тридцать метров, поставили мишень на бугорке и стали поочередно стрелять по цели. Только с шестого выстрела мишень была поражена.

И тут случилось такое, от чего мы все оцепенели. Из-под кочки, на которой стояла мишень, выскочил здоровенный заяц-русак и, прижав уши, задал стрелача. Придя в себя, да и по пути домой мы только и вспоминали о зайце, стойко пересидевшем ружейный обстрел.

Вот вам и трусишка!

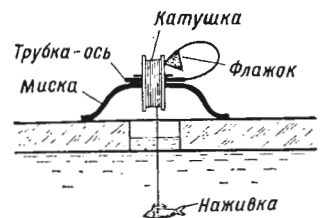
Г. СОТНИКОВ.

ДОМАШНЯЯ МАСТЕРСКАЯ

КОМПАКТНАЯ ЖЕРЛИЦА

Основой этой снасти является полиэтиленовая миска из набора туристской посуды. На дне миски вырезается паз такой величины, чтобы в него свободно входила катушка. Осью для нее будет трубка диаметром 4—6 мм. Для закрепления оси с двух сторон паза делают надрезы. Сигнальное устройство с флажком делается из стальной проволоки диаметром 1 мм. Его нижний конец,

для устойчивости изогнутый, вставляется в трубку.

Жерлица ставится над лункой, крепить ее нет необходимости. Накрывая лунку, миска препятствует попаданию света под лед, вода в лунке дольше не замерзает.

П. НИКОЛАЕВ.

ОПЫТНЫЕ — НОВИЧКАМ

* Зимой рыба лучше ловится в устойчивую морозную погоду без осадков и ветра, во время длительных оттепелей. Клев ослабевает перед ухудшением погоды и прекращается почти совсем при ее резкой смене, когда беснуется метель.

* Рыба не перемерзнет, а значит, будет вкуснее, если ее, сняв с крючка, сразу класть в рыбацкий ящик, сумку, в крайнем случае — засыпать снегом.

* Когда станет донимать холод, оторвитесь от лунки, походите, а лучше проделайте во льду несколько запасных лунок, бросьте в них по щепотке кормового мотыля и засыпьте снегом. Позже они могут вознаградить весомыми трофеями.

* Не оттирайте снегом „прихваченные“ морозом части лица. Мельчайшие кристаллики льда изранят кожу, и туда может попасть инфекция. Воспользуйтесь мягкой чистой тряпичкой.

* Широкая лунка опасна для других рыболовов. Поэтому, уходя с водоема, ее примечают: выкают пучок травы, ветку, нагребают горку снега.

* Взятые на рыбалку бутерброды в ящике замерзают. Этого не случится, если для их хранения пришить вместительный карман с внутренней стороны полушубка.

Н. Окунев.

Фотоэтиюд полковника запаса Б. ПОПОВА.

„Почему нет клева? Разберитесь!“

Рис. В. Лопаты.

■ Авторитетное мнение: подкоп нетрудно обнаружить с помощью... биолокации. Фантастика? Мистика? Нет, это — день сегодняшний. А завтра...

■ Экономический расчет энергично вторгается в жизнь войск. Вопросы — не перечить. К примеру, не пора ли внедрить в практику службы материальную заинтересованность?

■ Что такое автоматизированный КПП? Считается, что этот барьер осужденные преодолеть не смогут. И еще говорят... Словом, разговоров много, а где они, новинки охранной чудо-техники?

■ Почему зачастую об НЛО наши молодые офицеры знают больше, чем о природе неуставных взаимоотношений?

**ЧИТАЙТЕ
В 1989 ГОДУ**

НА Боевом ПОСТУ

■ Солдат научился метко стрелять, умело обращаться с техникой, но при всем при этом психологически не готов принять самостоятельное решение, решиться на поступок. Для воспитателя это проблема...

■ Совокупность норм поведения и есть этика, а о ней, как о форме идеологии, давайте говорить серьезно...

■ ...И вот музыка смолкла, и сразу наступила подозрительная тишина...

Один охранник решительно вошел в помещение, но обнаружил там лишь пустоту.

На столе крутилась магнитофонная катушка с порванной пленкой...

М. ПРУДНИКОВ. Начинаем бой.

